

63.3(0)
А 44

БОРИС АКУНИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

*Короткие истории
о всяком разном*

17

63.5(8)
А 44

БОРИС АКУНИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

*Короткие истории
о всяком разном*

192121/1

16+

Издательство АСТ
Москва

Муниципальное объединение
библиотек
620077 г. Екатеринбург
ул.Антоня Валека, 12

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Разработка макета — Оксана Сергеева

Дизайн переплета — Екатерина Ферез

В оформлении использованы иллюстрации,
предоставленные агентствами Diomedia, ФГУП МИА «Россия сегодня»,
Fotodom, Fotobank, Shutterstock и свободными источниками

Акунин, Борис.

А44 Жизнь замечательных людей и зверей. Короткие истории о всяком разном / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-17-098908-9

«Люди нередко влюбляются в кого-то с одного взгляда. Мы, литераторы, способны влюбиться с одной фразы. Так со мной и произошло. Я влюбился...»

Но ведь мы, читатели, тоже на такое способны. В новой книге Бориса Акунина собраны исторические миниатюры, которые вас удивят, обрадуют, заставят задуматься, а может быть даже «выведут из зоны комфорта». Жизни замечательных (а порой и самых обыкновенных — на первый взгляд) людей и зверей так точно передают настроение и колорит прошлых времен, словно перед нами диковинный калейдоскоп необычайных событий и поразительных персонажей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В.Акунин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Белые амазонки

Уерт его знает, почему убитых на войне женщин должно быть жалче, чем мужчин. Но почему-то жалче.

Может, оттого, что кашу всегда завариваем мы, а когда оказываемся недюжи, на помощь приходят они — идейные, или любящие, или просто экзальтированные, но в любом случае самоотверженные. Воюют они чаще всего неумело, врагов убивают плохо, а сами гибнут легко и быстро, как летящие на огонь мотыльки. И поэтому их невыносимо жалко.

Я в свое время про это целую повесть написал — про женские батальоны смерти, прекрасную и постыдную страницу нашей военной истории (прекрасную для российских женщин и постыдную для российских мужчин). В повесть попала малая толика материалов, которые я собрал в ходе подготовки, — лишь о событиях 1917 года. Но, начав читать про русских амазонок, я уже не мог остановиться. Хотелось узнать, как сложились их судьбы дальше, в еще более жестокие времена.

Судьбы сложились грустно. Большинству патриотов, откликнувшихся на призыв Марии Бочкаревой, пришлось воевать не с германцами, а со своими — на Гражданской.

Известно, что в Красной армии женщин было много: комиссарши, комсомолки, пулеметчицы, санитарки, чекистки, просто бойцы. У большевиков они считались равноправными товарищами, а коли ты равноправная — никаких поблажек. Тащи мужскую ношу и не рассчитывай на джентльменство. Моя бабушка 1899 года рождения тоже воевала у красных. В детстве я замороженно щупал осколок от белоказачьего снаряда, засевший у нее в локте, — это было прикосновение к истории.

Но моя бабушка, как и большинство красноармеек, была пролетарского происхождения. Сирота, выросла «в людях».

Таким было легче привыкнуть к лишениям, грязи, вшам, грубой фронтовой жизни. Бабушка рассказывала мне о простоте солдатских нравов безо всякого осуждения, даже со смехом.

Намного тяжелей пришлось тургеневским барышням, оказавшимся по другую сторону. Да и участь у проигравших войну была трагичней.

*Девушки-прапорщики.
Москва, ноябрь 1917 г. Первый ряд
(слева направо): Виденек,
З. Реформатская, Н. Заборская.
Сзади: А. Кочергина, З. Свиричевская,
З. Готгард*

Их, женщин Белой армии (да простит меня бабушка-большевичка), я и хочу вам показать. Просто посмотрите на эти лица.

Помню, как я начал выуживать их по всему Интернету в процессе работы над повестью — и не мог остановиться. Если было известно имя, пытался выяснить биографию. Иногда удавалось.

Я тогда не записывал, откуда беру снимки, а теперь не восстановишь. Прошу извинения у первоначальных публикаторов.

В 1917 году Александровское военное училище выпустило 25 девушек-прапорщиков. Одна погибла тогда же, когда был сделан этот снимок — во время московских уличных боев; почти все остальные ушли к белым. Девять были убиты на Гражданской войне. Еще две за-

стрелились вскоре после ее окончания.

Из тех, кого вы видите на снимке, ничего не нашел о прапорщике Виденек (даже имени не знаю) — кроме того, что она участвовала в корниловском «Ледяном походе».

Зинаида Реформатская была несколько раз ранена. Дожила до старости, умерла в США.

Подпоручик Надежда Заборская застрелилась в Парагвае.

Антонина Кочергина воевала у Деникина и Врангеля. Эмигрировала.

Зинаида Свирчевская была командирована с юга в Москву с секретным заданием. Схвачена, расстреляна.

Подпоручик Зинаида Готгард застрелилась в Югославии.

Две из них есть и на другой фотографии:

Справа сидит Зинаида Готгард (та, что застрелилась в Югославии). Стоит Надежда Заборская (тоже застрелилась. В Асунсьоне, прости господи). Полулежит вольноопределяющаяся Валентина Лозовская (между прочим, в будущем — жена знаменитого певца Юрия Морфесси).

Врангелевский Крым.
Октябрь 1920 г.

А как вам вот это лицо — на нижнем снимке?

Из воспоминаний А.Г. Невзорова, участника «Ледяного похода»:

«Вопрос о пулеметах и артиллерии нас заботил. Но с пулеметами дело решилось просто: к нам явились две женщины-прапорщика с двумя пулеметами Максима. Они уже были в боях, и одна из них была легко ранена в руку. Тем, как держали себя эти два прапорщика, можно было только восторгаться: они спокойно лежали за своими «максимами» и по приказанию открывали огонь. /.../ Это были сестры Мерсье. Вера и Мария Мерсье окончили в 1917 г. Александровское военное училище и были произведены в прапорщики. С нояб-

Мария Мерсье

*Супруги Бузун.
Снимок 1919 года*

ря 1917 г. находились в Добровольческой армии и участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе пулеметной роты Корниловского ударного полка. Вера погибла в этом походе, а Мария продолжала служить в армии и была убита в 1919 г. под Воронежем».

Посмотрите на эту супружескую пару (жена с «Георгием» и орденом за «Ледяной поход», муж — без наград):

Красавица с кинжалом — Ванда Бузун, батальонный адъютант (Алексеевский полк). Рядом ее муж штабс-капитан Петр Бузун, командир того же батальона.

В следующей главе расскажу про трех самых известных «белых амазонок»: одна — романтическая героиня, другая — верная подруга, третья — неистовая воительница.

Белые амазонки

(продолжение)

Это нежное создание, баронесса Софья де Бодэ, запомнилась многим, кто видел ее на Гражданской войне или просто слышал о ней.

Она происходила из давно обрусевшей французской семьи. Сильно романтизированная биографическая справка сообщает, что Софья де Бодэ — выпускница Смольного института благородных девиц, во время Первой мировой отправилась на войну и служила под командой отца в конной разведке.

Отчество Софьи мне неизвестно. Баронов де Бодэ в армии было двое. Возможно, речь идет об Августине Клементьевиче (1871–1915), бывшем военном атташе в Вашингтоне. На фронте он командовал полком и пал в бою.

Думаю, впрочем, что история про разведку относится к области мифов: к отцу Софья ездила, казаком наряжалась и на коне скакала, но в разведке служила вряд ли. В 1915 году это было бы такой экзотикой, что о юной кавалерист-девице раструбили бы все газеты.

Отношение к женщинам-военным стало меняться лишь с весны 1917 года, когда Мария Бочкарева призвала соотечественниц взять

*Мужской наряд пока еще маскарадный,
à la cosaque*

в руки оружие. Одной из тех, кто с энтузиазмом откликнулся на этот зов, была Софья Бодэ. Она записалась в женский батальон смерти, а потом попала на офицерские курсы при Александровском училище — вместе с 24 другими девушками (см. предыдущий пост).

Кадр кинохроники (нашел в YouTube), снимавшей летом семнадцатого года принятие присяги на Красной площади, выхватил из шеренги вольноопределяющуюся Бодэ — она оглянулась на камеру. Посмотрите, как она изменилась:

*Маскарадные времена закончились.
Теперь все будет по-другому:
кроваво и жестоко*

усталое лицо, вместо кокетливой бекешки — простая солдатская гимнастерка. Уж не знаю, как ей удалось сохранить волосы, ведь добро-волос стригли под ноль.

В октябре она вместе с другими выпускницами надела погоны прапорщика.

«Молоденькая, красивая девушка с круглым лицом, с круглыми голубыми глазами в своем военном мундире прапорщика казалась нарядным и стройным мальчиком. Дочь русского генерала, воспитанная в военной среде, она не подделывалась под офицера, а усвоила себе все

военные приемы естественно, как если бы она была мужчиной...» — пишет один из мемуаристов, видевший Софью в то время.

Меньше чем через месяц произошла революция. В отличие от Петрограда, Москва упорно сопротивлялась большевистскому перевороту. Кровавые бои продолжались несколько дней. Софья командовала отрядом юнкеров, в бою у Никитских ворот была ранена в ногу.

Едва лишь зародилось корниловское движение — уехала из Москвы на юг.

Участвовала в отчаянном «Ледяном походе», откуда мало кто вернулся живым. Софья мелькает в воспомина-

ниях генерала Богаевского: «Спустя полчаса ко мне подлетает карьером одетая в черкеску баронесса Боде, служившая ординарцем в нашей коннице, отчаянно храбрая молодая женщина, впоследствии убитая во время атаки генерала Эрдели под Екатеринодаром, и докладывает, что генерал Корнилов посылает мне свой последний резерв: два эскадрона конницы. Вдали рысью шла за ней конная колонна».

Конная бригада Эрдели понесла тяжелые потери в бою 13 марта 1918 года — это и есть дата смерти Софьи Боде. Она погибла в самом начале страшной войны, но запомнили ее лучше, чем других девушек-прапорщиков. Баронесса де Боде — единственная, у кого был титул, и в кавалерию из выпускниц Александровского училища попала только она.

Офицер-эмигрант Виктор Ларионов вывел ее под именем княжны Черкасской в своем романе «Последние юнкера»: «И вот в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смышленным, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Матвеевым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина».

Я прочитал, что по телевидению несколько лет назад показывали документальный фильм «Баронесса де Боде — легенда Белой армии». Там наверняка более подробно рассказано об этой короткой и романтической жизни.

А вот совсем другая история. Не столько про героизм, сколько про любовь и верность.

Вы наверняка читали про генерала Слащева, отчаянно-го храбреца и гениального тактика. Это был позер, дебошир, кокаинист, без конца со всеми ссорившийся, но не раз спасавший белый фронт. Слащев обожал экстравагантность, носил какие-то умопомрачительные мундиры соб-

ственного дизайнера. «Пускай всякий, кто так воюет, наряжается как ему угодно», — говорил про него Врангель.

Но мы смотрим не на щеголя Слащева, а на девушку, которая рядом.

Это Нина Нечволодова, она с палочкой после ранения, полученного на Чонгарской гати. В ней трудно узнать пухлую барышню, тоже наряженную казаком, со следующего снимка.

Нужно было увидеть и пролить немало крови (своей и чужой), чтобы так перемениться всего за два года. Должен сказать, что, когда сравниваешь любое женское лицо *до* и *после* фронта, содрогаешься.

Девушка с верхней фотографии к тому же еще здорово похожа на мою бабушку в юности. Тот же возраст, та же стрижка, та же непримиримая интенсивность во взгляде. (Во времена моего детства бабушка, сорок килограммов пламенного марксизма-ленинизма, будет запихивать в меня ложку манной каши, говоря: «Любить надо партию, а кашу нужно есть».) Если бы они с Нечволодовой в двадцатом встретились — убили бы друг друга.

Но про бабушку расскажу как-нибудь в другой раз.

Читаем в воспоминаниях И. Сагацкого: «...Около вагона Слащева стояла большая группа и Ниночка-ординарец».

Это была миловидная и стройная девица в белой рубашке с погонями унтер-офицера и одним или двумя Георгиевскими крестиками, в кавалерийских синих бриджах и сапогах со шпорами. Мне успели шепнуть, что Ниночка — из хорошей семьи, ведет себя безупречно и вполне заслуживает свои Георгиевские крестики...

Сагацкий видел Нечволодову в апреле 1920 года, когда она уже состояла при своем сорви-голове и была личностью полулегендарной.

Годом раньше, когда начиналась эта любовь, Нина была сестрой милосердия. Однажды Слащев, в ту пору командир дивизии, был прошит пулеметной очередью. «Между тем пришлось отступать с позиции, и селение, в котором расположился Слащев, оказалось в районе, захваченном красными. Спасла Слащева молоденькая сестра милосердия, бывшая при гвардейском отряде, т. к.

*Дедушка и бабушка.
Начособотдела дивизии
и начособотдела бригады
(ну у меня и гены)*

была сестрой служившего в этом отряде офицера. Она верхом отправилась в селение, в котором лежал Слащев, метавшийся в жару и беспмятстве, взвалила с помощью крестьян раненого на лошадь и прискакала с ним к гвардейскому отряду. Эта сестра милосердия неотлучно оставалась при боровшемся со смертью Слащеве и выходила его. Вскоре после выздоровления Слащев женился на ней. Его первый брак был несчастлив. Эта же вторая жена вполне подходила к нему: под видом ординарца (из вольноопределяющихся) Никиты она безотлучно находится при Слащеве и сопровождает его и в бою, и под огнем», — пишет очевидец.

С того дня и до самой смерти полоумного генерала Нина была с ним неразлучна. Куда он — туда и она. Даже если на верную гибель.

Так было в бою на Чонгарской гати — двухметровой насыпи через Сиваш.

22 марта 1920 года Слащев решил пройти по ней под ураганным огнем красных и захватить противоположный конец. Все офицеры сказали, что это невозможно. Тогда генерал построил мальчишек-юнкеров и под духовой оркестр,

строевым шагом, повел вперед. «Ординарец Нечволодов» шел рядом — и был ранен. Гать в результате взяли, красные не выдержали «психической атаки».

Помните, как в пьесе «Бег», где Михаил Булгаков разделил образ реального Слащева на двух генералов — Чарноту и Хлудова, последний говорит вестовому Крапилину: «Я на Чонгарскую гать ходил с музыкой и на гати два раза ранен!», а Крапилин в неистовстве кричит: «Все губернии плюют на твою музыку!»?

По-моему, губернии правильно делают. Гнать под пулеметы любимую женщину — скверный героизм.

Дальнейшую биографию Слащева перескажу совсем коротко.

У Врангеля лопнуло терпение, и он снял самодура с командования армией. Нина последовала за Слащевым.

В эмиграции Слащева разжаловали и оставили без пенсии — Нина (в отличие от подруги генерала Чарноты) любимого не бросила.

Потом Слащеву взбрело в голову вернуться в Совдепию, где он был заочно приговорен к смертной казни. Нина поехала с ним.

В фильме «Бег» подругу Чарноты сыграла Татьяна Ткач

Бывшего генерала амнистировали, и он преподавал тактику на высших командных курсах «Выстрел». Нина руководила там театральной студией.

Даже в кино они снялись вместе: в кинокартине «Врангель» сыграли самих себя.

Но в 1929 году Слащева убил некий Коленберг, мстя

за брата, казненного белыми (у Слащева было прозвище «вешатель»).

И здесь следы Нины Нечволодовой теряются. Куда она исчезла и что с ней было дальше, неизвестно.

Белые амазонки

(окончание)

Зту-то женщину вы почти наверняка знаете, а во времена моего детства, когда телесериалов было мало и каждый из них становился событием, ее знала вся страна. Правда, многие думали, что ротмистр Мария Захарченко из фильма «Операция «Трест»» — персонаж вымышленный или, по крайней мере, сценаристы нарочно подбавили «женщине с маузером» колорита.

А вот и нет. Реальная Мария Лысова-Михно-Захарченко Шульц прожила жизнь еще более удивительную, чем героиня Людмилы Касаткиной. В кино, снятом к «пятидесятилетию великого Октября», всей правды про белогвардейскую подпольщицу, конечно, рассказать было невозможно, но чувствовалось, что авторы против воли восхищаются этим вроде бы отрицательным персонажем.

[Кстати говоря, написал про «пятидесятилетие октября» — и вздрогнул. Мальчишкой я смотрел тот фильм про чекистов и белых террористов как сказку про невозможно далекие времена. А ведь 1967 год от наших дней дальше, чем тогда был 1927-ой, когда происходит действие фильма. Пора отмечать пятидесятилетие пятидесятилетия Великого октября. «Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной» (И. Бродский). Но не буду отвлекаться.]

Самая яркая роль фильма

Юность у генеральской дочки Маши Лысовой была вполне заурядной для девушки ее круга. Пожалуй, единственная не совсем обычная деталь — страстная любовь к лошадям. Мария с детства была прекрасной наездницей. А так что ж? Закончила Смольный, годик поучилась в Швейцарии, в двадцать лет выскочила замуж за гвардейского офицера. Было это за год до начала мировой войны.

Теперь сравните две фотографии.

Маши двадцать лет

Маши немногим
за тридцать

Невозможно поверить, что это один и тот же человек. Между снимками всего одно десятилетие. Но какое...

Что ж, давайте посмотрим, как из милой мадемуазель с хлыстиком получилась железная женщина с маузером.

Муж Марии, капитан Михно, в самом начале войны был смертельно ранен и скончался в госпитале, на руках у беременной жены (она родила три дня спустя).

Проявив невероятное упорство, вдова — через великую княжну Ольгу Николаевну и императрицу — добилась назначения в боевую часть (ранее я уже говорил, что для 1915 года это было совершенно исключительным событием). Оставив грудного младенца, она поступила в гусарский полк. Сначала сослуживцев раздражало ее присутствие, да и проку от горе-кавалеристки было мало. Ее «штатская» посадка не годилась для конного боя. Но вольноопределяющаяся

Михно была упряма и со временем постигла всю гусарскую науку.

Первый Георгиевский крест она получила за то, что ночью вывела отряд в германский тыл. Второй — за то, что, сама будучи ранена, вывезла из-под огня раненого товарища. Медаль «За храбрость» — за взятие пленного.

Та война была хоть и суровой, но «по правилам». На следующей, Гражданской, правила отсутствовали, суровость превратилась в озверение, а пленных, даром что соотечественники, «пускали в расход». (Однополчане будут называть бывшую барышню с хлыстиком «бешеной Марией» за то, что она не брала красных в плен.)

К Деникину Мария добиралась долго и сложно. К этому времени у нее уже была другая фамилия, она вышла замуж за полковника Захарченко. Супруги раздобыли документы персидских подданных и поэтому попали в Добровольческую армию кружным путем, через Персию.

Мария воевала в уланском полку, которым командовал Захарченко. Как и ее первый муж, он умер в госпитале. Сама она тоже получила тяжелое ранение, была обморожена. Эвакуировалась вместе с остатками врангелевской армии. В общем, исполнила классическое белогвардейское «хождение по мукам» от точки до точки.

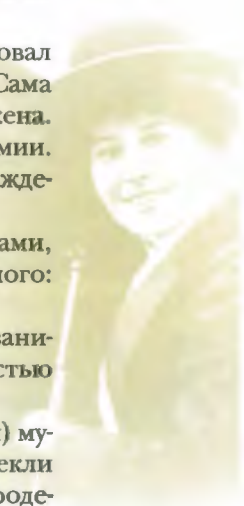
В эмиграции другие офицеры устраивались таксистами, официантами, швейцарами. Мария хотела только одного: продолжать борьбу с красными.

Она вступила в организацию генерала Кутепова, занимавшуюся подпольной и террористической деятельностью на территории Советской России.

В 1923 году вместе со своим третьим (невенчанным) мужем лейб-егерским капитаном Радкевичем они пересекли эстонско-советскую границу и в последующие годы проделывали это рискованное путешествие не раз.

Вышло так, что «супруги Шульцы» оказались игрушкой в руках ОГПУ, которое в это время проводило многокомпонентную провокацию с кодовым названием «Трест». Принцип операции был позаимствован у царской Охранки, использовавшей двойного агента Азефа для контроля над террористами.

Эта игра продолжалась не один год. В конце концов в мае 1927 года чекистская интрига была раскрыта. Подполь-

щиков немедленно начали арестовывать, но «Шульцы» сумели уйти в Финляндию.

И сразу же после этого, вместо того чтоб благодарить судьбу за чудесное спасение, Мария стала добиваться у руководства организации разрешения вернуться в СССР. Она чувствовала себя скомпрометированной, опозоренной, желала смыть вину кровью.

Георгий Николаевич
Радкевич (1898-1927)

Не прошло двух недель, как она и Радкевич вновь оказались на советской территории, но теперь поврозь — каждый вел собственную диверсионную группу. Никакого специального задания у них не было: они шли просто убивать чекистов.

Радкевич отправился в Ленинград. Через два дня после перехода границы бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ. Долго уходил от погони. Был окружен. Отстреливался. Покончил с собой.

Своего третьего мужа Мария к этому времени уже разлюбила, у нее завелся новый спутник — Александр Опперпут (в фильме эту роль сыграл Донатас Банионис), вместе с ней державший путь на Москву. Я не уверен, что можно назвать романтическим словом «любовь» отношения тридцатилетней Марии с мужчинами. Полагаю, к концу жизни она разучилась любить (посмотрите в глаза женщины со второй

фотографии). У людей, которые живут одной ненавистью, на другие чувства не остается душевных сил.

Боевики попытались устроить взрыв в чекистском общежитии на Лубянке, но теракт сорвался.

Уходили, разделившись: Опперпут одним маршрутом (и вскоре погиб в перестрелке), Мария и еще один офицер — другим.

На них устроили гигантскую облаву с перекрытием железных дорог, прочесыванием лесов, мобилизацией армейских частей и даже местных жителей. Ротмистр Захарченко считалась самым опасным террористом белого подполья.

Мария и 23-летний Юрий Петерс-Вознесенский угодили в ловушку близ Полоцка. Отбивались до последнего патрона. Точнее, до предпоследнего. Если верить фильму «Трест», Мария стреляла по-снайперски.

Красноармеец, участвовавший в этом бою, так описывает последнюю минуту жизни белой Немезиды: «На противоположной опушке леса, в интервале между мишениями [перестрелка происходила на армейском полигоне], стоят рядом мужчина и женщина, в руках у них по револьверу. Они поднимают револьверы кверху. Женщина обращается к нам, кричит: — За Россию! — и стреляет себе в висок. Мужчина тоже стреляет, но в рот. Оба падают».

Известно, что бывают люди, до такой степени пропитавшиеся войной, что они уже не могут остановиться. История жизни Марии Захарченко свидетельствует, что этой болезни подвержены не только мужчины.

Сейчас она застрелится

И это серьезное дело нельзя поручать никому

«Романы кончаются тем, что герой и героиня женились... Описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это все равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам».

Лев Толстой. Дневник

Не знаю, прав ли здесь Лев Николаевич, но другое, более известное его изречение на ту же тему стопроцентно справедливо: про несчастливые браки рассказывать гораздо интереснее, чем про счастливые.

Не буду сейчас объяснять, зачем я углубился в тему неудачных браков. Понадобилось изучить самые впечатляющие матримониальные фиаско венценосных особ. Про одно из них вам и расскажу. (Впрочем, эта поучительная история хорошо известна, ее пережевывают и смакуют скоро уж двести лет.)

Когда в мае 1821 года с далекого острова Святой Елены пришла весть о смерти Наполеона Бонапарта, министр иностранных дел лорд Каслри кинулся во дворец порадовать короля: «Государь, вашего злейшего врага более нет!»

Георг IV в совершеннейшем восторге воскликнул: «Как? Неужто она умерла?!» Он вообразил, что речь идет о его супруге королеве Каролине.

Этот милый брак свершился при следующих обстоятельствах.

В бытность наследником престола Георг много шалил, наделал кучу долгов (по нынешним деньгам на 40 миллионов фунтов стерлингов), да еще и тайно женился на католичке. Парламент пообещал принцу выплатить долги и увеличить содержание, если его высочество перестанет дурить и женится на протестантке августейшего происхождения, а свой предыдущий брак будет считать недействительным.

Предложение было интересное, поэтому принц Уэльский быстро согласился, поручив правительству выбор суженой. Наверное, решил, что за такие деньги можно и не привередничать.

Жену нашли, руководствуясь государственными соображениями. Англия в ту пору воевала с Францией и нуждалась в плацдарме на континенте, а у герцога Брауншвейгского заневестила дочь Каролина.

Первый раз свою суженую принц увидел лишь накануне свадьбы. Она показалась ему уродиной, и от нее пахло несвежим бельем. (Каролина не виновата — новомодная концепция личной гигиены не успела дойти до маленьких немецких дворов.)

«Кого вы выбрали мне в жены?» — сказал король. Потом слабым голосом произнес: «Мне нужно выпить бренди», и удалился.

Принцессе Каролине жених тоже ужасно не понравился. «Да он толстый! И вовсе не такой красавец, как на портрете!» — пожаловалась она. (На портрете вообще-то, как можно заметить, тоже не очень.)

Брачная ночь все-таки состоялась, потому что одним из условий сделки с парламентом было рождение ребенка. Для храбрости принц наакался так, что, по свидетельству принцессы, большую часть ночи провалялся под кроватью. Всё же че-

Дама с характером

*Для такого душки ничего
не жалко*

рез девять месяцев на свет появилась девочка. Сразу после рождения ребенка принц Уэльский составил завещание, по которому законной супруге в случае его кончины должен был достаться один шиллинг.

Под одной крышей принц и принцесса просуществовали недолго. Каролина переселилась в поместье, где жила в свое удовольствие. Георг тоже ни в чем себе не отказывал. А когда Наполеоновские войны закончились, ее высочество уехала из скучной Англии в Италию и зажила еще веселей, чем прежде. Условностям она значения не придавала и вообще была дамой с характером.

Например, полюбила слугу-итальянца и не скрывала своих с ним отношений. Купила ему баронский титул, чтобы порадовать красавца.

Относительно мирная супружеская жизнь на безопасном расстоянии друг от друга закончилась, когда принц Уэльский вдруг стал королем.

Тут захотелось побыть королевой и Каролине. К ужасу его новоиспеченного величества она засобиралась в Лондон. Предложили отступного — отказалась.

Тогда король срочно затеял бракоразводный процесс, проходивший в палате лордов.

И началось шоу а-ля Андрей Малахов.

Публика узнала массу пикантных подробностей об интимной жизни истца и ответчицы. На улице собирались то ликующие, то негодующие толпы. Короля народ не любил, зато отчаянная Каролина людям нравилась, ее шумно приветствовали (примерно как в девяностые принцессу Диану). Понимая, что дальше будет только хуже, лорды прекратили разбирательство. Развод не состоялся.

Но Каролина осталась королевой только по имени. На коронацию ее не пустили, хоть она колотилась то в одни, то в другие двери Вестминстерского аббатства, кричала, топа-

ла ногами. Король наверняка слышал эти шаги командора и трясся от ярости.

Именно в те скандальные дни лорд Каслри и ввел его величество в сладостное заблуждение.

Правда, после этого Каролина промучила любимого супруга недолго. От обиды и стресса слегла, приказала долго жить. Успела оставить последнее распоряжение: на гробнице высекли надпись «Каролина, оскорбленная королева Англии».

Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

*Адвокат ее величества
обвиняет его величество*

Коронация Георга IV

Быль о сером волке

(Жеводанское чудовище)

В Европе, где нет ни львов, ни тигров, ни крокодилов, ни смертоносно ядовитых змей, самым страшным фольклорным зверем оказался скромный волк. Им-то и пугают детей с незапамятных времен. Например, мое самое раннее воспоминание неоригинально: «Придет серенький волчок и ухватит за бочок», — пела няня. Правда, я не пугался, поскольку «волчок» у меня коннотировался с нестрашной вертящейся игрушкой, а песню я адекватно оценивал как художественную гиперболизацию и за свой бочок совершенно не опасался.

Вот я вам сейчас расскажу по-настоящему страшную сказку про серого волка. И самое ужасное в этой сказке то, что она — быль. А к тому же еще детектив с неочевидной разгадкой.

В середине 18 века, в цивилизованной Франции, в разгар века Просвещения, развернулись невероятные события, наделавшие много шума. В историю эту было бы трудно поверить, если б весь ее ход не был подробно задокументирован.

В лесах Лангедока завелся страшный зверь-людоед, которого прозвали Жеводанским чудовищем, потому что первую свою жертву, 14-летнюю девочку, монстр задрал в провинции Жеводан. Случилось это весной 1764 года.

Свидетели описывали некое животное крупнее волка, но меньше медведя, с рыжеватою шерстью, огромной тупорылой башкой и закрученным хвостом.

С этого момента нападения чудовища (большинство источников все-таки называет его «волком») уже не прекраща-

лись. В общей сложности, по официальным данным, от клыков таинственного зверя погибли более ста человек (в основном женщин и детей). Еще тридцать были покусаны, но выжили.

Паника охватила не только регион, но прокатилась по всей Франции. Лучшие охотники королевства искали в густых лесах зверя-убийцу. Безрезультатно.

Тогда Людовик XV специальным эдиктом направил в Лангедок своего главного ловчего Антуана де Ботерна. Много недель Ботерн расставлял ловушки, устраивал засады и в конце концов, уже в сентябре 1765 года, его егеря застрелили аномально крупного волка. Труп животного был с триумфом доставлен в Версаль, выставлен на всеобщее обозрение. Слухам о Жеводанском чудовище было высочайше велено прекратиться.

Но не прекратились убийства. Еще целых два года монстр пожирал женщин и детей, только в газетах об этом больше не писали. Отрапортовано о решении проблемы — значит, проблемы больше нет.

Слава истинного победителя Жеводанского волка принадлежит простому охот-

Пришел серенький волчок...

Женщины вкуснее мужчин

Чучело показывают в Версале

Памятник Жану Шателю в его
родной деревне

нику по имени Жан Шатель. 16 мая 1767 года зверь искушал до смерти девочку, его родственницу. Шатель шел по следу кровожадной твари три дня, в конце концов нашел ее и застрелил. На сей раз это несомненно было оно, Жеводанское чудовище: свидетели его опознали. Да и нападений с того дня больше не было.

Точные размеры зверя известны. Не такой уж он был исполин: длина тела всего 99 сантиметров, а зев шириной 19 сантиметров. Немного крупнее немецкой овчарки. Вот уж воистину у страха глаза велики.

Таковы факты. Дальше начинаются вопросы.

*Figure du Monstre, qui desole le Gouvaudon,
Cette Bête est de la taille d'un jeune Taureau elle attaque de préférence les Femmes,
et les Enfants elle boit leur Sang, leur coupe la Tête et l'emporte.
Il est promis 2700^{fr} à qui tuerait cet animal.*

Хвост для волка странноватый

Во-первых, непонятно, что это все-таки было за животное: волк или не волк?

Во-вторых, волки почти никогда не нападают на человека в одиночку, только стаей.

В-третьих, очевидцы героической победы Шателя рассказывали, что, когда охотник наконец увидел чудовище, оно само пошло ему навстречу, чуть ли не виляя хвостом. Почему?

На сегодняшний день большинство историков склоняются к следующей версии.

Жан Шатель был человеком нелюдимым, жил на отшибе, со сворой «молоссов» — охотничьих псов особой породы, происходящей от скрещения волка с собакой. Возможно, один из щенков оказался крупнее и злее других. Возможно, Шатель был мизантропом, который специально натаскал метиса охотиться на людей. Зачем? Черт его знает. Допустим, это был социопат, наслаждавшийся зловещей славой и тайной властью над жизнью и смертью окружающих. Подобные экземпляры встречаются. Во всяком случае, эта версия логично объясняет развязку драмы. Когда родственница Шателя умерла в муках, изгрызенная зверем, охотник решил уничтожить свою опасную «игрушку». Он наверняка знал, где следует искать людоеда, — и хладнокровно пристрелил монстра, когда тот кинулся навстречу хозяину.

Есть еще более причудливая версия — про то, что Шатель действовал не сам по себе, а выполнял приказы своего господина, маркиза де Сент-Албана, слывшего сумасбродом и человеконенавистником.

Теперь уже никто достоверно не установит, что там произошло на самом деле.

Лет десять назад во Франции вышел художественный фильм, навеянный историей про Жеводанское чудовище, — «Le Pacte des loups», но я его не видел и какой из версий придерживаются создатели, не знаю.

Настоящая умная женщина

Расскажу вам о Настоящей Умной Женщине.

Ум, как известно, бывает разного калибра и профиля: практический, научный, творческий, смекалистый, «женский», поведенческий, психологический и так далее. Но, думаю, самый главный тип ума — тот, который позволяет человеку правильно относиться к жизни.

Люди нередко влюбляются в кого-то с одного взгляда. Мы, литераторы, способны влюбиться с одной фразы. Так со мной и произошло. Я влюбился в леди Монтегю, когда работал над книгой «Писатель и самоубийство», именно что с одной фразы.

Нет, не беспокойтесь, эта дама не совершила самоубийство, для этого она была слишком умна.

Мэри была дочерью графа Пирпонта, появилась на свет в 1689 году. Почти всё детство провела в библиотеке отцовского замка — там было одно из богатейших книжных собраний Англии. Но в книжного червя или, как говорили в более поздние времена, в «синий чулок» Мэри не превратилась. У книг она научилась главному — самостоятельно думать.

В юном возрасте она оказалась в ситуации, довольно обычной для девицы той поры: полюбила одного, а отец собирался выдать ее за другого. При этом с избранником сердца соединиться по какой-то причине было никак нельзя. Мэри решила эту тягостную коллизию с невиничьей мудростью: раз счастья нет, пусть будет покой и воля. Сама выбрала человека, которого могла уважать и который при этом обещал не ограничивать ее свободы, сбегала с ним и вышла замуж без отцовского разрешения.

Сэр Уолтер Монтегю тоже был человеком умным, занимал видные государственные должности, и его жена стала украшением лондонского света. В нее влюблялись, пересказывали из уст в уста ее остроты, почитали за честь вести с ней переписку.

Бедный Александр Поуп, великий поэт, по уши влюбился в Мэри (очевидно, как и я, после какой-нибудь удачной фразы). Пылко признался в своих чувствах, а красавица, не дослушав, покатила со смеху — и заработала себе врага на всю жизнь.

В двадцатилетнем возрасте на Мэри обрушилась страшная для молодой женщины, а особенно красавицы беда: оспа, лечить которую европейская медицина совер-

Красавица и поэт: обидная для литераторов сцена запечатлена на известном полотне Вильяма Фрита

шенно не умела. Леди Монтегю выжила, но всё ее лицо покрывлось отметинами, знаменитые ресницы выпали.

Тогда она перестала появляться в свете и заставила восхищаться собой на расстоянии. По ее настоянию муж добился должности посланника при дворе султана. В Константинополе Мэри выучила язык и обычаи, впервые исследовала жизнь гарема — и издала «Турецкие письма», которыми зачитывалась вся Европа. Кроме того, посланница изучила восточную методику вакцинации оспы.

Теперь можно было и вернуться. В Англии разразилась очередная эпидемия, и леди Монтегю вступила с нею в борьбу. Начала с того, что вакцинировала свою трехлетнюю дочку. Потом предложила провести эксперимент над семью приговоренными к смерти преступниками в обмен на обещание помилования. Они выжили и были отпущены на свободу. Затем тот же опыт был проделан над шестью сиротками из приюта (все равно дети там мерли как мухи). Сиротки тоже выжили. Тут уж король повелел подвергнуть спасительной процедуре собственных внуков, страна поверила в эффективность лечения, и эпидемия была побеждена.

К пятидесяти годам леди Монтегю решила, что отныне она вступает в возраст полной свободы и больше не будет считаться с условностями. Она разошлась с мужем (сохранив с ним чудесные отношения) и стала жить в свое удовольствие. Путешествовала, общалась только с людьми, которые ей были интересны. В биографии Льюиса Кроненбергера сказано: «Она ненавидела запуд, от которых бегала, и ненавидела дураков, с которыми ссорилась». Надо сказать, о женщинах леди Монтегю была невысокого мнения, предпочитала общество мужчин, что неудивительно, если учесть тогдашний уровень обычного женского образования. «Я рада, что я женщина, — говорила Мэри, — благодаря этому мне не придется обзаводиться женой». Нас, беллетристов, эта дама тоже не любила. «Сочинители романов, — говорила она, — наносят читателям двойной ущерб: воруют у них деньги и время».

Жить леди Монтегю предпочитала в сладостной Италии, а на родину вернулась, только когда почувствовала, что пора умирать — в почтенном для той эпохи 73-летнем возра-

Красавица

Умница

сте. На исходе жизни Мэри как-то призналась, что не заглядывала в зеркало последние одиннадцать лет. Ну не умница?

Вот три возраста леди Мэри Уортли Монтегю — на трех картинах.

«Человек, не умеющий быть довольным собой, вообще никогда и ничем не будет доволен» (самая знаменитая ее максима).

А теперь фраза, с которой началась моя любовь к леди Монтегю.

Находясь на смертном одре, она сказала (это были ее последние слова): «Всё это было очень интересно».

Вот это и называется правильным отношением к жизни.

Счастливая старушка

Настоящая писательница

Почему я считаю настоящей, стопроцентной, архетипической писательницей женщину, которая не оставила такого уж яркого следа в литературе, объясню в конце. Сначала просто расскажу о моей любимице тем, кто про нее ничего не знает или слышал это имя лишь краем уха.

Она была умна, энциклопедически образована, превосходно разбиралась в людях и обладала — выражаясь современ-

ным языком — незаурядными лидерскими качествами. Но в эпоху, когда общество относилось к сильным женщинам с предубеждением, Мари-Жанна предпочитала действовать, оставаясь в тени своего мужа.

Он был на двадцать лет старше, подкаблучник, безропотный обожатель своей высокоодаренной супруги, которая вывела мужа в большие люди, обеспечила ему место в учебниках истории, а в минуту опасности спасла от эшафота. Правда, это последнее благодеяние... Нет, не стану забегать вперед.

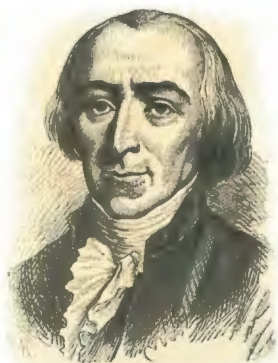
Дело было так.

С началом революции господин Ролан, живший в

Мари-Жанна Ролан де ля Платьер (1754–1793). Обычно ее называют просто «мадам Ролан»

Лионе, начал публиковать блестящие статьи в прессе. Под ними стояла его подпись, но автором была Мари-Жанна. Благодаря журналистской деятельности Ролан прославился, стал депутатом, перебрался в Париж. Там вокруг него (а на самом деле вокруг его жены) возник политический кружок, со временем превратившийся в жирондистскую партию. Ролан стал министром внутренних дел. Он произносил в Конвенте вдохновенные речи, текст которых готовила супруга.

А это мсье Ролан

Не буду утомлять вас пересказом революционных интриг и распрей. Довольно сказать, что умеренные жирондисты проиграли борьбу за власть кровожадным якобинцам, и чета Роланов угодила в ennemis du peuple.

Мари-Жанна помогла мужу бежать из Парижа, а сама осталась, ибо не признавала поражений — и в конце концов оказалась в тюрьме.

Именно там, во время пятимесячного заключения, она и написала «Обращение к беспристрастным потомкам», свое единственное произведение, обнаружив незаурядный литературный талант. Если б не гильотина, из мадам Ролан несомненно получилась бы выдающаяся писательница. Книга написана легко, энергично, пружинисто — без обычной для восемнадцатого столетия вязкости. Маленький образчик стиля (и характера Мари-Жанны): «Нет ничего хуже, чем иметь дело с дураком; единственный способ — связать его веревкой, все иные методы бесполезны».

Последний день ее жизни весь расфасован на цитаты, ставшие знаменитыми.

В 1793 году «врагам народа» рубили головы на площади Революции (нынешняя площадь Согласия), перед гипсовой статуей Свободы. Приблизившись к эшафоту, Мари-Жанна поклонилась истукану и воскликнула: «Ах, Свобода! Сколько преступлений свершается твоим именем!»

Плачущему дворянину, которого должны были казнить вместе с ней, Мари-Жанна сказала: «Идите первым, сударь. Вам будет не под силу смотреть, как я умираю».

Вон она, Свобода, — сидит, смотрит

Но я люблю мадам Ролан не за ее восхитительное мужество. Она покорила мое сердце другим поступком, не столь пафосным и менее известным.

Когда ее посадили в позорную колесницу, чтоб везти к месту казни, она попросила бумаги и чернил — чтоб записать мысли и впечатления на пути от тюрьмы Консьержери к площади Революции.

Вот что такое настоящая писательница! (И пусть горят в аду те, кто не исполнил ее последней просьбы.)

А мсье Ролана от эшафота она спасала зря. Узнав о смерти жены, он, находившийся далеко от Парижа, в безопасности, закололся шпагой, пережив Мари-Жанну на два дня.

Имя у него было зеркальное: Жан-Мари.

Настоящая принцесса

Теперь расскажу, какой, в моем представлении, должна быть настоящая принцесса. Это одна из самых ярких жемчужин в моей коллекции необычных судеб.

Принцесса была индийская, но родилась она в Москве (почему я ею первоначально и заинтересовался), главные события ее короткой жизни произошли во Франции, а погибла она в Германии.

Нур Инайят-хан принадлежала к роду легендарного майсурского владыки Типпу-султана, который в 18 веке доставил много хлопот английским колонизаторам.

Но отец принцессы был человеком мирным. Он жил в Европе, где основал Суфийский орден Запада, и больше всего на свете любил музыку. Выступал с концертами и религиозными лекциями.

Предок: Типпу-султан
(1750-1799).
Он пал, сражаясь

Отец: Хазрат Инайят-хан. Говорят, нравом он был подобен ангелу

Главную роль сыграла
в мистерии Алиса Коонен

Умница и красавица
Нурунисса Инайят-хан

Перед первой мировой войной какое-то время жил в России (чуть ли не по приглашению Распутина, увлекавшегося мистическими учениями Востока). Суфийским вероучителем и его музыкой всерьез заинтересовались композитор Скрябин и поэт Вячеслав Иванов. Таиров поставил мистерию «Шакунтала» на музыку Инайят-хана.

Дочь Нур появилась на свет не где-нибудь, а в Кремле. Ее мать была американка. Девочка выросла во Франции и Англии, поэтому и французский, и английский были для нее родными языками.

Когда немцы захватили континент, семья перебралась в Лондон. И храбрая принцесса, отказавшись от отцовской заповеди непротивления злу насилием, записалась в разведшколу, где стала одной из лучших учениц радиокласса.

Она была первой женщиной, заброшенной на оккупированную территорию. В первые же полтора месяца все остальные передатчики были захвачены, и Нур осталась единственной радисткой Сопротивления на весь парижский регион. Глава британской разведки писал в отчете: «Это самая ответственная и самая опасная миссия во всей нашей сети». Риск был слишком велик, принцессе предлагали вернуться в Англию — она отказалась. Дважды она чудом ушла из засады. Один раз — отстреливаясь.

В сентябре 1943 года ее выдала предательница. Говорят, была влюблена в одного из резистантов и приревновала его к красивой радистке. Версия такая нелепая, что похожа на правду.

При аресте хрупкая девушка оказала яростное сопротивление. Ее допрашивали в гестапо, но она не выдала никаких секретов. Дважды пыталась бежать. В конце концов ее де-

портировали в Германию, десять месяцев продержали в одиночке закованной. Расстреляли в концлагере Дахау, но перед этим, по свидетельству очевидцев, эсэсовец (имя известно: Фридрих Руперт) ее зачем-то долго избивал. Настоящие принцессы вызывают у всякой мрази животную ненависть.

*Грустно поем: «Ах война,
что ты, подлая, сделала»*

Диверсант № 2

Меня с давних пор занимают исторические фигуры, которые являются, так сказать, «серебряными медалистами». Это когда все внимание потомков досталось другому герою, добившемуся на том же поприще лучших результатов или больше прославившемуся по прихоти случая. Допустим, понятно, почему весь мир знает имя Юрия Гагарина, а космонавт № 2 Герман Титов известен куда меньше. Но часто бывает, что «второй номер» ни в чем не уступал первому, а может быть, даже его превосходил, однако остается в памяти последующих поколений лишь бледной тенью «золотого медалиста».

*«Застенчивый,
очень спокойный.
Блестящий аналитик»
(Из воспоминаний
соотника)*

Скажем, все слышали про Отто Скорцени, которого военные историки, вне зависимости от национальной принадлежности, признают самым результативным диверсантом Второй мировой. Блестящая операция по освобождению Муссолини и личное покровительство фюрера принесли лихому австрийцу огромную прижизненную славу, а напичканные саморекламой мемуары возвели бывшего оберштурмбаннфюрера в статус непревзойденного гения спецопераций, хотя на самом деле неудач у Скорцени было не меньше, чем триумфов.

А я хочу рассказать про немецкого диверсанта № 2. Не без сожаления выдаю с потрохами исторический прототип, из которого собирался слепить харизматичного злодея для «Шпионского романа-2». Сиквела у книжки, вероятно, не будет. Так что не жалко.

Познакомьтесь (кто не слышал этого имени раньше): Адриан фон Фёлькерзам, «актер второго плана» из свиты суперзвезды Скорцени, при том что результативность у Фёлькерзама была выше, а приключения не менее поразительны.

Причин, по которым этот человек малоизвестен, две: во-первых, он числился заместителем Скорцени и все лавры доставались начальнику; во-вторых, не дожил до конца войны и не имел возможности написать мемуары. Но те, кто лично знал обоих, пишут, что молчаливый, незаметный зам дал бы сто очков вперед своему хвастливому шефу.

Нам этот человек интересен еще и тем, что он был нашим соотечественником. Во всяком случае, родился в России и на русском говорил как на родном.

Бароны фон Фёлькерзам были остзейцами, российскими подданными еще с петровских времен.

Дед Адриана — русский адмирал, младший флагман печальнопамятной тихоокеанской эскадры, погибшей при Цусиме. Правда, он скончался от болезни накануне битвы, но погребен завидным для моряка образом: положенный в холодильник, отправился на дно вместе с потопленным броненосцем «Ослябя».

Внук адмирала родился в Петербурге, но во время Гражданской войны семья эмигрировала, поэтому воспитывался и учился Адриан в независимой Латвии, а потом в Германии.

В 1940 году вступил добровольцем в знаменитый полк «Бранденбург-800», готовивший диверсантов для заброски на вражескую территорию. Босвым группам

Это герб
Фёлькерзамов

Младшие флагманы 2-й Тихоокеанской эскадры: (слева направо) контр-адмиралы Небогатов, Энkvист и Фёлькерзам

полка была отведена очень важная роль на первом этапе операции «Барбаросса». Маленькими отрядами они просачивались в советский тыл и наносили удары по узлам связи, мостам и штабам, нарушали стратегические коммуникации, сеяли панику и так далее. Отец мне рассказывал, что в ужасные дни отступления от западной границы в наших войсках царил настоящий психоз по поводу вездесущих «парашютистов» — и вреда от этой истерики было во много раз больше, чем от самих диверсантов, которых отец ни разу так и не видел.

Лейтенант Фёлькерзам возглавил ударную «Балтийскую роту», состоявшую из русскоговорящих фольксдойче, литовцев и бело-эмигрантов; она натворила много всяких пакостей — например, захватила штаб целой дивизии, оставив ее без управления.

Не буду перечислять все досадные для нас фёлькерзамовские военные подвиги, а остановлюсь на одном, который и сегодня фигурирует в учебниках диверсионно-разведывательных школ под названием «Майкопский рейд».

Летом 1942 года Гитлер решил, что не стоит тратить силы на взятие Москвы, а лучше повернуть удар на юг и захватить каспийскую нефть. Больше всего немцев беспокоило, что, отступая, русские подожгут промыслы, трубопроводы, нефтеочистительные сооружения и на восстановление уйдет много месяцев.

Бойцы как бойцы. Только левый, на мой взгляд, какой-то подозрительный

Фёлькерзам получил практически невыполнимое задание: забраться в глубокий тыл противника и сберечь от разрушения нефтедобывающую инфраструктуру Майкопа.

Согласно немецким источникам, в июле диверсионный отряд в составе 62 человек просочился через линию фронта. Все были русскоязычные, одеты в форму НКВД; у Фёлькерзама — документы на имя майора Трухина.

По пути «Трухин» задержал беспорядочно отступающих бойцов, пристыдил за малодушие, построил в колонну. Доставил к командующему обороной Майкопа, который был рад подкреплению. В суматохе катастрофического августа 1942 года формальности не соблюдались. Генерал брал с собой «майора госбезопасности» в объезд по ключевым точкам обороны и города. Фёлькерзам постарался повсюду примелькаться.

Когда 8 августа немецкие танки приблизились к Майкопу и там началась спешная подготовка к уничтожению нефтяных объектов, диверсанты разделились на полтора десятка мобильных групп. Одна захватила центральный пункт связи, откуда передала в части приказ о срочном отступлении; несколько «пятерок» имитировали при помощи гранат артобстрел, чтобы вызвать панику; остальные разъехались по буровым и предприятиям с приказом об отмене запланированных взрывов. Если верить немецким реляциям, вся эта авантюрная, но тщательно рассчитанная механика сработала: Майкоп был оставлен без серьезного сопротивления, а буровые сохранились. Фёлькерзам получил высшую военную награду — Рыцарский крест.

Освободив из плена Муссолини, Отто Скорцени стал фаворитом Гитлера и получил возможность брать в свое спецподразделение лучших специалистов диверсионного дела. Гауптштурмфюрер (капитан) Фёлькерзам стал начальником штаба и главным помощником «человека со шрамом», занимаясь подготовкой всех важных операций. Так он разработал планы похищения маршала Петэна и убийства маршала Тито, однако эти акции в последний момент были отменены. Зато в октябре 1944 г. Фёлькерзам рассчитал и провел как по нотам фантастическую операцию «Панцерфауст». (Скорцени подробно описывает ее в своих мемуарах, переведенных на русский, но, как обычно, блистает там главным образом он сам.)

Коротко расскажу. Венгерский диктатор Хорти через своего сына вел тайные переговоры с Советским Союзом о выходе из войны. Только что то же самое проделала Финляндия, но Финляндия была от Рейха далеко, а через Венгрию у нашей армии появился бы прямой выход к герман-

*В Будапештском замке. Слева Скорцени, мой экс-прототип
справа*

ской границе, и война закончилась бы на несколько месяцев раньше.

Диверсанты сначала напали на охрану Хорти-младшего, скрутили его, закатали в ковер и переправили самолетом в Рейх. Когда диктатор, несмотря на похищение сына, всё же объявил о выходе Венгрии из войны, отряд Скорцени—Фёлькерзама внезапным ударом захватил Будапештский замок, резиденцию Хорти, почти без боя, с минимальными потерями. Хорти был смещен, во главе Венгрии встал Салаши, и война продлилась столько, сколько продлилась. (В марте 1945, за два месяца до победы, мой отец чуть не погибнет в мясорубке под Секешфехерваром — чтоб тому Фёлькерзаму провалиться с его талантами.)

Потом была масштабная диверсионная операция «Гриф» — в Арденнах, где Фёлькерзам, говоривший по-английски не хуже, чем по-русски, вредил как мог непуганым американцам. А потом дела у Рейха стали совсем плохи, и Гитлеру пришлось забивать гвозди микроскопом.

В январе 1945 года элитный «Ягдфербанд-Ост» («Охотничий отряд — Восток») во главе с Фёлькерзамом был брошен на затыкание дыры в прорванном фронте. Против со-

ветских танков и артиллерии навыки диверсионно-разведывательного мастерства были бесполезны. Из восьмисот человек выжили пятнадцать. Пробиваясь к своим, они тащили на носилках смертельно раненого командира — это о многом говорит.

Вот такой у нас в ту войну был противник. Когда-то один счастливцев, вернувшийся с фронта одируким, зато живым, сказал мне, юнцу: «Знаешь, я не верил, что мы их победим. И сейчас не понимаю, как у нас это получилось».

Эта фраза произвела на меня большее впечатление, чем все серии киноэпопеи «Освобождение» вместе взятые. Верили — не верили, но ведь победили же.

Детский возраст криминалистики

Итаю историю британской криминальной полиции, написанную сэром Бэзил Томсоном (1861–1939).

До чего же трогательно выглядят первые успехи дедукции, восхищавшие современников!

Первым гением уголовного сыска в Англии был полковник Томас де Вейль (1684–1746), прославившийся храбростью, любвеобильностью (после него осталось 25 законных детей, сколько незаконных — неизвестно) и фантастической по тем временам проницательностью.

Сэр Бэзил Томсон

Главный триумф дедукции у де Вейля был следующий.

Однажды ограбили посудную лавку, причем в замке остался кончик ножа, которым преступник воспользовался вместо отмычки.

Через некоторое время сыскался подозреваемый. Но вот беда — этот человек упорно отрицал причастность к краже. И тут де Вейль блеснул креативом. «Не одолжишь ли мне свой ножик, приятель?» — невинным тоном осведомился

он. Что было дальше, вы догадываетесь. Вломщику и в голову не пришло выкидывать хорошую вещь только из-за того, что у нее отвалился крошечный кусочек лезвия.

И весь Лондон ахнул, поразившись уму и находчивости полковника де Вейля.

Другая история, случившаяся в более утонченные времена, в двадцатые годы XIX века, так и осталась бы неразрешимой загадкой, если б не случайность.

Обокрали почтовую карету. Подозреваемого вскоре нашли по приметам и схватили. Это был некий Том Партридж. При опознании на него указали очевидцы.

Но арестованный клялся, что невиновен, и вообще держался как-то очень уж уверенно. На суд он привел целую дюжину свидетелей, людей вполне уважаемых, которые подтвердили, что в день кражи обвиняемый находился совсем в другом месте. Суду оставалось только оправдать подсудимого.

А пару лет спустя прокурор, оставшийся с носом, случайно увидел Партриджа на улице. Решил за ним проследить — чтобы на всякий случай знать, где теперь проживает тот, кого он считал ушедшим от заслуженного наказания преступником. Том подошел к какому-то дому, крикнул: «Эй, открой дверь!» — и из окна высунулся... еще один Том Партридж.

То есть, собственно, не Том, а Сэм — его брат, с которым они были совершенно на одно лицо.

*Взгляд де Вейля прямо
насквозь пробирает*

*Очевидцев было примерно столько,
сколько изображено на этой картинке*

Подлинный Джекил-Хайд

Я всегда считал повесть Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» плодом писательского воображения, фантастической притчей на вечную тему двуединности человеческой души, в которой не стоит сегрегировать Зло от Добра.

Оказывается, ничего подобного.

В доме, где рос Роберт Стивенсон, имелась мебель, в свое время сделанная краснодеревщиком Уильямом Броди. Это имя не могло не интриговать маленького эдинбургца. «Декан Броди» (1741–1788?) считался

и до сих пор считается местной знаменитостью.

Броди являлся одним из столпов городского общества. Он был не только деканом своей ремесленной гильдии (будем считать — профсоюзным лидером), но еще и депутатом горсовета, членом привилегированного джентльменского клуба и прочая, и прочая.

Однако по ночам почтенный декан вел совсем другую жизнь. Его фирма занималась изготовлением не только мебели, но и всякого рода замков. В дневное время Броди конструировал ключи, а под

*Вот Броди перед набом
своего имени*

покрывом тьмы без труда открывал запоры своего собственного производства и забирал ценности из дома заказчика — не сразу, конечно, а по истечении значительного времени, чтоб не вызвать подозрений. Преступник действовал так аккуратно и осторожно, что никто не догады-

вался о его второй жизни целых восемнадцать лет. В конце концов злодея выдал один из подручных, случайно попавший в руки полиции. Броди бежал на континент, скрывался, но его отыскивали, доставили обратно и повесили.

Воров в Британии хватало, среди них иногда попадались и джентльмены, но это всё были люди разорившиеся и опустившиеся. Броди же был человеком весьма обеспеченным. Ни современники, ни потомки не могли разгадать загадку: зачем он стал взломщиком? К чему было столько лет рисковать? Ради чего?

Про декана Броди известно, что к своим дополнительным доходам он относился так, будто они жгли ему руки: просаживал лишние деньги в кости и карты, да еще, кажется, щедро жертвовал на благотворительность.

Вот и Стивенсон в детстве, видимо, тоже ломал голову над тайной мистера Броди, а когда вырос и стал писателем, сочинил повесть о человеке, страдающем раздвоением личности.

Это потому что во времена Стивенсона еще не знали терминов «адреналиновый маньяк» и «латентная социопатия». На свете полным-полно мирных представителей миддл-класса, которым ужасно не хватает приключений. Другое распространенное явление — когда приличные в повседневном общении люди испытывают жгучую потребность устроить какое-нибудь безобразие, но держат себя в руках, потому что опасаются последствий.

Декан Броди, вероятно, был подвержен обоим этим психическим аномалиям. Если б в те времена существовал стритрейсинг или хотя бы пейнтбол, обошлось бы без виселицы. А свои социопатические порывы Броди мог бы гасить в социальных сетях. Зарегистрировал бы несколько аккаунтов под инфернальными пиками, да ходил бы троллить и хамить в комментариях по чужим блогам. У нас в блогосфере таких «мистеров хайдов» вагон и большая тележка.

Но я еще не рассказал самое интересное: о казни эдинбургского оборотня.

Вешали декана Броди на весьма добротной виселице, которую он сам же в свое время изготовил по казенному заказу.

*Сводку теленостей
в те времена заменял лубок:
«Джентльмен-взломец
за решеткой!»*

Умирать мастер золотые руки не собирался и проявил смекалку. Во-первых, надел стальной ошейник. Во-вторых, дал взятку палачу, чтоб тот закрепил петлю правильно. В-третьих, предупредил друзей, что на отпевание его принесут не вполне мертвым. Ну и в-четвертых (вот настоящий перфекционизм), еще вставил себе в горло серебряную дыхательную трубку на случай, если с ошейником что-то не заладится.

И ведь как в воду смотрел. Палач оказался негодяем: приговоренного задернули с обнаженной шеей. Когда же друзья попытались оживить висельника, ничего не получилось. Дыхательная трубка тоже не помогла.

Это по одной версии.

А по другой, друзья все-таки вернули декана к жизни, он уехал из Англии, и его потом видели в Париже живехоньким.

Интересно: повесили его или нет?

Жалко, я не смотрел фильм «Декан Броди» и не знаю, какую концовку предпочел сценарист.

На его месте я обязательно сочинил бы эффектную сцену с оживающим покойником, у которого изо рта — ах, какой сюрприз! — вылезает серебряная трубка. А потом Броди и его аморальная, но любящая подруга плывут под парусами через Ла-Манш, навстречу восходящему солнцу и финальным титрам.

Видел кто-нибудь кино? Чем там у них кончается?

Братья и разбойники

И известно ли вам, что одну из самых уважаемых в мире полиций, британскую, в свое время основали двое людей, казалось бы, совершенно не приспособленных для подобного рода начинаний? Удивительно не то, что они были братьями, а то, кем были эти братья.

Взгляд у Генри Филдинга
лукавый, совсем не
судейский

Старшего, Генри Филдинга (1707–1754), вы знаете: он был писателем, автором «Истории Тома Джонса, найденыша» — на мой взгляд, это первый роман, который и сегодня можно читать с удовольствием, без скидки на год написания. В свободное от сочинительства время Генри Филдинг исполнял обязанности судьи.

В Англии середины XVIII века эта должность предписывала не только судить преступников, но и способствовать их поимке. С этим в Лондоне было плохо. То есть с преступниками-то хорошо, они просто кишмя кишели, грабили обывателей прямо среди бела дня, а вот с поимкой — плохо. Совсем никак. В городе с полумил-

лионным населением не существовало полиции. Констеблей выбирали по жребию, как сейчас присяжных. Приличные люди этой повинностью брезговали, нанимали вместо себя всяких бродяг. Таких «народных дружинников» следовало опасаться не меньше, чем откровенных разбойников.

Писателям иногда приходят в голову странные фантазии. Вот и Генри Филдинг придумал невиданную штуку: профессиональную полицию.

Власти сначала покрутили пальцем у виска, но писатель был человек настойчивый, с хорошими связями. В конце концов ему ассигновали сумму, на которую можно было содержать целых 6 (шесть) сыщиков. Работы у них было так много, что они носились по городу с утра до вечера и с вечера до утра, а поскольку контора судьи Филдинга находилась на Боу-стрит, первых полицейских прозвали «бегунами с Боу-стрит».

К сожалению, Генри Филдинг так и остался в истории британской полиции лишь «автором оригинальной идеи». Применить ее на практике он не успел — умер. Продолжил дело его младший брат Джон, унаследовавший судейское звание и кабинет на Боу-стрит.

Если беллетрист кажется вам малоподходящей фигурой для столь серьезного дела, как создание профессионального правоохранительного ведомства, то Джон Филдинг на роль борца с преступностью и вовсе не годился.

Дело в том, что он был слепой. В юности, служа в королевском флоте, получил травму головы и лишился зрения.

Это был уникальный человек. Он использовал «бегунов» в качестве своих «рук» и «ног», а сам исполнял функцию мозга. Никто лучше «Слепого Ключа» (так его прозвали преступники) не умел проводить допросы. Обладая феноменальным слухом, Джон держал в памяти целую аудиотеку — различал голоса трех тысяч уловников.

Многие приемы, считающиеся азбукой криминалистики, впервые были введены и опробованы слепым судьей. Он первым стал печатать в газетах приметы находящихся в розыске преступников; завел картотеку; стал устраивать опознания и очные ставки. На

Джон Таунсенд, самый знаменитый из «бегунов», первый настоящий сыщик

Джон Филдинг (1713–1780). На лбу у него была черная повязка, в руке — неизменный хлыстик

Судебное заседание

Это он в английском сериале «Город порока»

судебные заседания Джона Филдинга публика собиралась как на спектакли.

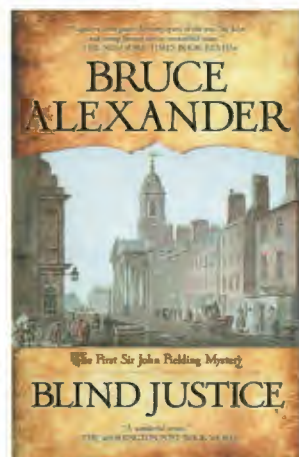
За какие-то два года «Слепой Ключ» избавил Лондон от организованной преступности. В 1763 году он создал первый отряд конной полиции, всего-навсего десять человек, но и этого оказалось достаточно, чтобы на улицах столицы совершенно прекратился дневной разбой (а ночью порядочным людям выходить из дому все равно незачем).

Впервые прочитав про слепого начальника полиции, я подумал: вот отличный персонаж для исторического детектива!

Но вскоре выяснил, что таких умных и без меня полно. Про Джона Филдинга сняты и фильмы, и телесериалы.

А писатель Брюс Александер сочинил целый цикл детективных романов «Тайны сэра Джона Филдинга».

В общем, и слава, и интерес потомков достались младшему брату, а старший так и остался автором «Тома Джонса». Хотя, может быть, его бы это только порадовало.

У, противная

Для моих авантюрных романов нужен постоянный приток свежих интересных злодеев. В поисках прототипов я перерыл всю мировую историю. С мужчинами все отлично; бьяки и буки этого гендера имеются в широком ассортименте. С женщинами — много хуже. То ли они менее склонны к социопатии, то ли многовековая мужская диктатура мешала им как следует развернуться.

Но кое-кого я все-таки выловил и в соответствующий файл прикиношил.

Была у меня, например, идея написать роман «Фэнтези» для проекта «Жанры». Требовалась кандидатка на вакансию препротивной императрицы. Этакой гадины, насквозь порочной и абсолютно безжалостной, чуждой всяких обычных человеческих чувств. Даже собственные дети для нее — разменная монета.

Нашел двух прекрасных кандидаток. Первая — византийская императрица Зоя Багрянородная (978–1050). Всем хороша и даже расчудесна, жаль только бездетна. Пришлось отсеять (я ее, правда, вставил в повесть «Огненный перст». А вот вторая кандидатка подошла просто идеально. Поскольку мне она уже не пригодится — enjoy. Персонаж того стоит.

(Прошу прощения у китайстов, если неправильно транскрибирую имена — источники у меня были в основном иностранные.)

Итак, Китай эпохи Тан. Седьмой век. Половина Европы бегают в шкурах и молится грому с молнией. Русские леса пока даже не русские; Рюрика (которого, возможно, вовсе не было) дожидаться еще целых два столетия.

А в Срединной империи уже тысячу лет конфуцианская этика, грамотность, обустроенные города, твердые законы

и прочие плоды просвещения, о которых я, впрочем, больше осведомлен по фантазийным повестям Роберта Ван Гулика. (Кто не читал про «благородного мужа» судью Ди — сочувствую.)

И вот в самой цивилизованной стране тогдашнего мира появилась на свет девочка с необычным для нашего уха именем У. Очень красивая, умная, с железным характером. Вышиванием и прочими женскими глупостями заниматься не желала, всё время проводила за чтением книг. Ее отца, крупного чиновника, постоянно переводили из провинции в провинцию, и девочка пытливо изучала, как устроена жизнь в разных краях. В хорошенькой головке происходила какая-то трудная, скрытная работа.

Император Гао-цзун: могущественный, но слабый. Такое бывает

В тринадцать лет юную красотку забрали в гарем к императору — чуть ли не против воли родителей. Мать плакала по дочери, как по покойнице. А та выглядела очень довольной: она станет наложницей владыки вселенной.

В женских покоях дворца новая конкурбина пятого ранга провела двенадцать лет, кажется, так ни разу и не попав в опочивальню Сына Неба. А когда император Тайцзун скончался, двадцатипятилетнюю У вместе с другими бездетными наложницами отправили в монастырь, пожизненно.

Интересно, когда именно она стала чудовищем? То ли уродилась такой, то ли нравственно покалечилась от долгого за-

творничества в гареме и монастырского заточения. Так или иначе, новый император Гао-цзун совершил большую ошибку, когда, польстившись на красоту монахини, вернул ее во дворец.

На первом этапе восхождения У действовала так, как только и могла действовать властолюбивая женщина той эпохи: манипулировала могущественным мужчиной.

Не буду подробно описывать извилистый путь, которым бывшая монахиня шла к власти: все бесчисленные каверзы, поклепы, доносы и тайные убийства. Остановлюсь лишь на одном эпизоде. Законная супруга императора не могла

иметь детей. Но одного этого гандикапа было недостаточно, чтобы избавиться от соперницы. И У осуществила следующую комбинацию: удушила свою новорожденную дочь, а вину свалила на императрицу — та-де совершила это ужасное злодеяние от ревности. Версия выглядела убедительно, сфабрикованные улики довершили дело. Возмущенный государь изгнал опороченную супругу (которую У вскоре приказала умертвить) и женился на безутешной матери несчастной малютки.

Новая жена вертела слабовольным императором, как хотела. Обычно во время заседаний правительства сидела за ширмой позади мужа и подсказывала ему, что говорить. Даже недоброжелательные летописцы признают, что советы были мудры, ибо У «хорошо знала литературу и историю».

Через несколько лет Гао-цзуна хватил удар, и царица начала править от его имени уже безо всякой ширмы.

Осложнение возникло, когда подросток сын, наследный принц. Силой характера он пошел в мать, но, испорченный конфуцианским воспитанием, не желал следовать путем зла, а хотел править по закону и справедливости. Методы, которыми управляла матушка (она, например, любила топить своих врагов в чане с вином или рассекать на четыре части), принцу решительно не нравились. Пришлось императрице непослушному сыночку отравить. А что было делать?

Другие сыновья были покладистей. Некоторое время она властвовала, прикрываясь именем одного из них, потом прогнала его прочь, посадила на трон другого. А в 690 году, шестидесяти шести лет от роду, решила покончить с этой ненужной декорацией и объявила себя правящим императором (единственный случай за четыре тысячелетия китайской истории).

В глубокой старости, каковой в те времена считался восьмой десяток жизни, от слишком долгого пребывания у власти императрица-император начала терять хватку. По-

*Императрица У Цзэтянь:
а глаза добрые-добрые...*

грязла в неподобающем возрасте разврате, попала в зависимость от начальников своей секретной службы — и в конце концов закончила тем, чем заканчивают все подобные диктаторы. Приближенные составили заговор и свергли одряхлевшую правительницу. Вскоре она скончалась в заточении. Наверное, перед смертью сокрушалась, что была слишком доверчива к людям и пролила недостаточно крови.

Эх, какая замечательная злодейка получилась бы для «Фэнтези»: мать, пожирающая своих детей.

Париж не стоит обедни, или Перельман былых времен

Иifestory графа Шамбора невероятно интриговала современников, однако сегодня ее вспоминают нечасто — мало кого интересует Несбывшееся и тупиковые ответвления истории.

Когда у Бурбонов, казалось бы, обреченных на вымирание, вдруг появился наследник, в рождении младенца усмотрели Перст Божий. Ребенка так и назвали — Henri Dieudonné, то есть «Богоданный Генрих». Ему достался титул герцога Бордоского, но в зрелом возрасте он предпочитал называться графом де Шамбором, по названию одного из замков, находившихся в фамильном владении династии. Под этим именем наш герой был известен всю свою жизнь, хотя до самой смерти роялисты упорно называли его Генрихом Пятым.

С 1830 года, когда французы окончательно свергли «ничего не забывших и ничему не научившихся» Бурбонов, десятилетний Генрих-Богдан все время находился в эмиграции и получил право ступить на родную землю лишь сорок с лишним лет спустя.

Жизнь изгнанного монарха на чужбине скорее напоминает грустный и чувствительный роман — «Человек, который смеется» или «Большие надежды».

Богоданный принц, веривший в свою волшебную звезду, вырос и стал нестигаемым рыцарем монархической идеи, которой подчинил всю свою жизнь. Он даже женился не из любви, а из принципа: взял в жены дочь единственного монарха (герцога Моденского), кто отказался признать

королем «узурпатора» Луи-Филиппа. Правда, невеста была нехороша собой, глуха и не способна к деторождению, но это всё были второстепенности. Одним из первых своих декретов нецарствующий монарх объявил: «Сим провозглашаю, что никогда не откажусь от прав, коими, согласно французским законам, я обладаю по праву рождения».

Современникам, воспитанным на романах Дюма и Гюго, непреклонный принц чрезвычайно импонировал. У большинства было убеждение, что эта красивая история рано или поздно завершится успокоительным, заранее известным финалом: Шамбор преодолеет все испытания. Награда, то есть корона, найдет героя.

К тому мало-помалу и шло.

Во Франции середины столетия конкурировали четыре основные политические силы: легитимисты (те, кто за Шамбора), орлеанисты (сторонники конституционной монархии Луи-Филиппа), бонапартисты и республиканцы. Все три враждебные Шамбору фракции получили — и провалили свой исторический шанс: сначала Луи-Филипп Орлеанский, потом Наполеон III, потом республика.

«Дитя Чуда» — так называли принца в детстве, ибо он родился после смерти отца

Эволюция:

Маленький Принц — Принц-Шарман — Упертый Отморозок

И вот — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — на шестом десятке Шамбор оказался победителем. Орлеанисты ему подчинились, бонапартисты покрыли себя позором Седана, республиканцы залили Париж кровью и перепугались народовластия. Большинство французов желали отдаться под власть благородного и рыцарственного эмигранта, да и вообще после ужасов войны и Коммуны все соскучились по пышности и праздничности монархического образа правления.

В 1873 году парламент стал вести с Генрихом Пятым переговоры о возвращении страны под скипетр Бурбонов. Вопрос был решен. Главный камень преткновения — конституционность — у Шамбора возражений не вызвал: коли такова воля народа, он не против. (Всеобщий вздох облегчения.)

Вот уже изготовлены парадные кареты, на которых триумфатор торжественно въедет в ликующий Париж.

А потом дело рассыпалось — из-за сущего пустяка.

Это одна из тех карет

Французы успели полюбить свой трехцветный флаг, покрытый славой революционных и наполеоновских побед. Однако Шамбор заявил, что знаменем страны могут быть только белые лилии, иначе он короноваться отказывается. Депутаты долго не могли поверить, что это заявлено всерьез. По-

Компромиссный флаг с сайта современных легитимистов

том, кряхтя и чертыхаясь, предложили компромисс: гибрид двух флагов.

«Полно ребячиться, государь! Ступайте царствовать!» — взывала вся Европа, истомившаяся в ожидании гарантированного хэппи-энда.

Но Шамбор, этот Григорий Перельман девятнадцатого века, твердо сказал: нет, он останется верен духу основателя династии Генриха Четвертого, который не-

когда покрыл белое знамя неувядаемой славой. Под восторженное блеяние романтических барышень и недоверчивое «ах!» всего остального общества монархический проект рассыпался. Франция осталась республикой, а ведь по всему должна была бы дойти до наших времен королевством британского образца.

Честно говоря, не знаешь, как относиться к упрямству графа Шамбора. Что это было — пример истинной принципиальности или чудовищная тупость? Уж во всяком случае не верность духу Генриха Наваррского, который, как известно, был веселым циником, ради короны запросто переменял веру, а из-за какой-то тряпки и вовсе «заморачиваться» бы не стал.

Лично мне как сочинителю эта история греет душу неожиданной развязкой, кукишем вместо обещанной и вроде бы неизбежной рифмы «розы».

Помнить героев

Одним из главных пороков я считаю короткую память — когда люди пренебрегают прошлым, забывают долг благодарности, не помнят героев. «Забытый герой» — вот словосочетание, от которого у меня в сердце вонзается заноза.

И как же здорово, когда благодарность надолго переживает того, кто совершил подвиг или сделал что-то очень хорошее. Особенно если герой не имеет потомков и не используется политиками для какой-нибудь пропаганды.

Именно про такого и хочу вам сегодня рассказать.

Начну с детской фотографии моего героя.

В таком примерно возрасте Занджир поступил в учебку для собак при Криминально-следственном управлении индийского города Пуна. Пса там научили многим полезным вещам — в частности, унюхивать взрывчатку.

Занджир оказался настоящим собачьим Моцартом по этой части — с раннего возраста проявлял черты истинной обонятельной гениальности.

Когда юному сотруднику угрозыска был всего год, Занджир, распределившийся после школы в бомбейскую полицию, прославился на всю страну.

В марте 1993 года один гад, главарь преступного синдиката, организовал в горо-

На самом деле это не он, а просто дитя лабрадора. Моего героя в детстве не сфотографировали — не знали, что он станет героем. Но все золотые ретриверы похожи

Герой в зрелые годы

де серию террористических актов.

Я был в Бомбее. Улицы этого перенаселенного города напоминают пересадочные узлы московского метро в час пик. Я никогда не видел такого количества людей. И вот некая гнусь по каким-то своим гнусным соображениям устраивает там один за другим террористические акты. В разных районах гремят взрывы. Огромное количество людей убиты и ранены. Началась паника. При этом взрывы продолжают и продолжают — всего их произошло тринадцать.

А было бы шестнадцать. Если б не Занджир, который в той сумасшедшей обста-

новке сумел найти целых три взрывных устройства.

Это был его звездный час, но далеко не последний подвиг. В целом за свою карьеру мой герой помог обезвредить (цитирую данные агентства «Рейтер») 3 329 кг взрывчатки, 600 детонаторов, 249 гранат и 6406 боевых патронов.

К сожалению, до старости и заслуженного отдыха Занджир не дожил. Он умер в восьмилетнем возрасте, в расцвете сил, от рака костей.

Надо сказать, что индийцы — большие молодцы. С благодарностью у них всё в порядке.

Во-первых, Занджиру устроили почетные похороны, на которых присутствовало множество народа, в том числе высшее полицейское начальство.

А во-вторых (и это меня особенно тронуло), о героической собаке снова вспомнили в двадцатилетний юбилей ее

Занджир (1992-2000)

главного подвига. Снимок усыпанного розами и ритуальным красным порошком Занджира выплыл из прошлого и обошел весь мир. Я себе тоже скопировал, решив, что обязательно напишу о золотом лабрадоре.

Чтобы еще раз вспомнили.

Утонуть в пустыне

Если бы я написал роман об этой женщине, название обязательно получилось бы по-восточному цветистым и избыточным. Что-нибудь вроде «Загадочная жизнь и невероятная смерть Махмуда Саади, известного гяурам под именем Изабеллы Эберхардт».

Давайте сначала я коротко перескажу вам биографию русской девочки (она прожила всего-то 27 лет) с нерусским именем — точно так же, как впервые прочитал это жизнеописание я сам. И ничему не поверил, потому что всё выглядело абсолютно неправдоподобным. Я стал копнуть, вникать в подробности, разбираться в парадоксах, и оказалось: всё так и было. Что до загадок — большинство разъяснились, но некоторые остались нерасшифрованными.

Родным языком Изабеллы был русский, хотя в России она ни разу так и не побывала. Девочка родилась в Женеве 17 февраля 1877 года. Ее мать, жена престарелого генерала русской армии и сама (по меркам того времени) весьма уже немолодая дама, влюбилась в учителя своих детей, бывшего семинариста, и навсегда осталась с ним за границей. Представьте Одинцову и Базарова 15–20 лет спустя: они сошлись в гражданском браке, и у них родилась девочка, поздний ребенок.

Семья, в которой дети генерала и дети семинариста росли вместе, жила на большой запущенной вилле.

Девочка была заморожена арабским Востоком. Сначала один старший брат, потом другой вступили в Иностранный легион и уехали в Магриб; их письма будоражили ее воображение. «Грустный зов Неведомого и Иного всегда манил меня», — напишет она впоследствии.

Изабелла стала писательницей в восемнадцать лет. Она начала публиковать в парижских журналах под мужским

псевдонимом пряную, мечтательную прозу на восточную тематику еще до того, как побывала в Северной Африке.

В 1895 году Изабелла уговорила мать отправиться в Алжир. И с этого момента тургеневский роман о мечтательной девице заканчивается, начинаются сказки Шахерезады. Что ни факт — чудо чудное, диво дивное.

Обе российские подданные — и мать, и дочь (естественно, по инициативе последней) — принимают Ислам. Потомственная дворянка Наталья де Мордер, урожденная Эберхардт, 59 лет от роду, берет себе имя «Фатьма Манубия». Изабелла же становится «Махмудом Саади»; отныне она почти всегда носит мужской арабский наряд.

В последующие годы Изабелла-Махмуд:

- путешествует верхом, иногда в одиночестве, по всему Магрибу;
- участвует в антифранцузском восстании;
- вступает в суфийское братство Кадрийя (нечто немыслимое и для европейца, и для женщины);
- несколько раз высылается французскими военными властями за антиколониальную пропаганду;
- оказывается жертвой покушения — религиозный фанатик наносит ей несколько ударов саблей;
- становится первой в истории женщиной — военным корреспондентом;
- выходит замуж за солдата-араба, с которым вынуждена находиться в постоянной разлуке из-за своих странствий.

А про последний эпизод в жизни Изабеллы Эберхардт я расскажу чуть подробнее, ибо он показался мне уж вовсе фантастическим.

Осенью 1904 года Изабелла после очередной восьмимесячной разлуки встретила с любимым мужем в маленьком городке Айн-Сафра, находящемся в пустыне на юге Алжира. Через два часа после того, как супруги соединились, в пустыне началось наводнение, и Изабелла утонула.

*Снимок из периода
грез о Востоке*

Это уже не фрезы: Изабелла в пути.
По-моему, не очень похожа на мужчину

Когда я прочитал про потоп в пустыне, у меня возникло твердое ощущение, что вся эта life story — глупая мистификация.

Здесь сплошь одни загадки:

1) Две европейские женщины по собственной прихоти вдруг взяли и приняли мусульманство? Что за странная блажь? Да и возможно ли такое в принципе?

2) Можно ли поверить, что женщина год за годом успешно выдавала себя за мужчину? Судя по портретам, хрупкая Изабелла не больно-то была похожа на гермафродита.

3) И вообще: может ли *европейская женщина* выдавать себя за *арабского мужчину*? Что, арабы такие идиоты? Даже не способны разобрать иностранный акцент?

4) С какого гашиша ряженую белую девицу станут принимать в члены мистической секты?

5) Ну и, конечно, главное: *утонуть*, извините, *в пустыне*? Где и жажду утолить иногда проблема?

Ответы на эти резонные вопросы — в следующей главе.

Разгадываем загадки

(продолжение)

Посподи, каких только версий, пытающихся объяснить загадку Изабеллы Эберхардт, я не встречал.

Исследователей и исследовательниц очень занимал интимный аспект приключений храброй путешественницы-травести. Из воспоминаний известно, что, помимо прочих экстравагантных причуд, она еще и шокировала современников «непристойным поведением» — открыто заводила романы с мужчинами, причем отдавала предпочтение арабам (двойной скандал для ханжеского и расистского колониального общества).

Согласно одной версии, ларчик просто открывался: вся тайна Изабеллы Эберхардт заключалась в ее пристрастии к «содомизму», то есть анальному сексу, сурово осуждавшемуся европейской моралью и не возбранявшемуся на Востоке. По другой теории, Изабелла, подобно Жанне Д'Арк, страдала аменореей (отсутствием месячных), что помогало ей как во время длительных путешествий в мужской компании, так и при любовных утехах.

До чего же я не люблю умников, норовящих свести тайну неординарной личности к какой-нибудь физиологической аномалии! Мне совершенно наплевать, как там было у «Махмуда Саади» с менструальным циклом и сексуальными предпочтениями. А на перечисленные в первой половине рассказа вопросы нашлись внятные ответы.

Девочка выросла в очень странном доме. Ее отец, Александр Николаевич Трофимовский, был эрудит, полимат и полиглот. Он не пускал дочь в школу, «чтобы ее не испортила цивилизация», учил всему сам. Изабелла с детства кроме русского, французского и немецкого, знала арабский. Коран она вызубрила чуть ли не наизусть, отец воспитывал ее в почтении к Великой Книге. Впоследствии прекрасное зна-

Юная Изабелла
в наряде юни

Редкий снимок Изабеллы
в «женском» виде. Так
и хочется вслед за
Кутузовым из «Гусарской
баллады» сказать:
«А девкой был бы краше!»
(Хотя она тут, видимо,
в парике. Обычно брилась
наголо)

ние священных текстов и лингвистические способности путешественнице очень пригодились.

С ранних лет Изабелла, единственная девочка среди братьев, донашивала за ними одежду и по-мальчишески стриглась. Отец, помешанный на опасностях, повсюду подстерегающих юную барышню, отпускал ее в город лишь в мужском платье — ему так было спокойней. Маскараду способствовала узкобедрая, плоскогрудая фигура.

Влияние Трофимовского, человека весьма эксцентричного, на формирование личности Изабеллы было очень велико, поэтому расскажу о женевском базарове чуть подробнее.

Превыше всего Александр Николаевич ставил независимость и свободу выбора, а бурные проявления чувств презирал. Когда его любимый сын Володя покончил с собой, Трофимовский отбил телеграмму: «Мой любитель кактусов умер» (юноша любил ботанику). Когда Изабелла на похоронах матери зарыдала и стала кричать, что хочет умереть, отец подошел и молча протянул ей револьвер. От такого папочки, я полагаю, не то что в Магриб — на тот свет сбежать можно. Однако характером при этом Изабелла несомненно пошла в отца.

Особенно удивляться тому, что она уговорила мать перейти в Ислам, не приходится. Наталья де Мордер в Женеве во всем слушалась сожителя, а в Алжире точно так же оказалась всецело под влиянием своей решительной дочки. И потом, как известно, принять мусульманство просто. Довольно в присутствии двух свидетелей сказать: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухамед — пророк его».

Следующая тайна — как Изабелле удавалось дурачить своим маскарадом ара-

бов — объясняется совсем легко. Арабы отлично знали, что имеют дело с переодетой девушкой. Однако, согласно арабскому этикету вежливости, человека считают тем, за кого он себя выдает. Местным жителям даже льстило, что белая женщина так хорошо выучила диалект и старается во всем следовать обычаям, а шейх суфиев приблизил к себе липового Махмуда из уважения к неподдельной вере удивительной и храброй девушки, к ее недилетантским познаниям в Исламе. (Между прочим, покушение на жизнь Изабеллы было вызвано тем, что ее, не знаю, справедливо или нет, фанатики считали любовницей вероучителя.)

И про наводнение всё правда. 21 октября 1904 года городок Айн-Сафра стал жертвой редкого природного явления. В горах стоял снег, и по сухому руслу реки, совершенно неожиданно, в ясную погоду, хлынул мощный поток грязи и ледяной воды. Он был высотой в два или три метра, несся с бешеной скоростью, сметая всё на своем пути. В ветхом доме, где находились Изабелла и ее муж, рухнули балки. Его вытащили, ее — нет.

А вводить в свою книгу персонаж, похожий на Изабеллу Эберхардт, я передумал, потому что история храброй, талантливой, абсолютно свободной женщины, будто по случайности попавшей в свое время из будущего, слишком хороша, чтобы декорировать ее вымыслом.

Вот французы сняли о ее жизни художественный фильм — вышло не очень.

По такому материалу следует «докудраму» снимать — получилось бы то, что надо.

Потоп в пустыне. Ужасно, но ничего мистического

Очарование Ислама

Для людей иудео-христианской культуры, которую ради простоты называют «западной», случаи перехода в ислам — редкость. Я имею в виду именно что людей культурных, то есть образованных, мыслящих, сложных. Тем интересней рассматривать каждый из этих примеров.

Я рассказывал об удивительной русской барышне Изабелле Эберхардт, влюбившейся в арабский восток и мусуль-

манскую религию, но там, я полагаю, главную роль сыграло романтическое увлечение экзотизмом. Ну и вообще бедняжка погибла в том возрасте, когда у большинства людей мозг еще толком не проснулся, — всё шальные гормоны да сиреневые туманы.

Жизненный путь Леопольда Вайса (1900–1992), вошедшего в политическую и религиозную историю под именем Мухаммада Асада, на гормоны и романтические туманы не спишешь.

Он был потомком знаменитых раввинов, родился в интеллигентной семье в австрийском городе Лемберге (современный Львов), получил стандартное для своей среды образование. Правда,

Это был человек в высшей степени серьезный и сосредоточенно умный

с юности любил приключения. В 14 лет впервые напугал родителей — сбежал на фронт. Потом временно образумился, изучал в Вене фрейдистскую премудрость, но любознательность и бойкость ума не позволили юноше получить respectable профессию. Он поехал в модное у еврейской молодежи двадцатых годов место — Палестину, посмотреть на сионистское движение. Сионисты Вайсу чрезвычайно не понравились, а вот ислам и бедуины пришлось по сердцу.

В автобиографической книге «Дорога в Мекку» он подробно объясняет, как и почему это произошло, но мне кажется, что здесь проявилась сугубо еврейская черта (помою, симпатичная): желание взглянуть на сложную проблему глазами оппонента. Человека увлекающегося эта дорога может завести дальше, чем он планировал.

Не буду пересказывать извилистую биографию этого человека — можете ознакомиться с ней в «Википедии» или еще где-нибудь. Лучше давайте объясню, чем Вайс-Асад интересен мне.

Здесь сразу два сюжета, которые меня всегда занимали.

Первый называется «еврей при губернаторе». В давнем романе «Пелагия и белый бульдог» я нарисовал лубочную картинку: как, с моей тогдашней точки зрения, должна выглядеть правильно устроенная российская власть. Был у меня там духовный пастырь и нравственный камертон владыка Митрофаний, был неукоснительный законник и педагог губернатор фон Гагенау и был при губернаторе хитроумный, изобретательный советчик еврей Бердичевский. В принципе эта формула применима для любой эпохи и любого общества. Советник при губернаторе, конечно, не обязан быть этническим евреем, но это должен быть консультант, не претендующий на роль публичного политика и способный выступить в качестве «адвоката дьявола», то есть рассмотреть трудную проблему незапореженными глазами, от противного.

Мухаммад Асад уникален тем, что умудрился исполнить эту роль дважды, причем в совершенно разной среде. Еще совсем молодым человеком он несколько лет помогал королю Фейсалу строить Саудовское государство. Потом переехал дальше на Восток и выполнял ту же функцию при создателях новой мусульманской страны Пакистан.

Пакистан и сегодня помнит одного из своих отцов-основателей (кадр из фильма «Дорога в Мекку: путешествие Мухаммада Асада»)

Второй сюжет для меня не менее увлекательный, это когда человек, достигший высокого общественного положения, добровольно оставляет свой пост ради духовных поисков.

На шестом десятке (этот возраст меня, между прочим, тоже живо интересует) Асад, бывший «дипломатическим лицом» республики Пакистан и представлявший ее в ООН, оставил государственную деятельность и вообще политику. Всю позднюю пору своей жизни он писал книги. Перевел Коран на английский, занимался углубленным изучением ислама. Асаду хотелось, чтобы религия вернулась к своим чистым истокам, к принципам рационализма и терпимости. Но ислам развивался в противоположном направлении, и к концу жизни Асад пришел к выводу, что современные мусульмане недостойны своей религии. Неудивительно, что в некоторых арабских странах его сочинения жгли на площадях. Я же говорю: человек увлекающийся не умеет вовремя остановиться.

В литературе оценки личности и деятельности Мухаммада Асада диаметрально: идеалист или интриган, светоч религиозной мысли или духовный диверсант.

Наверное, всего понемногу. Но интересный человек, очень интересный.

Приключения Колобка

У меня всегда вызывали особого рода любопытство люди повышенной живучести, стопроцентной непопляемости и феноменальной приспособляемости. На свете встречаются прямо гении этакой акробатики. Их головокружительные кульбиты и сальто особенно впечатляют во времена потрясений и переворотов. Такой человек в любую щель протиснется, вокруг любого дерева плющом обовьется и от бабушки уйдет, и от дедушки. Всегда знает прикуп, всегда оказывается близ светила, которое в зените — но немножко сбоку, чтобы в случае чего вовремя спрятаться в тень.

При этом никакой загадки в этих существах нет. Их психологическая конституция элементарна, в чем и заключается ее прочность. У такой личности есть железный нравственный закон, с которого ее не собьешь: всё, что ей на пользу — Добро; все, что ей во вред — Зло. С такой установкой на свете живется легко и просто.

Один виртуоз-эквилибрист находится у меня в разработке для будущей книги, где он, может быть, мелькнет периферийно, и рассказать о нем подробно не хватит места. А рассказать хочется, до того этот колобок румяный да укатистый. Впрочем, кто-то из вас про него наверняка слышал: товарищ Люшков Генрих Самойлович, он же Рюсикофу-сан.

Это был человек предприимчивый, безусловно одаренный, храбрый (впрочем, тогда храбрых было много) — и абсолютно беспринципный, что в сочетании с звериным нюхом являлось неременным условием выживания в те опасные времена.

Генрих Люшков родился в нехорошем с точки зрения жизненных перспектив 1900 году. Вырос в турбулентном городе Одессе. Уже в семнадцать лет учуял, в какую сторону дует ветер, и сразу поставил на большевиков.

Паренек был бойкий, нахрапистый, с авантюрной жилкой. В двадцать лет стал комиссаром бригады, получил орден Красного Знамени — я же говорю, трусом он не был.

По окончании боевых действий армию почти всю распустили. Многие бывшие начальники оказались не у дел. (Мой дед, например, в 1922 году после демобилизации работал на заводе токарем, — а на войне был немаленький начальник). Но юный Генрих знал, на какую лошадку садиться, — и пристроился на самую правильную службу, в ЧК. Сначала бегал на небольших должностях, потом потихоньку вскарабкался. Умный был, работоспособный, незаменимый для начальства.

Поработал в «загранке» (это уже тогда было и выгодно, и престижно) — немножко пошпионил в Германии. Но главной жар-птицей для него стало покровительство непосредственного начальника и тезки Генриха Ягоды. Люшков вознесся вместе с наркомом на головокружительные высоты.

Отличился в следствии по делу об убийстве Кирова, сфальсифицировал еще несколько процессов, лично допрашивал Зиновьева и Каменева (знак очень высокого доверия со стороны руководства).

По сталинским законам периодической профилактики палаческого аппарата Люшков должен был сгореть вместе со своим патроном. Однако тут случилось чудо номер один — Люшков уцелел. *Единственный* из всех ягодиных начальников управлений НКВД.

Он вовремя уловил своими чувствительными локаторами сияние новой звезды — товарища Ежова и сумел соскочить с тонущего корабля.

В 1937 году наш колобок укатился на Дальний Восток — стал там большущим начальником, полпредом НКВД. В то время это было самое важное из региональных управлений, поскольку врагом номер один у нас тогда считалась Япония. Ну а кроме того, в нервные времена Большой Чистки находиться подальше от Москвы было и для здоровья полезней.

На Дальнем Востоке товарищ Люшков, по его собственному признанию, произвел 200 тысяч арестов; семь тысяч

человек расстрелял; депортировал в Среднюю Азию корейцев — в общем, хорошо поработал.

Уж не знаю каким образом он, находясь в нескольких тысячах километров от московской банки с пауками, унюхал опасность раньше своего покровителя Ежова, но в июне 1938 года Люшков совершил трюк доселе небывалый. Получив срочный вызов в столицу «на ответственную работу в центральном аппарате», товарищ комиссар госбезопасности 3 ранга ответил энтузиастическим согласием, но отлично по-

Большой человек

нял, что пришла пора укатываться и от дедушки. У него, впрочем, уже всё было спланировано.

Жена повезла большую дочку лечиться в Польшу. Люшков в своем Хабаровске дождался телеграммы с условным текстом «Шлю свои поцелуи» и провел отличную операцию по уходу через границу. Явился на заставу при всех регалиях, сказал, что у него встреча с секретным агентом на нейтральной полосе, — и скоро оказался у японцев. Те прямо не поверили своему счастью: чекист такого уровня, три ромба, то есть по-ихнему генерал-лейтенант!

Японской лисичке-сестричке кицунэ колобок тоже очень понравился. Он рассказал все чекистские и военные секреты (ой, много!); разоблачил перед журналистами преступления большевистского режима; охотно взялся за разработку плана по убийству Сталина (эта затея сорвалась по случайности).

Пообщавшись с Люшковым, японцы оценили его ловкий ум и работоспособность по достоинству. Определили на славную должность советника при штабе Квантунской армии, где он жил себе, не тужил — кажется, единственный чекист ягодинской и ежовской когорты, вышедший сухим из воды.

*Разоблачитель сталинизма Рюсикофу
на пресс-конференции в Токио*

Семью, правда, ему спасти не удалось. Несмотря на условленную телеграмму, жену успели снять с поезда. Долго мордовали в тюрьме, потом расстреляли. Дочка сгинула в спецприемнике. Уничтожили и всех остальных родственников перебежчика.

Однако колобки долго горевать не умеют. Люшков претолочно жил в Дайрэне с японской любовницей, которую ему подсунула контрразведка. Кажется, все были друг другом довольны.

Закончилось всё очень интересно.

Летом 1945 года дела у японцев стали совсем паршивые. Империя из последних сил сопротивлялась аме-

риканцам и ужасно боялась, что Советский Союз нарушит пакт о нейтралитете. В этой ситуации держать у себя лично врага Сталина было неразумно.

Когда советские войска перешли границу и разгром стал неминуемым, лисичка-сестричка решила, что колобка пора слопать. Начальник японской военной миссии Такэока получил приказ избавиться от компрометирующего субъекта и поступил согласно самурайскому кодексу: вызвал к себе «Рюсикофу-сан», объяснил ситуацию и предложил почетно застрелиться. Почетно стреляться колобок отказался (они этого не умеют), и тогда Такэока прикончил неискреннего человека без почета, а труп приказал сжечь, о чем и отрапортовал начальству.

Казалось бы, сказке про колобка конец.

Но мне как-то не верится, что прохиндей такого класса, объегоривший Ягоду, Ежова и самого Сталина, позволил бы себя сожрать мелкому японскому служаке. В рассказе Та-

кэоки и его подчиненных есть одна странность. Вот зачем офицерам императорской армии было утруждаться и сжигать труп? Зарыли бы или бросили бы в реку. Кто 19 августа 1945 года, накануне краха, стал бы задавать вопросы и проводить расследования?

Ой, боюсь, наврали японцы начальству. Упустили колобка и побоялись сознаться.

Тем более есть свидетель, который видел Люшкова в толпе на Дайрэнском вокзале садящимся на поезд.

Полагаю, что колобок покатился дальше и, возможно, вынырнул где-нибудь под другим именем. Ему было всего сорок пять. Пол-жизни впереди.

А как вам кажется — сбежал Люшков от японцев или нет?

*Кицунэ расправляется с самураем
(Утагава Кунисэи. Самурай
и призрак Кицунэ)*

Вот раньше были писатели

Вы, наверное, читали в детстве или не в детстве повесть «Зеленый фургон», а если не читали, то наверняка смотрели какую-нибудь из экранизаций (их было две). Кто знаком с удивительной судьбой автора повести Александра Козачинского — можете дальше этот текст пропустить, ничего нового я вам не сообщу.

Александр Козачинский

А я вот только сейчас, роаясь в фактуре 20-х годов, штудирруя газетные отчеты «Из зала суда», узнал, что это был за человек.

«Зеленый фургон» — приключенческая повесть, которая нахально начинается длиннющим описанием природы. Это обычно признак или неопытности, или редкостной уверенности в себе. В данном случае — вто-

рое, хотя непонятно, откуда уверенность взялась, ведь это первая и последняя повесть автора. А нарратор он был сочный и точный, как сказал поэт, «с жемчужиной на языке». Стиль у него такой:

Ничего нет легче, чем убедить человека заняться сочинительством. Как некогда в каждом кроманьонце жил художник, так в каждом современном человеке дремлет писатель. Когда человек начинает скучать, достаточно легкого толчка, чтобы писатель вырвался наружу.

В двадцатые и тридцатые годы у нас в стране было много ярких и самобытных литераторов. Потом, в сороковые-сорокые, большинство уцелевших стали серыми, предсказуемыми и морально устойчивыми. Союз писателей, Переделькино и поликлиника Литфонда стубили их. А пока страна была молода, писатели в ней жили зазорные, занятные и через одного — с поразительными биографиями. Богатыри, не мы. Лихая им досталась доля, немногие вернулись с поля...

Александр Козачинский, разумеется, вырос в Одессе — этот город-энерджайзер тогда выплеснул в литературу и искусство целый гейзер талантливых людей.

Даже для экзотической Одессы происхождение Козачинского было причудливым: отец — околоточный надзиратель (потом этот факт придется тщательно скрывать), мать — крещеная еврейка. Тот еще коктейль.

Уже в гимназии Саша стал городской знаменитостью, потому что был вратарем футбольной команды «Черное море», предшественницы будущего «Черноморца». (Одесса, шоб вы уже знали, — колыбель отечественного футбола. Первый клуб там появился еще в 1878 году.)

Во время гражданской войны в Одессе происходило столько всего интересного, что заканчивать учебу бойкий юноша не стал. Сначала в нем разыгрались отцовские гены, и он шестнадцатилетним поступил в милицию. Успешно ловил бандитов, так что вскоре (в семнадцать лет!) стал начальником районного уголовного розыска. «Ему было всего лет восемнадцать, но в те времена людей можно было удивить чем угодно, только не молодостью», — говорится в повести. Не удержусь, дерну оттуда еще одну замечательную цитату:

...Обычно достоверно было известно только положение трупа относительно стран света: лежит он, например, головой к юго-востоку, а ногами к северо-западу или как-нибудь иначе. Но талант нового начальника проявлял себя с наибольшей силой именно там, где ничего не было известно. Несмотря на однообразие обстоятельств и мотивов преступлений — все это были крестьяне, убитые на дороге из-за пуда муки, кожанка и пары тощих коней, — догадки и предположения, вводимые им в акты, отличались бесконечным разнообразием. В одном и том же акте иногда содержалось несколько версий относительно виновников и мотивов убийства, и каждая из этих версий была разработана настолько блестяще, что следствие заходило в тупик, так как

ни одной из них нельзя было отдать предпочтения. В глазах начальства эти акты создали ему репутацию агента необыкновенной проницательности. В уезде от него ожидали многого. Успехи нового начальника в этой области были тем более поразительны, что до приезда в деревню он никогда не видел покойников. В семье его считали юношей чрезвычайно впечатлительным и поэтому всегда старались отстранить от похорон. Но что были корректные, расфранченные городские покойники по сравнению с этими степными трупами!

Однако юный Саша не умел ладить с начальством, и через некоторое время у него начались серьезные служебные неприятности. Тогда он легко переместился «по ту сторону закона»: оказался одним из предводителей немаленькой банды налетчиков. В основном они похищали продовольствие, главную ценность тех голодных времен, но при случае промышляли и вооруженным грабежом. Какое-то время налетчики разъезжали на зеленом фургоне, который впоследствии перекочевал в знаменитую повесть, более или менее автобиографическую.

Кадр из фильма «Зеленый фургон». Справа — Василий Векшин в роли Сергея Цымбалюка (Красавчика). Это и есть сам Козачинский. © РИА Новости

Шайка куролесила в окрестностях Одессы довольно долго, но в конце концов, в 1922 году, Козачинский, выданный сообщником, угодил в засаду. Среди агентов, производивших арест, был другой недавний школяр, учившийся в соседней гимназии, — Евгений Катаев, будущий соавтор «Двенадцати стульев», который в повести фигурирует как милиционер Володя.

В реальности всё было не такой уж веселой игрой в казаки-разбойники, здесь автор многое присочинил, но общая канва событий совпадает.

Козачинского судили и вместе с еще пятью самыми опасными бандитами приговорили к расстрелу. Но времена были интересные. Участь подсудимых решало их социальное происхождение и наличие «контрреволюционности» в составе преступления. Про отца-полицейского, к тому времени уже умершего, трибунал не узнал, а в грабежах ничего политического обнаружено не было. И расстрел заменили десятилетним сроком.

В тюрьме Козачинский от скуки стал выпускать газету «Жизнь заключенного» и на этом поприще вновь, как с фут-

Кадр из фильма «Зеленый фурион». Слева — Владимир Колокольцев в роли Володи Козаченко. ©РИА Новости

болом, скоро стал местной знаменитостью. По-видимому, он относился к тому редкому и интересному разряду одаренных людей, у которых блестяще получается всё, за что бы они ни брались. Известно, что Эдуард Багрицкий даже ввел своих друзей, московских поэтов Михаила Светлова и Михаила Голодного, посмотреть на одесского журналиста-заключенного.

Сидел Козачинский всего два года, после чего вышел по амнистии. Евгений Катаев (уже ставший Евгением Петровым), с которым они подружились, вытащил способного парня в Москву, в газету «Гудок», где тогда собрались самые острые перья страны. Что это была за публика, мы можем себе представить по роману «Золотой теленок»: «Когда хвост поезда уже мотался на выходной стрелке, из буфетного зала выскочили два брата-корреспондента — Лев Рубашкин и Ян Скамейкин. В зубах у Скамейкина был зажат шницель по-венски. Братья, прыгая, как молодые собаки, промчались вдоль перрона...»

«Писатель вырвался наружу» из Козачинского только в 1938 году под влиянием Катаева-Петрова. Друзья отдыхали в гагринском санатории, и Александр написал свою замеча-

Молодые собаки (Ильф и Петров)

тельную повесть от скуки, чуть ли не на спор.

На этом, собственно, всё и закончилось. Больше ничего интересного в жизни Александра Козачинского не произошло. В войне он не участвовал, потому что заболел туберкулезом. Тяжело больным был эвакуирован в Новосибирск, где умер тридцати девяти лет от роду.

Его приятель Евгений Петров, фронтовой корреспондент, погиб полугодом раньше, тоже тридцатидевятилетним.

Веселые были люди, оба. И начиналось всё весело.

Некролог на смерть
А. Козачинского

Герой предпочитает Большому Миру Малый, но не находит там счастья

Ничего, если я начну с цитаты из моего романа «Весь мир театр»? Японец Маса там говорит Фандорину: «Всякий мужчина сам решает, герой он или нет. Нужно сделать выбор и потом уже ему не изменять. Мужчина, который сначала решил быть героем, но потом раздумал, являет собой жалкое зрелище».

Яркий пример такого коллапса — бегство генерала Жоржа Буланже (1837–1891), которому современники сулили судьбу нового Бонапарта. Но Буланже не стал Бонапартом, потому что «малый мир», то есть мир личных привязанностей и чувств, в решающий миг оказался для генерала важнее Большого

Мира, в котором нет места для частных сантиментов.

Блестящий и очень молодой для медленной в кинопроизводстве французской армии генерал возглавил в Третьей республике реваншистское движение, жаждавшее покончить с Германией за позор Седана. На пике карьеры он занимал должность военного министра. Испугавшись растущего влияния Буланже, президент отправил его в отставку, но тем лишь увеличил популярность «железного человека». Вся страна, а в особенности столица жаждали, чтобы генерал взял власть в свои руки и объявил

Фотопортрет работы
знаменитого Надафа

себя диктатором. Париж конца 1880-х тосковал по «крепкой руке». (До определенной степени на Буланже был похож наш генерал Лебедь образца 1996 года, только француз, выражаясь по-современному, имел гораздо более высокий рейтинг.)

Приключился, правда, один странный эпизод, из которого можно было бы предположить, что Буланже не настолько железен, как думают окружающие. В 1889 году он дрался на дуэли с премьер-министром Флоке

(о, трогательный девятнадцатый век!). Все ждали, что бравый генерал проткнет шестидесятилетнего шпака, как курицу вертелом. Но вышло наоборот: кабинетный червь едва не отправил великого мачо на тот свет.

Публика ужасно удивилась, но простила своему кумиру это фиаско.

Однако дальнейшие события поставили крест и на репутации, и на политической карьере генерала.

В Париже начались беспорядки. Толпа кричала под окнами у генерала: «Буланже, веди нас на Елисейский дворец!» Правительство приготовилось к бегству. Власть лежала под ногами, ждала, пока Буланже ее подберет.

Но генерал бездействовал. К толпе он так и не вышел.

На то имелась причина, вот она, на фотографии справа.

Как видите, на фам-фаталь эта женщина совсем не похожа, но Буланже любил ее много лет. Маргерит болела ча-

Премьер-министр протыкает лидера оппозиции юфло

Маргерит де Бонмэн

*Ах, как это понравилось
тогдашней прессе!*

*Он, она, брошенное знамя и сломанная
шпага — символ бесчестья*

хоткой, и в те мартовские дни ее состояние резко ухудшилось.

Разрываясь между двумя мирами, не в силах отойти от ложа больной, генерал упустил время.

Его противники опомнились, выписали ордер на арест. Еще не поздно было всё повернуть, но Буланже отказался от борьбы. Сел со своей возлюбленной в поезд, уехал из страны. Собственно, даже не из страны, а из Большого Мира в малый. Движение буланжистов потерпело крах.

Маргерит утасала еще два года. Оставшись и без Большого Мира, и без Малого, Буланже застрелился на ее могиле.

На камне, под которым теперь лежат они оба, согласно пожеланию генерала, высечены имена без фамилий и надпись: «Как я смог прожить без тебя целых два с половиной месяца?»

Всё это, конечно, очень возвышенно и трогательно, но прав был человек Большого Мира великий Клемансо, прежний соратник нежного генерала: «Умер, как жил — младшим лейтенантом».

Хотя с другой стороны, что нам, сегодняшним, до политических страстей Третьей республики? Распри буланжистов с республиканцами волнуют нас не больше, чем вражда Монтеки и Капулетти. А поступок человека, который пожертвовал всем ради того, чтобы скрасить любимой женщине последние месяцы жизни, нас волнует и сегодня, не правда ли?

Прекрасный маркиз

Одно время я коллекционировал диковинные биографии. Думал, пригодятся — это ж приключенческий роман, изготовленный самой природой. Но потом я понял, что для беллетристики подобный материал мало пригоден. Жизнь, если уж начнет придумывать необычные сюжеты, то наплюет на художественную правду и накуролесит такого, что попробуй вставь в роман — читатель не поверит.

Как-то раз я поэкспериментировал с биографией корнета Савина, но во имя правдоподобности пришлось сильно выхолостить и проредить подлинныехождения гениального прохиндея. Было безумно жалко. Триллеры, сочиненные историей, хороши не для беллетристики, а для нон-фикшн. Их приукрашивать — только портить.

Меня особенно завораживают судьбы тех неординарных личностей, которые при жизни находились в центре внимания и были, так сказать, записными ньюсмейкерами, но стоило им сойти со сцены, как их тут же забывали. Это люди, производившие много шума, ярко блиставшие, бывшие на виду и на слуху; их финал часто тоже трескуч и эффектен, как фейерверк. Но огни погасли, эхо стихло — и ничего не осталось.

Таковы большинство прославленных авантюристов 18 столетия, но в сведениях, дошедших до нас из той домассмедиальной эпохи, слишком много мифического и недостоверного. Мы не знаем, чему верить и чему не верить, когда читаем о невероятных эскападах графа Сен-Жермена, шевалье д'Эона или Морица Бенъовского. Однако начиная со второй половины 19 века в Европе и Америке пресса регистрирует всё более или менее примечательное практически в режиме он-лайн, притом с разных сторон зрения, поэтому почти каждый факт легко проверить.

Предлагаю вашему вниманию краткое описание краткой жизни человека, про которого я когда-то подумывал написать книжку, а потом растащил его судьбу и черты характера на десяток разных персонажей.

Это был красавец, смельчак, дерзкий прожектер, заправский дуэлянт, краснобай и баламут — в общем, гремучая смесь Толстого-Американца, Ноздрева, Рокамболя, Долохова и Неуловимого Джо (который, как известно, получил свое прозвище, потому что на кой он, дурак, сдался его ловить).

Юный шармёр

Знакомьтесь: Антуан-Амедей-Мари-Венсан Манка-де-Валламброза маркиз де Морес и де Монтемаджоре (современники обычно называли его более лапидарно — маркиз де Морес).

Потомок осевших во Франции итальянских и испанских аристократов, он родился в 1858 году, в 20 лет окончил Сен-Сир (этот выпуск получил название «Плевенского» в честь взятия русскими грозной крепости). Немного послужил в Алжире, но военной карьеры не сделал. Кажется, помешала первая из его бесчисленных дуэлей, а может быть, надоело жить в глуши на скудное офицерское жалованье.

Во всяком случае, 24 лет от роду де Морес неоригинальным образом решил свои материальные проблемы — женился на богатой невесте, хоть она и была несколько старше.

На этом тривиальная часть биографии заканчивается. Следует вереница приключений и проектов, каждый новый — честолюбивей и шумнее предыдущего.

В 1883 году маркиз уезжает в степи Северной Дакоты и основывает город, который называет в честь жены — Медора. На новом месте де Морес ведет себе так, как положено жить на Диком Западе: создает скотоводческое ранчо и компанию дили-

Душка-военный

жансов, одолевает в схватке медведя гризли, ссорится с соседями (один из них — Теодор Рузвельт, будущий президент), палит из револьвера направо и налево, несколько раз обвиняется в убийстве — и всякий раз выходит на свободу, оправданный судом присяжных.

В одиночку он ввязывается в борьбу со всемогущими чикагскими «скотобаронами», монополизировавшими заготовку мяса, — и разоряется в неравном противостоянии.

В принципе, одной американской эпопеи было бы достаточно, чтобы отчаянный маркиз стал героем фольклора и голливудских вестернов. Но помнят его только в городке Медора, штат Северная Дакота, где деревянный дом неудачливого скотопромышленника сохраняют до сих пор и гордо величают «Лё шато де-Морес», а бывшее ранчо превратилось в «De Mores Memorial Park». Увы, это всего лишь Северная Дакота, где проблема с достопримечательностями и аристократическим прошлым.

После путешествия в Индию, Непал и Индокитай маркиз находит себе новую неподъемную задачу: он возглавит строительство железной дороги из Китая к Тонкинскому заливу. Перипетии и приключения индокитайского периода жизни де Мореса я опускаю (если вы видели фильм «Индиана Джонс и Храм Судьбы», вы легко представите себе детали). Самый яркий эпизод — дуэль в Гонконге с Мари-Шарлем де Майрена, самопровозглашенным владыкой королевства Седанг, еще одним французским авантюристом, который заслуживает отдельного рассказа (может быть, напишу про него как-нибудь после).

Медора фон Хоффман,
дочь нью-йоркского
банкира

Маркиз-ковбой

Неаристократичное Le Château de Mores

Дерзкий замысел строительства железной дороги через непроходимые джунгли и малярийные болота вначале получил поддержку французского правительства, но в конце концов провалился из-за явной невыполнимости.

Вернувшись на родину, маркиз быстро достиг всефранцузской славы. Его новый проект был не особенно оригина-

лен, зато обречен на успех. Молодой человек решил избавить многострадальных соотечественников от еврейского ига.

Евреев де Морес не любил еще с дакотских времен — банкиры неарийского происхождения поддерживали не безрассудного французского маркиза, а чикагских говяжьих баронов. Антуан-Амедей считал себя жертвой иудейского заговора.

Нужно сказать, что его идеи нашли в преддрейфусовской Франции множество горячих сторонников. Герой, красавец и блестящий оратор голубых кровей чрезвычайно понравился

Общественный деятель

членам «Французской антисемитской лиги». (Думаю, именно из-за репутации злокачественного юдофоба Морес и не стал в политкорректной Америке героем вестернов.)

Он создал собственную организацию «Морес и его друзья», аналог нашей «Черной сотни». Костяк составляли парижские мясники, которые уважали маркиза за его познания в скотобойном деле. Это были самые настоящие штурмовые отряды, специализировавшиеся на погромах, запугивании оппонентов и уличных драках. Одеты они были красиво: в красные ковбойские рубашки и сомбреро.

Нечего и говорить, что де Морес, превосходный стрелок и фехтовальщик, без конца участвовал в поединках — в основном с евреями. Он прострелил руку журналисту и депутату Фердинанду-Камилю Дрейфусу (не родственнику знаменитого Альфреда), обидевшись на газетную статью, в которой наглый писака посмел иронизировать: как-де может кричать «Галлия для галлов!» человек с испанским титулом, итальянским папашей и американской женой.

PARIS, June 24.—The Marquis de Mores is deeply grieved at the outcome of his duel with Capt. Mayer. He says that the combat was fought under conditions that ought to have prevented a fatal issue.

It was agreed that the duel would be fought with swords. The duellists were not to come to the closest quarters, and were to cease when one of the combatants received a wound that would place him in a position inferior to that of his adversary.

When all the preliminaries had been arranged and the duellists had taken their positions, the usual signal, "Allez!" was given. The Marquis made a direct thrust with his weapon, which was parried by Capt. Mayer. The Marquis again made a rapid lunge, his rapier passing through Capt. Mayer's guard and piercing his body below the armpit. The Marquis, seeing what had occurred, immediately disengaged his weapon and leaped back on his own ground. Capt. Mayer dropped his sword, exclaiming: "I am badly hit," and fell to the ground.

The Marquis advanced to his prostrate antagonist, and bending over him asked: "Capt. Mayer, will you allow me to shake hands with you?" Capt. Mayer assented to the Marquis's request by holding out his hand.

The surgeons who were present at once attended to the wounded man, and after he was made as comfortable as the circumstances permitted he was placed in a landau and removed to a hospital, where he died at 5 o'clock in the afternoon.

Capt. Mayer had carefully concealed from his relatives all knowledge that he was to fight a duel. He did this to save them from anxiety as to the outcome. When the news of his son's death was broken to Capt. Mayer's father, his grief was extreme. He went to the hospital and the body of his son was given to him. He conveyed the remains to his home.

The affair is deeply regretted at the Ecole Polytechnique, where Capt. Mayer held a pro-

fessorship. He was greatly esteemed by his fellow-officers. He was a splendid fencer, and had appeared in numerous assaults-à-arms. He was a Hebrew, and the duel arose from the Marquis de Mores expressing the opinion that no Jew ought to be an officer in the army.

The Marquis de Mores has been arrested on the charge of causing the death of Capt. Mayer. The funeral of the unfortunate duellist has been fixed for Sunday next. It promises to be an imposing affair.

The death of Capt. Mayer at the hands of the Marquis de Mores in defense of the rights of the Jews in France, and as a result of the anti-Semitic warfare which is being waged in this country, has created great excitement among the Jews here, and has aroused them to a high pitch of indignation at the untimely taking off of their champion.

It is feared that the Jewish residents of this city and suburbs will engage in demonstrations on the occasion of the funeral of Capt. Mayer. The authorities apprehend trouble in the event of the Jews making any manifestations, and are accordingly taking all necessary precautions to prevent any conflicts on Sunday.

In the Chamber of Deputies to-morrow M. Dreyfus will question M. de Fréycinet, Minister of War, as to what steps the Government has proposed to take to secure liberty of conscience in France and to protect officers of the army from insult.

The newspapers, in their editorial comments in reference to the duel, almost unanimously regret the death of Capt. Mayer. They censure the polemic which led to the tragic event, and say they trust that the emotions excited by the fatal outcome of the duel may arrest the attempts which are being made to revive religious quarrels in this country.

The whole Jewish colony of Paris have sent messages of profound condolence to the family of Capt. Mayer, and have expressed to the honored relatives their lively appreciation of the virtues of the dead man and their deep sorrow at the loss of their valiant co-religionist.

It is reported that the Jewish officers in the French Army intend to avenge the death of Capt. Mayer, and that a series of duels arising from the affair is imminent.

Статья в «Н-Й таймс»

Газеты всего мира подробно писали о другой дуэли — с преподавателем Политехнической школы капитаном Майе-ром, тоже евреем, которого де Морес заколол насмерть. (Всего в личном дуэльном зачете маркиза три летальных исхода.)

Любопытно, что на процессе убийцу защищал адвокат Эдгар Деманж, впоследствии прославившийся защитой капитана Дрейфуса.

Присяжные маркиза, разумеется, оправдали.

Но в 1894 году большая политическая карьера де Морес закончилась конфузным образом.

У антисемитов часто бывает, что, ненавидя евреев, они охотно пользуются еврейскими деньгами. Известный журналист Жорж Клемансо раскопал историю о том, что рыцарь борьбы с мировым еврейством втихую получал деньги от банкира Корнелиуса Герца, участника Панамского скандала, еврея и вообще, с точки зрения ура-французов, исчадия ада. Эта неприятность заставила маркиза покинуть страну.

Теперь он обиделся не только на евреев, но и на англичан (Корнелиус Герц спасался от французского правосудия в Лондоне). У нашего мегаломаньяка возникла совсем уж великая идея: подорвать гегемонию Британской империи, а для этого объединить всех мусульман Африки против британско-еврейского Молоха. Де Морес решил возглавить кочевые племена Сахары и пойти походом на англичан и каких-то зловещих «африканских евреев».

Кончилось это плохо. На караван маркиза напали туареги. 38-летний герой дорого продал свою жизнь — уложил пятерых, но был изрублен саблями и изречен цулями.

Что и говорить, редкостным болваном был господин де Морес. Но, черт побери, какая жизнь и какая смерть!

Зачем человеку несчастье

В больших городах, а особенно в столицах, достопримечательностей пруд пруди. Творения человеческого гения толкаются локтями, переливаются сиянием и затмевают друг друга.

Провинциальным городкам и деревням обычно приходится довольствоваться красотами природы и свежестью воздуха. Но зато если уж по воле случая в каком-нибудь глухом углу создано (да еще и сохранилось) нечто прекрасное, оно пребывает в царственном одиночестве, как и надлежит чуду. Классический пример — Покрова-на-Нерли, маленький шедевр архитектуры посреди пустого поля.

Или гора Святого Михаила, возвышающаяся над плоским нормандским берегом.

Я хочу показать вам чудо, находящееся всего в получасе езды от Монт-Сен-Мишеля, однако почти неизвестное за пределами округи.

Это произведение искусства не обладает такой уж художественной ценностью и не освящено древностью. Толпы туристов сюда не навещают. Всякий раз, когда я там бываю, скучающий кассир радуется, что кто-то пришел, и охотно рассказывает мне историю, которую я неоднократно слышал.

А бываю я там довольно часто. Это поразительное место.

Находится оно в бывшей рыбацкой деревне Ротенёф, которая сейчас стала частью города Сан-Мало, тоже не бог весть какого мегаполиса.

Музей под открытым небом называется «Скальные скульптуры аббата Фуре».

В девятнадцатом веке жил себе в бретонской глуши сельский кюре Адольф-Жюльен Фуре (1839–1910). Служил в церкви: крестил, венчал, отпевал. Слыл красноречивым проповедником. Так он дожил до 54 лет, то есть до того возраста, в котором всякому-то человеку — по себе знаю — ужасно нравится проповедовать, а уж если профессия обязывает и благодарная аудитория в лице паствы имеется, то это просто счастье.

И вдруг с аббатом случилась страшная беда. Он сначала оглох, а затем лишился речи. Нести слово Божье он больше не мог, и жизнь утратила всякий смысл.

Уехав из родных мест, бедняга поселился в деревне Ротенёф, расположенной в суровом краю, на семи ветрах, над высоким и скалистым берегом.

Там безязыкий старик изо дня в день ковлял меж утесов. Чем-то громыхал, пропадал целыми днями.

Оказалось, что он вырезает на каменном склоне изваяния. Никто аббата не учил этому искусству, он как-то приноровился сам. Долгое время странная причуда инвалида ни у кого не вызывала интереса. А когда тринадцать лет спустя Фуре перестал стучать резцом, потому что совсем состарился и одряхлел, оказалось, что он создал настоящее чудо: на крутом, почти отвесном утесе высечено более трехсот скульптур. Они занимают пятьсот квадратных метров.

Представьте.

С одной стороны вечно сердитые волны и неутихающий ветер, распластывающий по земле грубые кустарники.

Глухонемой проповедник

С другой — обрыв. Во время прилива вода поднимается выше, чем на десять метров. Крутой скос берега покрыт бугристым каменным панцирем, на первый взгляд похожим на застывшую лаву.

Начнешь приглядываться — а это никакие не бугры. То неожиданно проступит чье-то лицо.

То увидишь притаившегося (не очень страшного) змея.

То какого-то безмятежного мертвеца.

Из брошюрки можно узнать, что аббат изобразил историю хищного семейства разбойников и контрабандистов, когда-то живших на этом берегу. Но эта фольклорная информация ничего не прибавляет к ощущению. А они сильные.

Это очень одинокое, пустынное место. Представляешь проповедника, у которого шестикрылый серафим вырвал его грешный язык, однако взамен не вставил в разверстые уста жало мудрой змеи, а оставил безгласным. Но проповеднику есть что сказать людям. И он говорит, говорит, говорит. При этом каждому своё.

Например, мне он объяснил, что не следует бояться несчастий, потому что всякая беда, которая может с тобой произойти, станет благом, если только не впадать в отчаяние и не предаваться жалости к себе.

Если тебе нужно сделать что-то важное — сделаешь. Если тебе есть что сказать — скажешь. Еще красноречивее и долговечней, чем словами.

Вероятно, если вы заедете в Ротенёф, аббат прочтет вам проповедь о чем-то другом, важном персонально для вас.

Роковая женщина: Россия, двадцатый век

Вильно не люблю «роковых женщин» как типаж. Живьем мне, правда, таких встречать не доводилось (лишь какие-то мелкие экземпляры, трущиеся вокруг музыкальных звезд, тоже не слишком крупных). Но история культуры этими тетеньками довольно густо населена или, точнее говоря, обсижена — потому что они очень похожи на мух: летят на ярких мужчин, как на мед, и жужжат вокруг них, жужжат. «Жжжж, смотрите, я выше этого вашего гения, потому что сижу у него на макушке! Жжжж, смотрите все на меня, а не на него! Жжжж, а кто это там появился такой интересный? Ой, он перспективнее того! Всё, полетела на нового!»

Никого кроме себя «фам-фаталь» любить не умеет. Никакими талантами кроме умения вампирить мужские сердца обычно не обладает. Больше всего от этого паразитического подвида достается людям творческим, потому что у них сердце нараспашку.

Всё это так.

Но правда и то, что роковые женщины придают культурной среде некий блеск и нервное сияние. Кроме того, от их укусов художнику больно, а когда художнику больно, он создает произведение искусства. И за это мы должны сказать спасибо всем этим Авдотьям Панаевым, Аполлинариям Сусловым и Лилям Брик. Я их все равно терпеть не могу, но отдаю должное.

Хорошо. Пусть они будут не мухи — пчелы.

А еще я знаю, что, если над лугом (или помойкой — в зависимости от эпохи), именуемым «культурной жизнью» страны, жужжат эти деловитые насекомые, значит, в общем, всё нормально. Солнышко светит, цветы цветут, жизнь

продолжается. Ибо когда налетают исторические бури, они не щадят и золотистых пчелок — их быстро уносит злым ветром. Не все же обладают цепкостью и живучестью Лили Юрьевны, благополучно пережившей и пролетарских поэтов, и комкоров.

Недавно, читая воспоминания выдающегося хирурга С. Юдина, я наткнулся на имя одной такой «фам-фаталь» — и заинтересовался ее судьбой. Эта разбивательница сердец менее известна, чем Лиля Брик, но отзвуки ее мелодичного жужжания, следы ее любовных перелетов с цветка на цветок остались во многих мемуарах.

Юдин пишет, как во время Первой мировой войны к его приятелю приехала погостить на фронт (уже странно) любовница: «очень красивая блондинка среднего роста, роскошного телосложения, с чарующим грудным голосом». Прекрасная особа поразила Юдина своей раскрепощенностью, смелостью суждений, а еще тем, что повсюду водила на цепи ручного волка (тут, как говорится, и Фрейда не надо).

Это была Софья Шамардина (1894–1980), еще в самом начале своей длинной многоцветной жизни.

Дочь мелкого чиновника, она, в числе многих таких же провинциальных девочек, приехала в столицу учиться на Бестужевских курсах, но вместо учёбы увлеклась богемной жизнью. В первой своей молодости Софья Шамардина была чем-то вроде переходящего вымпела у декадентов и получила звонкий титул «первой артистки-футуристки».

От небольшого поэта Вадима Баяна (настоящая фамилия у него неромантическая — Сидоров) она перелетела к повсегодно обэкраненному Игорю Северянину, который называл ее Эсclarмондой. Потом расцвел новый цветок — Маяковский, и пчелка стала виться вокруг него. Владимир Владимирович, у которого со вкусом было лучше, чем у Северянина, окрестил ее Сонкой.

Десятые годы. Она без волка, но, кажется, с чьим-то сердцем в руке

Впрочем, может быть, я путаю последовательность увлечений Шамардиной. Баян вот пишет:

*Стало очень обидно, стало очень тоскливо
Оттого, что вы – лучшая в цветнике амуресс,
Оттого что безжалостно, оттого что изгнано
От меня к Маяковскому увозил Вас экспресс.*

Не от Северянина, стало быть – от Баяна? Впрочем, неважно, кто там за кем был. Главное – остались стихи:

*Люби меня, как хочется любить,
Не мысля, не страшась, не рассуждая.
Будь мной, и мне позволь тобою быть.
Теперь зима. Но слышишь поступь мая?
Мелодию сирени? Краски птиц?
Люби меня, натуры не ломая!
Бери меня! Клоня скорее ниц!*

(Это уже Северянин, и почти не ломается.)

Жалко только, у Маяковского про Сонку ничего нет – ее очень быстро оттерла от большого поэта пчела с более острым жалом и насмерть впила в «окровавленный сердца лоскут».

Моему хирургу Юдину красавица с волком встретила, когда у продвинутых барышень вошли в моду война и патриотизм. Шамардина сразу записалась в милосердные сестры – и, разумеется, стала сердечной подругой фронтовика.

Потом грянула революция, и «тренд» переменялся. Самыми яркими мужчинами стали «художники истории» – большевики.

В перечне дальнейших увлечений нашей героини никаких поэтов, сплошь совпартработники. Муж – предсовнаркома Белоруссии Иосиф Адамович. Ну и кроме мужа было много всяких в высшей степени интересных индивидуумов: начальник управления НКВД по Камчатке (чекист плюс дальневосточник!), герой гражданской войны Гай, комкор Витовт Пугна и, кажется, даже сам Карл Радек.

Двадцатые. Стриженная, но все равно красивая

В те времена передовая женщина, хоть бы даже и фам-фаталь, не могла быть просто подружкой бойца — она сама должна была стать бойцом. И у товарища Шамардиной впечатляющий послужной список. В Гражданскую она — член коллегии тобольской и томской ЧК, потом прокурор Минского округа и депутат горсовета. Далее — в том же духе.

В двадцатые бывшая Эскармонда одевалась, как героиня рассказа А. Толстого «Гадюка». Маяковский встретил бывшую пассию — едва узнал. Шамардина в это время уже не помнит, что когда-то была «артисткой-футуристкой», потрясавшей публику экстравагантными нарядами. В мемуарах она пишет про встречу с Маяковским: «Я никогда не занималась своими туалетами, и в дни нашей юности вопрос, как я одета, его тоже не занимал. А теперь говорит: «Вот одеть бы тебя!» И рассмеялся, когда я ответила: «Плохи мои дела: раньше ты стремился раздеть меня, а теперь одеть»».

Хотя, судя по фотографии, она и в виде большевички была очень недурна.

Тридцатые. Скоро арестуют

Что было в тридцатые, предсказуемо. Муж в ожидании ареста застрелился. Саму ее в тридцать седьмом тоже забрали и не могли не забрать при столь криминальных любовных связях. Получила десять лет, потом еще и «добавку». Освободилась, как тогда шутили остроумцы, в «эпоху позднего Реабилитанса».

В. Катанян пишет: «Отсидев 17 лет, осталась негни-

баемой коммунисткой и умерла в доме для старых большевиков».

(Господи, как мне это знакомо! Моя бабушка, ничуть не роковая женщина, тоже умерла в больнице для старых большевиков. В соседней палате умирала другая старуха — бывшая лучшая подруга, с которой они в тридцать первом году, будучи курсантками Военно-воздушной академии, навсегда рассорились по какому-то идеологическому вопросу. Расстояние между кроватями, через стенку, было меньше метра. Не помирились. Так обе и умерли.)

Вам, может быть, показалось, что я рассказываю о Шамардиной, ерничая? Вовсе нет. Мне ее безумно жалко, она угодила не в ту страну и не в ту эпоху.

Дунул ураган, унес эту красивую пчелку в ледяную пустыню. А всех мужчин, которых она любила (или прикидывалась, что любила), ураган пересубивал. Никто из них не дожид до старости.

Муж в предсмертной записке сначала попросил за свой «непартийный выход» прощения у товарищей Сталина и Микояна. А в конце, в неофициальной части, приписал: «Прости, милая и родная Сонюшка. Работай, Сонюшка, на пользу партии за себя и за меня».

Она и поработала. На лесоповале, в лагерном цехе или где там работали эчки.

Россия. Двадцатый век. Скверные времена для роковых женщин.

Вокруг света с ботаником

А уже несколько раз рассказывал об исторических фигурах, которые по той или иной причине не сложились мне в прототипы для литературных персонажей.

Теперь сделаю нечто прямо противоположное: познакомлю вас с реально существовавшей личностью, которая, хоть и в сильно измененном виде, угодила в один из моих романов («Сокол и ласточка»). А заодно, кстати уж, отвечу скептикам, которые упрекали меня за чрезмерную

резвость фантазии: мол, никак невозможно, чтобы на судне 18 столетия, при скученности и полном отсутствии приватности, женщина могла выдавать себя за моряка.

А вот и могла! Свидетельство тому — история Жанны Баре.

Она отправилась в кругосветное плавание капитана де Бугенвиля в качестве слуги ученого-натуралиста Филибера Коммерсона. Поскольку устав запрещал женщинам находиться на военном корабле, Жанна назвалась Жанном и нарядилась в мужское платье. Жила в одной каюте с ученым, прислуживала, ас-

Простодушный ботаник

систировала при сборе ботанической коллекции. Было ей в то время 26 лет.

Маскарад оставался неразоблаченным много месяцев — пока корабль «Этуаль» не прибыл на остров Таити.

Едва Жанна вместе с другими матросами спустилась на берег, как туземцы сразу заорали, показывая на нее: «Айенн! Айенн!», что означало: «Женщина! Женщина!». В тонкостях европейских костюмов дикари не разбирались, им было все равно, штаны или юбка, и представительницу прекрасного пола они распознали по запаху. (Запахи у европейцев догигиенических времен, а уж особенно после долгого плавания, были могучие.) Таитяне, как известно, щедро делились с гостями своими женщинами и ожидали от заморских друзей такой же широты. Интересно же: белая самка! Свое антропологическое любопытство туземцы выражали столь активно, что перепуганная Жанна кинулась от них наутек и во всем призналась капитану Бугенвилю. При этом она сказала, что мсье Коммерсон ни в чем не виноват, он понятия не имел об истинном гендере своего «слуги», когда брал его, то есть ее на работу.

Коммерсон на голубом глазу подхватил: он-де человек науки, кроме цветочков-лепесточков ни в чем не разбирается и ужасно потрясен открытием. Одно слово — ботаник. «Я поэт, зовусь я Цветик, от меня вам всем приветик».

Не ударил лицом в грязь и капитан. Сразу нерушимо поверил обоим, о чем свидетельствует запись в его журнале от 28–29 мая 1768 года. Бугенвиль приказал лишь поселить нарушительницу морского закона отдельно от остального экипажа и следить, чтоб матросы ничего с ней не учинили.

Это она в матросском наряде собирает травы

Эти люди разбирались в женском вопросе лучше

Но едва «Этуаль» достиг первой же французской колонии, острова Маврикий, как Бугенвиль перестал прикидываться болваном и немедленно, как миленьких, ссадил на берег Цветика с его подругой.

Коммерсон, естественно, был соучастником маленького заговора. Как выяснилось, Жанна стала его любовницей, экономкой и ассистенткой еще за два года до плавания.

Закончился этот водевиль с переодеванием, к сожалению, не слишком весело. Бедный Коммерсон не перенес тропического климата и умер.

Кругосветное плавание Жанна Баре завершила без него, однако позаботилась, чтобы научная работа ее бедного ботаника не пропала. В конце концов, вернувшись в Париж, Жанна привезла с собой тридцать ящичков с бесценной коллекцией растений, три тысячи из которых были ранее неизвестны в Европе. Людовик XVI за это наградил самоотверженную путешественницу пожизненной рентой.

После смерти Коммерсона первая в истории «кругосветница» вышла за королевского офицера, никуда больше не плавала, жила тихо и по меркам того времени долго — почти 70 лет.

Вероятно, ей было что рассказать внукам.

Романовы, павшие во брани

Дом Гольштейн-Готторп-Романовых, именуемый для краткости просто «Романовы», обожал военные мундиры, парады и маневры. В армии или флоте служили, кажется, все без исключения мужчины августейшего семейства. За триста лет из них собрался бы целый батальон.

Но под настоящими пулями и картечами величества и высочества оказывались не очень часто, а головы на поле

*Интровертный подросток (крайний слева) —
это Сергей Максимилианович*

*Исправный офицер;
но интровертность
усугубилась*

брани сложили только двое. Давайте их вспомним, они этого заслуживают.

Оба принца были совсем молоды, поэтичны и созданы для служения не Беллоне, а музам. Может быть, оттого и погибли. Как поется в песне, «ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться».

Первый из них — Сергей Максимилианович герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, внук Николая Первого и наполеоновского пасынка Евгения Богарне.

Его отец был президентом Российской академии художеств, и мальчик с раннего возраста проявлял незаурядные способности к искусству, к музыке. Однако общей для императорских высочеств судьбы не избежал — был определен в конногвардейцы.

С началом войны за освобождение Болгарии Сергей Лейхтенбергский отправился в действующую армию. Его сослуживец С.Д. Шереметьев вспоминает: «Он участвовал в войне без убеждения и войне не сочувствовал, его вкусы были направлены в другую сторону. Незадолго до

П.О. Ковалевский. «Бой под урочищем Иваново»

смерти он говорил мне, что жаждет окончания войны, чтобы посвятить себя всецело искусству».

Пацифистские настроения не мешали Сергею Максимилиановичу честно выполнять свой долг. Он доблестно воевал, в 27 лет получил генеральский чин. А 12 октября 1877 года, в не особенно важном сражении (собственно, это была обычная разведка боем), оказался в гуще перестрелки, где генералу, и тем более члену царствующего дома, вообще-то находиться было необязательно. Убит турецкой пулей в лоб. Жениться не успел, так что потомства не оставил.

Вот эта стычка (с. 106). Как видите, не Бородино.

А справа — памятник на могиле князя-герцога. Спасибо болгарам, сохранили.

Второй Романов, павший смертью храбрых, погиб совсем юным — двадцати одного года от роду.

Олег Константинович, как и Сергей Лейхтенбергский, родился не в солдафонской, а в артистической семье, был сыном деликатнейшего КР, президента Академии наук и недурного (для высочества) поэта.

Мальчик был умненький, способный, восторженный, радовал преподавателей Лицея любовью к литературе и в особенности к Пушкину.

В двадцать лет затеял и осуществил нешуточное дело: выпустил издание пушкинских автографов. Он и сам был поэтом.

Но по окончании Лицея, разумеется, оказался на военной службе, в лейб-гусарах.

Когда началась Первая мировая война, отказался от службы в ставке, ушел с полком на фронт. В одной из самых первых стычек ужасной бойни, из которой

Поэтический лицеист

Нетипичный гусар

Россия выберется еще очень не скоро, Олег был смертельно ранен. В реляции сказано, что он раньше всех доскакал до неприятеля и врубился в его ряды, но представить, как этот мечтательный юноша в кого-то «врубился», трудно. Мне почему-то воображается нечто вроде гибели Пети Ростова: «Ураааа!.. – закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым...»

Олег Константинович получил пулю в живот, несколько дней промучился, умер от заражения крови.

Поэзию он писал такую:

*Готов забыть я всё: страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь и дружбу, грезы
И самого себя. Себя ли?... Да, себя,
О Русь, страдальница святая, для Тебя.*

Стихи могут показаться слабыми (слезы-грезы, себя-тебя) и трескучими (если Русь, то уж непременно святая), но ведь в них всё правда: и страдание, и горе, и самопожертвование ради отечества.

А уцелел бы в сражениях — расстреляли бы большевики, как его родных братьев Иоанна, Константина, Игоря.

Бедные, бедные Романовы. Русь — святая ли, нет ли — тоже бедная. Все бедные. Всех жалко.

У стервозности кармы

Когда-то я уже писал о том, как меня возмущает черный юмор судьбы, играющей с человеком в кошки-мышки: то прижмет когтистой лапой, то вроде бы отпустит и даст побегать, но в конце обязательно сделает цап-царап, да иногда еще с особым цинизмом.

Есть люди, вся жизнь которых — сплошное сальто-мор-тале. Расскажу про одного из них.

Он принадлежал к прекрасной или опасной (в зависимости от точки зрения) породе молодых бунтарей, которая у нас в России не переводится: пассионарный борец с несправедливостью. На рубеже XX века такие повалили в боевики и террористы.

Виновата была, как обычно в подобных случаях, власть. На усиление общественного протеста она реагировала неадекватно, особенно нервно относясь к студенческому движению. К исходу XIX столетия террор, казалось, ушел в прошлое, тогдашнее «гражданское общество» училось бороться с самодержавием не бомбами и пулями, а словом. Но тут в правительственных кругах взяла верх партия «закручивания гаек». (Я не подмигиваю с намеком на сегодняшнюю ситуацию, сейчас всё иначе и страна совсем другая. Просто описываю, как было.)

Политически активных студентов стали выгонять из учебных заведений, отправлять в ссылку «в административном порядке» (то есть без суда и следствия). Кто-то ушел в подполье, кто-то сбежал от ареста за рубеж. Среди последних был и

Студент Петр Карлович

25-летний Карпович, исключенный из Юрьевского университета за противоправительственную агитацию.

Зимой 1900 года министр просвещения Боголепов подписал приказ, по которому 183 студента Киевского университета были не только отчислены, но и отданы в солдаты. Эта идиотская мера подняла всю оппозиционную Россию на дыбы. Терпение кончилось.

В студенческих кружках и ячейках заговорили о возмездии. Травоядных либералов больше никто не слушал. Тон стали задавать молодые и горячие проповедники «добра с кулаками». Именно с боголеповского приказа, не столь уж кровавадного по меркам более поздних времен, и началась эпоха большого революционного террора, в конце концов приведшая к революции.

(Удивляться, собственно, нечему. Вообразите, что завтра приказом министра образования где-нибудь в МГУ составят списки студентов, которые пишут что-то оппозиционное в соцсетях, и одним росчерком пера всех исключат, а заодно лишат отсрочки от армейской службы и развезут под конвоем по военкоматам. Представляю, что началось бы.)

Бедный Боголепов, в прошлом профессор римского права, пал жертвой собственного дуболомства и общественного ожесточения

Бывший студент Карпович, который томился в Берлине от бездействия и мечтал о Самопожертвовании во Имя Великого Дела, немедленно выехал в Россию. Теперь он знал, что нужно делать.

Четыре дня спустя он вошел в приемную министра — якобы подать прошение, и выстрелил в Боголепова, смертельно ранил. Бежать убийца не пытался, он торжественно сдался безо всякого сопротивления.

Самое печальное, что большинство передовых людей страны, в том числе и травоядные либералы, отнеслись к Карповичу как к герою. Эти рукоплескания вскружили тогда голову многим юным брутам, которые вскоре ринутся вступать в «боевые группы».

За терроризм Карпович должен был предстать перед военным судом, который

безусловно приговорил бы преступника к виселице. Он был готов, даже мечтал о такой героической участи. Но правительство побоялось еще больше обострять ситуацию, и дело передали в суд гражданский, в юрисдикции которого смертная казнь отсутствовала.

Так судьба провела Карповича в первый раз: он жаждал красивой смерти, а вместо этого получил ненужный подарок — жизнь.

Правда, приговор скорее выглядел как замена быстрой смерти на медленную: 20 лет каторги мало кто выдерживал, а Карповича гноили даже не на каторжных работах, а в казематах зловещего Шлиссельбурга. Потом перевели в еще более страшный Акатуй. Казалось, он обречен и судьба его все-таки слопаёт, только сначала помучает.

Однако пришел 1905 год с октябрьским манифестом и амнистиями. В 1907 году, отсидев за убийство министра всего шесть лет, Карпович был выпущен на поселение. Конечно, тут же сбежал и вскоре уже был за границей.

Но герою-революционеру очень хотелось пожертвовать собой. Он вступил в легендарную «Боевую организацию эсеров», готовившую покушения против «сатрапов», и стал самым активным помощником великого, ужасного, тщательно законспирированного руководителя «Б. О.».

В то время эсеры собирались убить самого царя. Карпович просил обожаемого руководителя доверить подвиг ему, ибо нет ничего прекрасней столь возвышенной гибели. Обожаемый руководитель обещал, лишь просил набраться терпения. Звали этого человека Азеф.

Когда поползли слухи, что Азеф — агент охранки, пылкий Карпович грозился застрелить всякого, кто посмеет порочить это славное имя.

Но Азеф скрылся, и Карпович поклялся теперь уже застрелить подлого предателя, а потом застрелиться сам — смыть кровью вину перед товарищами.

Не нашел. Не застрелил. Не застрелился.

Не знаю, как эсеры могли доверять типу с такой физиономией

Карпович опустил

Судьба упорно отказывала пассионарию в пассионарной смерти.

Тогда он разочаровался в революции и революционерах. Отошел от политики, потух, приготовился прожить долгую, скучную, обыкновенную жизнь.

Поселился в Лондоне, событиями на родине не интересовался. Научился ремеслу массажиста, тем и существовал. Бывшие товарищи по борьбе говорили: «опустился».

Но грянула Февральская революция, и пламень снова вспыхнул в его груди. «В Россию, в Россию!» — восклицал он», — пишет в мемуарах Вера Фигнер («А он кричал: «Огня, огня!»»). Воскресшему к жизни и борьбе революционеру, наверное, мерещились бои, баррикады, а в конце непременно героическая гибель с красным знаменем в руках.

Вместе с еще одним эмигрантом, эсером И. Яковлевым, он сел на корабль, чтобы переправиться из Англии в Норвегию. Но 13 апреля 1917 года жестокая кошка-судьба сделала цап-царап: германская подводная лодка отправила пароход «Зара» торпедой на дно.

Тут напоследок была еще одна, особенно изуверская пакость. Карповичу с Яковлевым повезло — они успели добраться до шлюпок, только сели в разные лодки. Но та, в которой оказался герой моего рассказа, уже считавший себя спасенным, вдруг перевернулась. Людей водоворотом засало в пучину.

«Шиш тебе, а не героическая гибель», — промурлыкала тонущему Карповичу судьба.

Ну не стерва?

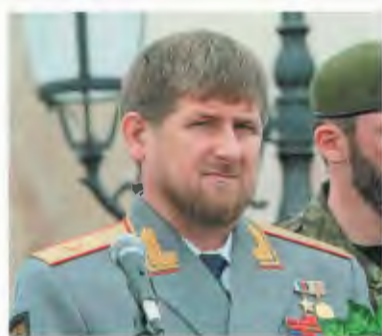
Молодые генералы

Прочитал тут, что самым молодым генералом в новой России стал Рамзан Кадыров, в 33 года. И задумался.

Конечно, не о кадыровском генеральстве — с этим-то всё ясно. Путин всего лишь возродил обычай XIX столетия, когда владельцами князьям, ханам, султанам или эмирам Кавказа и Средней Азии дарили генеральский чин, чтобы польстить самолюбию и покрепче привязать к империи.

Например, справа Даниял-бек, султан Элисуйский. Генерал-майор с 1842 года, потом перебежал к Шамилю.

А слева Сеид Асфендиар-Богатур, хан Хивинский. Генерал-майор с 1910 года, впоследствии убит Джунаид-ханом.

Итак, меня заинтересовал не феномен Кадырова, а тема гораздо более увлекательная: молодые генералы.

Вообще-то это оксюморон. Генерал не может, *не должен* быть молодым. До этого высокого звания дослуживаются много лет, через опыт, испытания, победы, обычно — через пролитую кровь, свою и чужую. Произносишь слово «генерал» и сразу видишь морщины и шрамы, седую или плешистую голову, красный от ветров и водки нос.

Если же кто-то стал генералом в совсем молодом возрасте, то это почти всегда человек необыкновенный — бесстрашный, лихой, удачливый и в то же время не по годам зрелый, раз ему доверили командовать большим количеством людей.

Молодой генерал — это что-то красивое, харизматичное, романтическое. И трагическое, потому что молодые генералы редко доживают до старости. «Кто живет по законам другим, и кому умирать молодым». «В одной невероятной скачке вы прожили свой краткий век». В общем, что-то такое.

И стал я перебирать в памяти (а также искать в Гугле) самых молодых генералов разных стран и народов. Захватывающее занятие, скажу я вам.

Начал, конечно, с отчества.

Рекордсменом среди советского генералитета, разумеется, был Василий Сталин, получивший генеральские погоны в 25 лет. (Ровесник моей матери, учился с ней в одной школе, в параллельном классе, предназначенном для детей высшей номенклатуры. Она рассказывала, что парнишка был неплохой, но ужасный раздолбай и двоечник.)

Но Василия Сталина не засчитываем. Тут, как с Кадыровым, совсем другая история. Принцы и великие князья во все времена получали чины не за боевые заслуги, а за августейшую кровь, и в этой категории юных генералов наш Василий Иосифович даже перестарок.

Великий князь Константин Николаевич — контр-адмирал в 21 год.

Эрцгерцог Карл — в 24 года вообще фельдмаршал. Впоследствии действительно вырос в серьезного полководца, но звание получил авансом, по привилегии рождения.

Нет уж, давайте вспоминать настоящих, заслуженных генералов, царей на каждомбранном поле (а не на балу).

В Советской армии самую поразительную карьеру сделал храбрый летчик-истребитель Григорий Кравченко (1912–1943), впервые отличившийся в боях с японцами. Сталин любил возвышать таких самородков — ясных и лучезарных, всем ему обязанных, без дотеррорного прошлого.

Всего за два года Кравченко из старших лейтенантов вырос в генерал-лейтенанты. Видимо, он был прототипом симоновского Козырева из романа «Живые и мертвые». Тоже погиб в воздушном бою с немцами — героично, но для командующего авиасоединением неправильно.

Настоящий «сталинский сокол»

Орел Гэфинта

Правда, для моего списка Григорий Кравченко подходит не вполне — стал генералом поздновато, уже под тридцать.

Как и его коллега, сражавшийся по другую сторону фронта, — Дитрих Пельц (1914–2001), самый молодой генерал германского Рейха, где, как известно, звания давали очень скупно.

Этот — редкий случай — дожил до глубокой старости. (Пельц был не истребителем, которых все обожают, а бомбардировщиком — скверная специальность. Думаю, все немецкие бомбардировщики Второй мировой войны горят в аду.)

Все-таки в регулярной войне XX века кадровому офицеру даже при самых блестящих способностях и сверхчеловеческой удаче попасть в генералы в очень уж молодом возрасте было невозможно. Для такого взлета больше подходят войны гражданские или революционные, когда ломаются все традиционные иерархии, и на самый верх иногда попадают совсем юные вундеркинды Марсовоу науки.

Наших отечественных, я полагаю, вы всех знаете. Поэтому ограничусь маленькой портретной галереей — просто напомню. (Все без исключения — герои, яркие личности и военные таланты. Моральных качеств касаться не будем. Как говорится, «такое уж было время».)

Сергей Лазо (1894–1920)

В 24 года (то есть всего через 6 лет после этой гимназической фотографии) Сергей Лазо командовал фронтом.

Михаил Тухачевский (1893–1937). Как и Лазо, из бывших подпоручиков. В 25 лет — командарм.

Иона Якир (1896–1937). В 22 года возглавил крупную группу войск.

Виталий Примаков (1897–1937). В 22 года — комдив «червонных казаков».

У белых военачальники были в среднем постарше, чем у красных, потому что в армии, где носят погоны, через звездочку не перепрыгнешь — приходится расти постепенно. Зато и генералы были настоящие, чин чином.

Андрей Шкуро (1887–1947). Получил генеральский чин в 31 год. Один из лучших кавалеристов своей эпохи. Жаль, закончил службу группенфюрером СС.

Атаман Григорий Семенов (1890–1946). Вождь Белого движения на Дальнем Востоке. Генерал с 28 лет.

Другой атаман — Борис Аненков (1889–1927). Довольно жуткий тип. Стал генералом в 30 лет.

Николай Скоблин (1893–1937?). Самый молодой комдив белой армии, генерал в 27 лет. В эмиграции, как известно, был завербован чекистами и помог им похитить в Париже главу Российского общевойскового союза Евгения Миллера. Не красивый финал для боевого генерала.

Текст получается слишком длинный, а тема меня увлекла. Поэтому:

ПРОДОЛЖЕНИЕ
БУДЕТЪ

Совсем молодые генералы

Теперь расскажу о четырех не просто молодых, а совсем юных, с небсохшим молоком на губах, генералах. Двигаться буду от старшего к младшему.

Про первого вы наверняка читали или слышали. Это граф Александр Кутайсов (1784–1812), сын скандально известного Ивана Кутайсова, турка, который десятилетним мальчишкой попал в плен к русским и пригнулся при взбалмошном цесаревиче Павле: начинал брадобреем, закончил сиятельством и первейшим фаворитом. Благодаря та-

Молоко не молоко, но усы, кажется, толком еще не выросли

кому папе Александр в 15 лет был полковником, так что его раннему генеральству удивляться нечего. В 22 года он уже «превосходительство».

Несмотря на столь непотенный старт карьеры, Кутайсов оказался отличным генералом, причем не только практиком, но и теоретиком: разработал концепцию боевого использования полевой артиллерии. Пал при Бородине, в рукопашной схватке на батарее Раевского. Судя по тому, что даже тела не нашли (или не опознали), дрался в самом мессиве.

Еще красивее погиб филиппинский национальный герой Грегорио дель Пилар (1875–1899), участник освободительных войн сначала с испанцами, потом с американцами.

Он командовал маленьким отрядом повстанцев в бою на Тирадском перевале, прикрывая отступление всей армии от наседающих американцев. Продержался целый день, с утра до вечера. Сражение называют «Филиппинскими Фермопилами». У дель Пилара было только 60 бойцов, из них погибли 52, включая командира. Американцы потеряли убитыми и ранеными 12 человек, и если вы думаете, что это мало, то ошибаетесь. С учетом разницы в вооружении и обученности это был большой успех филиппинцев. Главное же, что дель Пилар поставленную задачу выполнил и армию спас. Тогдашние неполиткорректные янки, относившиеся к туземным повстанцам как к недочеловекам, и то прониклись — поставили на могиле героя табличку с надписью: «Офицер и джентльмен».

Стал генералом в 21 год

Серебряный призер на соревновании по генеральскому спринту — американец с обманчиво украинским именем Галуша Пеннипекер (1844–1916), заработавший золотые звезды в двадцатилетнем возрасте. То есть в нынешней Америке ему и спиртного бы не продали, сказали бы: «Подрасти сначала, сынок». А в те времена этот генерал еще не имел права голосовать на президентских выборах.

Высокий чин Галуша получил, можно сказать, путем обмана. В кровопролитном сражении у форта Фишер в январе 1865 года он повел полк северян в атаку и был смертельно ранен. Командующий пообещал

Вот такой Галуша

юному полковнику генеральский чин, очевидно, полагая, что почесть будет посмертной. Но хорошая штука молодость. Юноше, должно быть, ужасно хотелось пощеголять в генеральской форме. Он сражался в госпитале за жизнь целых десять месяцев — и победил. Обманул смерть. Покрасовался, сфотографировался. Ранение, впрочем, все-таки оказалось летальным, только замедленного действия. Через пятьдесят с лишним лет рана открылась, и старый отставной генерал умер от кровотечения.

Ну и наконец абсолютный рекордсмен, девятнадцатилетний французский генерал Эме де Буаги (1776–1839).

С пятнадцати лет он был участником контрреволюционного движения шуанов в Бретани и через четыре года получил от короля генеральский чин. За полудетский возраст де Буаги прозвали *le Petit Général*, Генеральчиком. Он отличался не только храбростью (храбрых-то было много), но

еще и феноменальной стойкостью. Участник двух шуанских восстаний, он оба раза прекращал борьбу самым последним, когда все остальные военачальники уже сложили оружие или бежали за границу.

Еще одной привлекательной особенностью Генеральчика было то, что он соблюдал правила войны: не убивал пленных, не трогал мирных жителей, не брал заложников. Поэтому после обоих поражений, в 1796 и 1800 годах, его оставили на свободе — редкая для революционных властей галантность. В наполеоновские времена, когда вся Франция обожала Великого Человека,

Совсем мальчишка, но поза и выражение лица несомненно генеральские

ка, все еще очень молодому де Буаги несколько раз предлагали стать генералом империи, но он отказывался, сохраняя верность своему злосчастному, никому не нужному королю.

Генеральчик много раз мог — *должен был* — погибнуть в бою, на заре жизни, но судьба его пожалела. Он рано перестал воевать и всю оставшуюся жизнь прожил с семьей. Умер от степенной, возрастной болезни — подагры.

В заключение скажу, что лично мне нравится, когда во всех армиях генералы старые. Это значит, что всё более или менее спокойно, войны давно не было и не скоро будет.

Главные военные герои

Однажды, не столь важно зачем, мне понадобилось выяснить, кто считается главным военным героем в разных странах. Не по эмоционально-субъективной оценке (для кого-то, может, и генерал Власов герой), а по сугубо объективному, даже формальному критерию: количеству и рангу полученных наград.

Результат поисков оказался в целом предсказуемым, но в то же время таил в себе один приятный сюрприз. Почему сюрприз и почему приятный — об этом потом. Сначала о предсказуемом.

Русские национальные top heroes — это, естественно, наши отцы-бравы полководцы. Кому и получать высокие награды, если не высокому начальнику?

Сразу видно — герой

В дореволюционной России рекордсмен по регалиям — М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, светлейший князь и фельдмаршал.

В советской истории — Г. К. Жуков.
Ну, понятно.

Того же примерно разряда,
хоть и менее знаменит, самый
декорированный в истории
француз: корпусной генерал
Марсель Бигеар (1916–2010).

У немцев это летчик-ас Второй миро-
вой Ганс-Ульрих Рудель.

У американцев — лейтенант Оди Мэрфи, отчаянный gun-fighter из армии Эйзен-хауэра.

Генералы, летчики и ковбои — это было ожидаемо и, в общем, понятно. Но удивили и порадовали англичане.

За всю историю больше всего орденов-медалей у них получил капрал Первой мировой Уильям Харольд Кольтман (1891–1974), награжденный в том числе и наивысшим знаком отличия, Крестом Виктории, чаще всего присуждавшимся посмертно, за исключительные проявления героизма.

На всю Великобританию сегодня всего семь человек имеют Крест Виктории.

Для сравнения: у нас Героев России около пятисот.

И поразительно тут не то, что чемпионом у британцев числится простой капрал, а то, что этот солдат никогда никого не убивал, ни разу не выстрелил и вообще отказывался брать в руки оружие. Потому что он был сектант и противник всякого насилия. При этом Кольтман пошел на войну добровольцем, потому что сопротивление злу насилием вообще-то не противоречит патриотизму.

Надо отдать должное командирам упёртого пацифиста. Кольтмана не отдали под трибунал, а вручили ему санитарные носилки, повязку с красным крестом

и отправили на поле боя — под огонь противника.

За время войны он спас бесчисленное множество раненых. Однажды, во время особенно кровопролитного сражения, бесстрашный санитар курсировал с передовой в тыл и обратно на протяжении 48 часов.

Должно быть, некий ангел хранил чудного капрала. Он вернулся с войны невредимым и потом много лет работал садовником.

Как же я люблю истории про безусловно положительных героев, и чтоб еще с хэппи-эндом!

Ну и англичане, конечно, тоже молодцы. Немцы, французы или наши долго бы не думали — расстреляли бы непротивленца хренова, и дело с концом.

Тоже еще герой, ни одного немца не убил!

Путешествия старухи Шапокляк

Если вы думаете, что самая поразительная фигура в истории географических открытий — Христофор Колумб или Марко Поло, значит, вы не слышали про Иду Пфайфер. Эта женщина покорила мое воображение парадоксальностью судьбы и загадочным устройством души.

Если ограничиться лишь чтением биографических очерков, рассказывающих об Иде, можно проследиться от восторга. Если же...

Но нет, сначала давайте прослезимся от восторга.

Родилась Ида в 1797 году в Вене. Выйдя замуж, переселилась в Лемберг, нынешний Львов, где много-много лет жила тоскливой, зевотно заурядной жизнью — как тысячи и тысячи других тогдашних немок: киндер-кухе-кирхе. Нелюбимый муж, который был намного старше; вечное безденежье; тяжкий и неблагодарный домашний труд — и ни минуты времени на себя.

Наверное, Ида Пфайфер засохла и состарилась бы, как говорится, «не приходя в сознание». Но однажды случилось чудо.

Она отправилась к родственникам в Триест, подлечить морским воздухом больного ребенка, и впервые увидела большие парусники в порту. У Иды появилась мечта: сесть на такой корабль и поплыть куда глаза глядят. Путешествовать по дальним странам, где живут совсем другие люди и вообще всё по-другому. Мечта была совершенно несбыточной, даже идиотской. Какие у львовской домохозяйки середины XIX века могли быть путешествия? Чего ради? И на какие шиши? Смешно говорить.

У многих «маленьких людей» бывают нелепые фантазии, которые никогда не осуществляются. Но Ида Пфайфер

была слеплена из особенно-го теста.

Главным для нее, как для всякой истинной немки, было чувство долга. Поэтому прежде всего она сполна расплатилась по жизненным обязательствам: подождала, пока состарится и умрет муж; вырастила и пристроила детей. Зато после этого почувствовала себя абсолютно свободной и воспользовалась свободой на тысячу процентов.

В 1842 году, сорока пяти лет от роду, Ида Пфайфер кардинально изменила свою жизнь. Она села на корабль, плывущий в Константинополь, и потом путешествовала почти без остановки. До самой смерти.

Росту она была маленького, тощая, сутулая. Отличалась завидным здоровьем и верблюжьей выносливостью. Она и ела как верблюд: могла по много дней обходиться без пищи, а при случае, особенно если на дармовщинку, проявляла чудеса прожорливости. Денег у сухонькой фрау было кот наплакал, она берегла каждую монетку. Всюду, где возможно, норовила пристроиться бесплатно. Где нельзя — бешено торговалась, сбивала цену.

Главным принципом, по которому она выстраивала свои невообразимые маршруты, была, как сказали бы теперь, «халява». Найдется добрый капитан, который пустит скромную тетеньку на корабль, — отлично. Она садится и плывет, куда Бог послал. Но с одним условием: это должно быть место, где прежде мало кто бывал (из европейцев, разумеется, — все прочие тогда не считались).

В общей сложности Ида проплыла по морям больше 200 тысяч километров и еще 30 тысяч километров преодо-

Ида в походном снаряжении

Некоторые из ее приключений

лела сушей, в основном на своих двоих. Дважды обогнула она земной шар, побывала во множестве невероятных мест. В некоторых — первой из белых людей. Например, у охотников за головами на Борнео и у канибалов Суматры. Последние хотели ее слопать и уже приготовились осуществить свое кровожадное намерение, но Ида произнесла заранее заготовленную фразу на туземном языке: «Не надо меня есть, я старая и жесткая». Людоеды расхохотались и позвали смешную чужачку к себе в гости.

Ида была невероятно смелой и настырной. Одна, безо всякой охраны, почти без денег, она отправлялась в места, откуда живым никто еще не возвращался. И ничего, как-то обходилось.

Свои впечатления Ида старательно записывала, а записки издавала — чтобы заработать деньги на следующее путешествие. Никаких научных целей она не преследовала и особенных открытий не сделала, но Французское и Прусское географические общества приняли храбрую даму в постоянные члены. Британское хотело, но не смогло — туда не пускали женщин.

Всё это выглядит славно, любопытно и очень мило. Если только (вы ведь помните, что в начале моего рассказа было «если» с многоточием)... если только не ознакомиться с обширными записками госпожи Пфайфер.

Это озадачивающее чтение.

Оказывается, любознательной даме ужасно не нравилось всё, что она видела в дальних краях, столь мало напоминавших Вену с Лембергом. Многое (практически всё) вызывало у фрау Пфайфер презрливость и отвращение. Потому что грязно, неустроено, некультурно, а главное — неприлично! В особенности, конечно, не нравились ей всякие неевропейцы. Лица их безобразны, цвет кожи постыдно темен, про манеры и говорить нечего. Весь свет будто сговорился испытывать благонравие почтенной особы. Она путешествовала по всем широтам и взирала вокруг с крайним неодобрением.

Мадагаскарцы у нее «еще уродливей негров и малайцев, ибо вбирают в себя безобразие обеих этих рас».

Таитяне «непристойны и безнравственны». Индийские танцы и песни вызывают у Иды гадливость. Американские индейцы невыносимо вульгарны. Und so weiter.

Прямо какая-то старуха Шапокляк, высматривающая кого бы еще обложить пообидней.

Вот так, с поджатыми губками и неприязненным прищуром, в течение пятнадцати лет изучала она многообразие *Божьего мира*, в конце концов подорвала свое хваленое здоровье и еле добралась до родной Вены, чтобы умереть там от последствий тропической лихорадки.

Объясните мне, какого черта эту ворчливую, всем недовольную особу столько лет мотало по свету? Что за негасимый пламень пылал в ее неприветливой душе? В чем хотела

Суровая и несправедливая

она удостовериться? Что правильно провела свою скучную молодость и что лучше австрийской провинции мест на свете нету? Или же хотела найти где-то далеко несказанную Красоту, померещившуюся ей в силуэтах триестских парусников, но не нашла и от этого на всех осердилась?

Ей-богу, не знаю. Тайпа.

Прав, прав Митя Карамазов: «Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды».

Цыпленок и паровоз { про Шварца }

Евгений Шварц во всех своих измерениях знаком мне с самых ранних лет, и я знаю его так, как можно знать себя самого. Со своей уверенной и вместе с тем слишком внимательной к собеседнику поведкой, пристально взглядывая на него после каждого слова, он сразу выдает внимательному наблюдателю главное свое свойство — слабость.

Это я без кавычек привел цитату. Так, в третьем лице, пишет о себе сам Шварц.

Я только что прочитал две книжки — воспоминания и дневники Шварца — и понял, что люблю его еще больше, чем думал.

Записки у него поразительно интересные, притом что Шварц писал для себя и не пытался быть занимательным. Наоборот: очень старался не быть занимательным. Думаю, если бы я прочитал всё это в молодом возрасте, мне было бы скучно. А сейчас — то, что доктор прописал.

«Чтобы совсем избавиться от попыток даже литературной отделки, я стал позволять себе всё: общие места, безвкусицу. Боязнь общих мест и безвкусицы приводят к такой сестрости, что читать страшно», — пишет Евгений Львович.

Всегда чувствуется, когда текст написан без оглядки на публику, без желания понравиться.

Самое лучшее, что оставил после себя плодовитый Юрий Нагибин, — финальная, для самого себя написанная книга «Тьма в конце туннеля». В ней недобрый и в общем

малопрятный, но отлично владеющий словом человек на пределе откровенности вспоминает свою внешне благополучную, но нескладную, несчастливую, изъеденную постыдными страхами, сильно грешную жизнь. Только прочитав эту книгу, я понял, что Нагибин — настоящий писатель. Задумавшись, как он был в последние дни. Должен был написать для нашего журнала какое-то предисловие, тянул, говорил, что у него болеет собака и что он очень за нее волнуется. Потом собака умерла, и сразу вслед за ней умер сам Нагибин.

Но я собирался написать не про Нагибина, отвлекся.

В какой-то момент Шварц понял, что вспомнить и осмыслить свою жизнь он сможет, только если изложит весь ее ход на бумаге. «Начав писать всё, что помню о себе, я, к своему удивлению, вспомнил много-много больше, чем предполагал. И назвал такие вещи, о которых и думать не смел».

Он заставлял себя писать о том, о чем писать не умел, не хотел, боялся. Никаких волшебников, смешных королей, трогательных принцесс и благородных ланцелотов. Дневники написаны не сказочником, а масштабным и мужественным человеком, который думает, что он мелок и труслив. Как же часто в жизни бывает наоборот!

Однажды на железнодорожной станции Шварц заворуженно наблюдал, как около вагонов копошатся цыплята. Один, беззаботный и любопытный, но при этом хорошо знающий правила мира, в котором живет, гулял по рельсам — и проворно отбегал,

когда приближался огромный, черный паровоз. Паровоз проедет — цыпленок как ни в чем не бывало возвращается. Попил из лужи — закашлялся, потому что там не вода, а какая-то нефтяная гадость. Писатель долго не мог понять, чем так заинтриговал его этот цыпленок. А потом вдруг сообразил, что это он самый и есть,

Милое фото: добрый сказочник и малютки

Шварц Евгений Львович. Так всю свою жизнь и прожил, с интересом гуляя вдоль железных рельсов, улепетывая от всяких ужасов и утоляя жажду разной пакостью.

Нет, давайте я лучше не перескажем, а прямыми цитатами из Шварца.

В тридцать седьмом году он пишет про «чувство чумы, гибели, ядовитости самого воздуха, окружающего нас». «Мы в Разливе ложились спать умышленно поздно. Почему-то казалось особенно позорным стоять перед посланцами судьбы в одном белье и натягивать штаны у них на глазах. Перед тем, как лечь, я выхожу на улицу. Ночи еще светлые. По главной улице, буксуя и гудя, ползут чумные колесницы. Вот одна замирает на перекрестке, будто почуяв добычу, размышляет — не свернуть ли? И я, не знающий за собой никакой вины, стою и жду, как на бойне, именно в силу невинности своей».

Это написано в самую страшную пору террора. В писательском кооперативе, где домработницы суют нос в рукописи, потому что шпионят за жильцами, — за разоблаченно-го «врага народа» полагалась комната в освободившейся квартире.

Про очарованность талантом и разочарование при личном знакомстве:

«СКАКОВАЯ лошадь прекрасна, когда бежит, — ну и смотри на нее с трибун. А если ты позовешь ее обедать, то несомненно разочаруешься».

Про отношение к жизни:

«Смотри, даже когда хочется щуриться. Смотри, даже когда обидно. Смотри, даже когда непохоже. Помни — мир не бывает неправ. То, что есть, то есть. Даже если ты ненавидишь нечто в мире и хочешь это уничтожить — смотри. Иначе ты не то уничтожишь. Вот. Понятно?»

Особенно тяжело ему, человеку пури-танской эпохи, даются воспоминания о поре полового созревания. Эти признания трогательны и, пожалуй, забавны, хотя для автора чрезвычайно мучительны. Не позволяет воспитание, и слов таких

Подросток былых времен

нет, а их необходимо найти, потому что стыдное засело в памяти и отдавалось эхом всю последующую жизнь.

«Вот и это удалось рассказать мне. Ничего не пропустив, кроме самых невозможных подробностей», — завершает он свой, по нынешним временам, абсолютно целомудренный рассказ о первой женщине. «Она полулегла на диван и, глядя на меня строго, стала расспрашивать, кто я, как меня зовут, в каком я классе... Потом сказала, что от меня пахнет кисленьким, как от маленького, и вдруг стала целовать меня. Сначала я испугался. А потом всё понял. А когда всё было закончено, заплакал». Вот и весь, как теперь говорят, интим.

Господи, как мы все изменились.

Поразительная безжалостность к себе:

«Я многое понял, но ничему не научился. Я ни разу не делал выводов из того, что понимал, а жил, как придется».

Хуже, чем безжалостность, — несправедливость. Одна из последних записей в дневнике словно подводит итог жизни:

«Я мало требовал от людей, но, как все подобные люди, мало и я давал. Я никого не предал, не клеветал, даже в самые трудные годы выгораживал, как мог, попавших в беду. Но это значок второй степени, и только. Это не подвиг. И, перебирая свою жизнь, ни на чем не мог я успокоиться и порадоваться».

Прочитав это, я рассердился на Шварца. Это ведь у него не рисовка и не кокетство. Он действительно так думал! Тот, кто принес радость такому огромному количеству людей. Тот, кто так много значил и значит для нас всех.

Ей-богу, заниженная самооценка еще хуже, чем завышенная.

Грех вам, Евгений Львович.

Не люблю Бонапарта

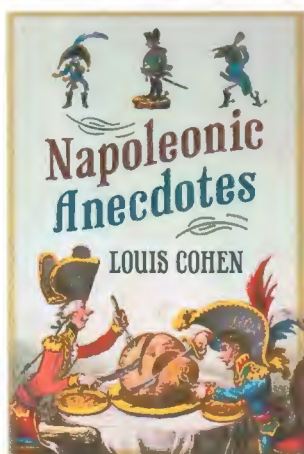
В конце концов это понял, прочтя книгу Льюиса Козна «Анекдоты о Наполеоне».

В юности, помню, меня возмущала гадливость, с которой Толстой описывает Бонапарта в «Войне и мире» («Дрожание моей левой икры есть великий признак» и т. п.). Я считал, что Лев Николаевич к великому человеку несправедлив.

А теперь думаю, что очень даже справедлив. Толстой безошибочно определил несущую конструкцию, на которой крепилась эта личность: патологический эгоцентризм и абсолютное презрение к людям. «Для человека моего склада миллион жизней — сущая чепуха», — признался Наполеон однажды Меттерниху.

Слово «анекдоты» в названии книги употреблено, разумеется, в своем изначальном смысле — короткие примечательные истории. Составитель не стремится изобразить фигуранта в положительном или отрицательном свете, а просто излагает в хронологическом порядке взятые из разных мемуаров и документов факты, не отделяя значительное от мелкого. В те времена (книга впервые издана в 1925 году) этот жанр был в моде. Нам он лучше всего известен по замечательным коллажам В. Вересаева («Пушкин в жизни», «Гоголь в жизни»).

Неструктурированность отбора, отсутствие каких-либо фильтров придают

портрету жизнеподобие и красочность. Человек раскрывается гораздо ярче, чем в самой добросовестной биографии, где неминуемо сказывается позиция автора текста.

Каким же выглядит Наполеон в жизни?

На мой вкус — омерзительным.

Безапелляционность его суждений-вердиктов обо всем на свете свидетельствует не только о фантастически раз-

дутым самомнением, но и о поразительной ограниченности.

О Шекспире сей знаток изящной словесности заявил: «Его пьесы не заслуживают прочтения, они презренны и даже хуже того».

Об Иисусе изрек: «Конечно, никакого евангельского Христа не существовало. Был какой-то еврейский фанатик, вообразивший себя Мессией. Таких приканчивают повсеместно, во все времена. Мне и самому доводилось их расстреливать».

Вот мнение Корсиканца о женском поле: «К женщинам не следует относиться как к равным, ибо это лишь

машины для производства потомства. Лучшая из женщин — та, у которой больше всего детей».

О взаимоотношениях Наполеона с прекрасной половиной человечества сохранилось множество рассказов, в том числе весьма сочных. Достигнув верховной власти, Бонапарт часто обходился с дамами невероятно оскорбительным образом.

Если Наполеону казалась привлекательной какая-нибудь женщина, он посылал сказать, чтобы та явилась к нему в покои к такому-то часу, разделась и терпеливо ждала. Почти не отрываясь от чтения документов, удовлетворял августейшее сладострастие, после чего ошастливленную избранны-

*Галантным он был
только на картинках*

цу немедленно выпроваживали. Это бы, в конце концов, черт с ним — вольно ж было придворным дамам соглашаться. Гораздо сильнее меня возмутил анекдот из тех времен, когда Бонапарту еще приходилось ухаживать и добиваться благосклонности.

Во времена Итальянского похода генерал Буонапарте приударял за некоей мадам Тюрро и, желая ее развлечь, устроил экскурсию — продемонстрировал «настоящую войну»: велел войскам атаковать неприятельские позиции. Потом со смехом рассказывал, что никакой пользы от этой атаки, конечно, не было «и некоторому количеству солдат пришлось погибнуть, но зато дама была в восторге».

С Эросом и Танатосом у императора вообще всё было непросто. Известно, что после каждой битвы он непременно объезжал поле брани, разглядывая убитых. Считается, что таким образом полководец проверял эффективность действия артиллерии, своего любимого рода войск. Но, кажется, имелась и другая причина, вполне отвратительная.

Барон Ларрей, лейб-хирург Бонапарта, был свидетелем того, как после такого зловещего осмотра император вернулся в лагерь с горящими глазами и потребовал немедленно доставить к нему женщину (этого обслуживающего персонала во французской армии всегда хватало).

Не менее противна и знаменитая наполеоновская грубость. Ему нравилось публично унижать людей. Им-

В ту пору он еще не растолстел

ператор обожал говорить подданным гадости, не давая пощады и женщинам. В книге множество описаний того, как его величество кого-то зло высмеял, как влепил сановнику оплеуху, как ударил вельможу хлыстом и так далее. Приведено всего два случая, когда высочайший хам получил отпор. Пересказываю оба с большим удовольствием.

«Говорят, вы очень любите мужчин, сударыня?» — громкогласно обратился на балу император к одной даме, про которую ему сообщили, что она завела любовника. «Только вежливых, сир», — почтительнейше ответствовала та. Не найдясь, что на это сказать, Наполеон надулсЯ и молча прошествовал дальше.

Менее ловким, чем привычная к словесной эквилибристике аристократка, оказался доблестный адмирал Брюи, командующий эскадрой, на которой французы собирались переправить десант в Англию.

Император прибыл в Булонь и потребовал, чтобы флот немедленно произвел маневры. Командующий ответил, что

Этьен Брюи, человек чести (1759–1805)

приближается буря и выходить в море нельзя. «Приказываю здесь я. Исполняйте!» — рявкнул великий человек. «Простите, сир, не могу — погибнут корабли и люди», — твердо сказал адмирал. Не привыкший к возражениям Наполеон впал в ярость и замахнулся хлыстом. «Осторожней, сир», — сказал Брюи, положив руку на эфес. Бонапарт замер. Отшвырнул хлыст.

Маневры все равно состоялись, во время шторма несколько сотен моряков утонули. Негибкий адмирал был немедленно изгнан со службы и получил приказ покинуть пределы Франции. Но уехать не успел — скон-

чался. По официальной версии, от приступа чахотки.

Не без удовольствия приведу и один из финальных анекдотов книги.

Когда Бонапарт умер, врач, делавший вскрытие, с благоговением извлек из грудной клетки сердце покойника (аномально маленькое). Поместил в банку со спиртом, дабы сохранить эту священную реликвию для потомков.

Не смея расстаться со столь великой драгоценностью, врач унес склянку к себе в комнату. Ночью он проснулся от звона. Увидел, что банка разбита, спирт пролился, и огромная рыжая крыса, чавкая, волочит сердце великого завоевателя в угол. Доктор еле успел отобрать, что осталось.

Убийца миллионов умер

Загадка чудовища

Недavno я писал про «фам-фаталь». Вот вам еще одна история — про женщину, которая была роковой в самом прямом смысле слова, безо всяких романтических коннотаций. Тот, кто встречался с Белль Ганнесс, встречался с Роком.

Я, можно сказать, являюсь профессиональным коллекционером всевозможных злодеев, но другого подобного существа, пожалуй, не знаю. В нем всё — загадка. (Местоимение мужского рода здесь не случайно — очень хочется последовать примеру Екатерины Второй, которая импера-

торским указом лишила серийную убийцу Салтычиху «милосердного женского звания» и постановила «считать ее мужчиною».)

Но восклицать и заламывать руки я буду в конце. Начну с изложения фактов.

На фотографии мы видим заботливую мамашу с очаровательными крошками.

Это Белль Ганнесс, родившаяся в Норвегии в 1859 году. Прямо скажем, не красавица. Имя, с которым она появилась на свет — Бринхильд, — подходило ей больше, чем «Belle». Но дело не в физических данных. Тетка, смотрящая на нас со снимка *тяжелым взглядом репти-*

лии, всех этих детишек (ее собственных) убила. А также по меньшей мере еще человек сорок. Не сразу, постепенно. На протяжении многих лет. Из-за денег.

Биографы считают, что монстром она стала после жуткого происшествия, приключившегося с ней в юности. Ее, беременную, избил какой-то деревенский богачей, отчего у девушки случился выкидыш. С тех пор она якобы стала не такой, какой была прежде. Не знаю. Если и так, это мало что меняет.

Обидчик юной Бринхильд вскоре умер от болей в животе, а девушка уехала в Новый Свет, где взяла себе новое имя.

Там она вышла замуж — за лавочника. Родила детей. Двое умерли в раннем возрасте от острых желудочных резей. Доктора решили, что от колита. По счастью, малютки были застрахованы, так что несчастной матери в утешение достались хорошие деньги.

В 1900 году скончался и супруг — в последний день, когда еще не закончилась прежняя страховка, и в первый день действия новой. Доктор заподозрил было отравление стрихнином, да и родственники покойного требовали расследования, но как-то всё обошлось. Смерть списали на большое сердце. Двойную страховую премию вдова потратила на приобретение фермы.

К этому времени у нее уже завелся новый сердечный друг — зажиточный вдовец с маленькой дочкой. Но не складывалось у Белль семейное счастье. Приемная дочурка ни с того ни с сего умерла через неделю после свадьбы. Спустя полгода случилось трагическое происшествие и с мужем: бедняге на голову свалилась тяжелая мясорубка и проломила череп. Ну не повезло человеку, бывает. Белль получила три тысячи долларов страховки.

В последующие годы она еще много раз пыталась выйти замуж. Печатала в газетах объявления: симпатичная вдова ищет в спутники жизни солидного человека со средствами. В соискателях недостатка не было. Многие мужчины вступали с Белль в переписку, и некоторые потом отправлялись к ней в гости с самыми серьезными намерениями, прихватив с собой сбережения. Все как один бесследно пропадали. Никто их особенно не разыскивал, потому что Белль приглашала к себе людей одиноких.

Но однажды произошла досадная накладка. После исчезновения очередного «жениха по переписке» оказалось, что у него есть брат. Этот человек нашел в бумагах приглашение от Белль Ганнесс — с адресом. Заподозрил неладное. Сначала присылал тревожные письма, потом сообщил, что скоро придет.

В это время Белль пожаловалась шерифу, что ее изводит своими любовными преследованиям Рэй Ламфер, работник фермы. Он-де совсем помешался от страсти, страдает приступами болезненной ревности и угрожает спалить дом. Она выгнала этого нехорошего человека, но очень опасается за себя и детей.

Белль опасалась не зря. 28 апреля 1908 года ферма сгорела. На пожарище нашли четыре обугленных трупа: три детских и один женский. Это была Белль Ганнесс, которую смогли опознать только по зубному протезу, и трое ее малюток (те, что на фотографии).

На месте ужасной трагедии

Раскапывая пепелище, рабочие наткнулись еще на чей-то скелет. Потом еще на один, и еще, и еще. Всего были обнаружены останки двенадцати человек.

Нашли и арестовали Ламфера, который был заподозрен в совершении всех этих убийств — предположительно из ревности к женихам Белль. Улик было недостаточно, чтобы приговорить

обвиняемого к смертной казни. Но Ламфер вел себя странно, бормотал невнятное и получил длительный тюремный срок. Год спустя он умер от чахотки, а перед кончиной сделал священнику признание, повергнувшее Америку в ужас.

Оказывается, на ферме были убиты в общей сложности 39 (тридцать девять!) женихов. Трупы большинства из них были сожраны свиньями или растворены в яме с негашеной известью. Всех прикончила сама Белль.

Модус операнди у вечной невесты был таков. Она встречала дорогого гостя, убеждалась, что тот привез с собой чек

или деньги, потом опаивала снотворным — и убивала. А дальше уж проявляла фантазию: кого-то закапывала, кого-то растворяла в извести, кого-то рубила на части и подкармливала хрюшек.

Ламфер помогал хозяйке — потому что действительно обожал ее всем сердцем. Она с ним, кажется, даже не делилась.

Когда запахло жареным, Белль решила исчезнуть. Она наняла новую служанку, родом из других мест. В первую же ночь убила ее, одела в свое платье, положила рядом зубной протез. Убила детей. Подожгла дом. Позаботилась о том, чтобы подозрение пало на Ламфера. Самое поразительное то, что она в нем не сомневалась — была уверена, что он не выдаст.

*Неневинная жертва
соблазнительницы
Ламфер*

Когда открылась правда, искать подлинную преступницу было уже поздно.

Если вы ждете рассказа о том, как закон настиг злодейку и воздал ей по заслугам, то напрасно. Реальная жизнь — паршивый сюжетопостроитель. Она обожает ружья, которые не стреляют, открытые концовки и преступления без наказания.

Белль Ганнесс так и не была поймана. На протяжении последующих десятилетий ее несколько раз вроде бы видели в разных городах США. Последний раз в 1931 году. А может, это была и не она.

В этой отвратительной истории всё — сплошные загадки.

Во-первых, непонятно, чем жуткая бабища (вес — 90 кг) так привораживала мужчин. Дело даже не в бедолаге Ламфере, который, кажется, был полудурком. Но эта необразованная иммигрантка умела писать письма, которые внушали доверие и симпатию. (Я их читал — в самом деле, очень недурно написаны.) Немолодые, умудренные жизнью люди слетались на роковую ферму, словно мотыльки на огонь. И, увидев воочию, сколь мало симпатична миссис Ганнесс, почему-то не поворачивали обратно.

Поражает хитроумие, с которым чудо-невеста столько лет вела свой людоедский бизнес. С каждой жертвы она по-

Всех убитых так и не опознали

лучала не столь уж много, но принцип «пять старушек — рубль» отлично работал. В общей сложности, по свидетельству Ламфера, Белль накопила четверть миллиона долларов — это огромная сумма для Америки начала XX века.

Есть что-то тошнотворно нечеловеческое в обстоятельности, с которой Белль провернула свое исчезновение. Главный трюк, конечно, заключался в смерти детей. Ну кому пришло бы в

голову, что их умертвила собственная мать? Если б Ламфер перед смертью не разоткровенничался, никто так никогда и не узнал бы, что истинная убийца — Белль и что она жива. В любом случае Белль всех облапошила, вышла сухой из воды. Очень возможно, что где-то в другом месте, под другим именем, она нашла новое применение своим талантам — и тоже безнаказанно, раз не угодила в историю криминалистики.

Но самая главная загадка, которая не дает мне как писателю покоя, — душевное устройство абсолютного чудовища. У меня не хватает воображения представить внутренний мир Белль Ганнесс. Хотя скорее всего, он был прост и скучен, как анатомия какой-нибудь бациллы.

Иногда очень хочется, чтобы ад существовал, правда?

Первая кавалерист-девица

Вчитайте, что это сиквел к рассказу о доблестной любовнице ботаника.

Когда я готовился к написанию романа «Сокол и ласточка», мне попадались самые разные материалы о женском кросс-дрессинге восемнадцатого столетия. Некоторые истории не менее удивительны, чем биография пахучей Жанны Баре. Расскажу еще одну — и покончим с переодеваниями.

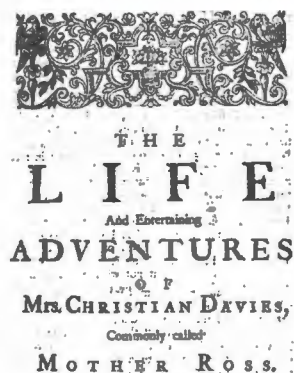
Если я спрошу вас, кто этот, хоть и безусый, но brave офицер, вы, конечно, сразу ответите: ну как же, это наша гордость, героическая Надежда Дурова, автор «Записок кавалерист-девицы». Я в детстве, как и многие, ее обожал — посмотрел «Гусарскую балладу» и прямо влюбился.

Потом, много позже, я вычитал, что Дурова была никакая не девица, а беглая жена и мать-кукушка. И вообще Надежда Андреевна, кажется, была довольно странным существом, у современников считалось хорошим тоном над нею потешаться. Однако не это стало главным моим разочарованием. Выяснилось, что не такая уж наша Дурова уникальная. В Европе подобных кавалеристок было пруд пруди.

Первая и самая знаменитая из них — ирландка Кристиан (можно Кит) Каванаг (1667–1739), биографию которой когда-то написал сам Даниэл Дэфо (титульная страница книги слева).

Жила она в Дублине, была молодуха как молодуха: имела мужа-гуляку, владела пивнушкой, родила двоих детей, дон-

WAS born in Dublin, in the Year 1667, of Parents whose Probity acquired them that Respect from their Acquaintance, which they had no Claim to from their Birth. My Father was both a Master and Brewer, in which Business he employed at least twenty Servants, beside those under the Direction of my Mother, in a Farm he hired of Arthur Wolfe, of Loftus, Esq; left entirely to her Care. My Father was remarkable for Industry

шивала третьего. И вдруг благоверный (его звали Ричард Уолш) пропал. Через какое-то время от него пришло письмо, что он насильно завербован и отправлен воевать в Голландию. В те времена принуждение к защите родины было разновидностью киднеппинга. (Впрочем, у нас это, кажется, случается и сейчас.)

Любящая Кит оставила детей на попечение матери и отправилась за моря спасать злосчастного супруга. Дешевле и проще было совершить это путешествие за казенный счет, поэтому храбрая женщина остригла волосы, переделалась в мужское платье и тоже поступила на военную службу — вначале пехотинцем.

На этом сказка про Герду и Кая заканчивается, начинается сюжет иного жанра.

Представьте себе, солдатская доля неожиданно пришлось молодой ирландке по вкусу. Опасностей она не боялась, приключения будоражили кровь, общение с товарищами-головорезами духовно обогащало.

Кит участвовала в боях, была дважды ранена, попала в

плен к французам, была выменена обратно — и продолжила ратную службу.

Из армии ее уволили по совершенно неженскому поводу: она убила на дуэли сержанта своей роты. Притом поединок случился из-за бабы. Кит очень старательно изображала лихого вояку: пила ром, мародерствовала, играла в карты и не упускала случая приударить за какой-нибудь красоткой — не доводя флирт до границ, грозивших разоблачением. Однажды какая-то проститутка

«Корнет, вы — женщина?!»

даже заявила, что Кит отец ее ребенка и пускай гонит деньги на содержание своего ублюдка. Кит охотно заплатила наглой шлюхе.

Особенно зауважал я осторожную кросс-дрессершу, когда прочитал, что она разработала систему мочиться стоя, для чего соорудила какую-то хитрую трубку из серебра и кожи.

После дембеля Кит продержалась на «гражданке» недолго — вероятно, ей не хватало адреналина. Теперь она поступила в королевские драгуны, то есть стала именно что кавалерист-девицей.

При всем при том она продолжала разыскивать своего мужа. Базы данных в королевских вооруженных силах пока не существовало, нижние чины учитывались не столько по именам, сколько по головам, поэтому поиски заняли 13 лет.

На пропавшего супруга Кит наткнулась по чистой случайности и в очень неудачный момент — изменил коварный как раз миловался с какой-то голландкой.

Тут кавалерист-девица окончательно порвала с женским прошлым, послала мужа туда, куда его следовало послать — и стала служить не тужить уже не ради восстановления семьи, а для собственного удовольствия.

Тайна Кит держалась целых пятнадцать лет и была раскрыта только из-за нового, тяжелого ранения. Хирург обнаружил у лежавшего без сознания героя неправильные половые признаки.

Дальше ее судьба сложилась менее экзотично, но все равно интересно. В армии разоблаченную травести оставили, но не драгуном, а маркитанткой. Блудный муж вернулся и продолжал блудить (однажды Кит была вынуждена отру-

Вот она, красавица

бить очередной разлучнице нос — чтобы сделать ее менее привлекательной). А когда Ричарда убили в сражении, безутешная миссис Уолш перевернула две сотни трупов, прежде чем нашла свою кровиночку и предала христианскому погребению.

Потом были другие мужчины и другие мужья, последнего из которых (разумеется, тоже солдата) звали Дэвис. Поэтому в историю Кит вошла под именем Кристиан Дэвис. Добрая королева Анна назначила ветеранше немаленькую пенсию: шиллинг в день.

А вы говорите Надежда Дурова.

Граф Ноги читает газету

та фотография в первой половине двадцатого века висела во многих японских домах.

Вроде бы ничего особенного. Семейная сцена: генерал Ноги читает газету, рядом его супруга Сидзуко. Судя по парадному мундиру и лежащей на столе шапке с плюмажем, граф собирается на какое-то официальное мероприятие или, может быть, только что вернулся из императорского дворца. Подумаешь, большое дело. Он часто бывает в резиденции микадо, поскольку занимает должность наставника при его высочестве принце Хирохито.

Но для японцев этот на первый взгляд бытовой, малоинтересный снимок таил в себе историю, полную высокого трагизма. Мальчиков и девочек великой империи по этой фотографии учили на уроках патриотизма, что такое настоящая японскость и самурайский дух. И мно-

Та же пара, но уже в бронзе

*Журнал «Нива» отдает должное
крозному врагу*

гих выучили настолько основательно, что это стоило им жизни.

На самом деле граф с графиней не коротают семейный досуг, а позируют перед смертью.

На женщине траурное кино, а в газете (не вижу заголовка, но уверен) напечатано траурное извещение о похоронах императора Мейдзи. Дело происходит 13 сентября 1912 года.

Генерал Марэскэ Ноги, самый прославленный из японских военачальников, возглавлял осаду Порт-Артура. Когда мощная крепость пала, имя победителя прогремело на весь мир.

Однако тогда, в 1905 году, мало кто знал, что после

подписания мира генерал на личной аудиенции у императора попросил 'разрешения уйти из жизни. Он сказал, что чувствует себя ответственным за слишком большие потери, которые понесла его армия (по японским источникам, 60 000 человек, по русским — 110 000).

У генерала была и еще одна причина желать смерти, личная. На войне погибли оба его сына, молодые блестящие офицеры. Осиротевшим родителям (еще двое детей у них умерли в раннем возрасте) жизнь стала немила, их не радовали почести.

Император строго-настрого приказал генералу выкинуть суицидальные бредни из головы. Как самурай и дисциплинированный человек, Ноги ответил: «Слушаюсь, ваше величество».

Однако когда семь лет спустя император Мейдзи почил в Будде, граф освободился от данного слова. Согласно древней, к тому времени уже забытой традиции, самурай мог в

знак скорби «последовать за господином», а супруга самурая, в свою очередь, имела право сопровождать своего мужа. Это не считалось самовольным, несанкционированным уходом из жизни.

Сиятельная чета посетила императорские похороны, сфотографировалась в нази-
дание — не своему потомству, которого у нее не осталось, а, вероятно, наследному принцу Хирохито.

Потом, сидя под портретом покойного императора, граф крест-накрест взрезал живот, а графиня вонзила клинок себе в горло, «вследствие чего, — гласит протокол вскрытия, — произошло проникающее ранение трахеи и пищевода с рассечением позвонков, что повлекло за собой летальный исход».

Гвозди бы делать из этих людей, ей-богу.

*Старшему сыну было 25 лет,
младшему — 23*

Нескромное обаяние аристократии

Не то чтоб меня сильно занимала «аристократическая» тема, но по случайному совпадению я соприкоснулся с сюжетом, подкрепившим мою разночинскую антипатию к этому капризному сословию.

Черт-те что (и сбоку в качестве бантика архангел Гавриил)

На пятиконечную звезду не обращайте внимания. Архитектор был франкмасон и понатыкал их по всему фасаду

Я давно собирался съездить посмотреть на бретонский замок Кериоле. Много слышал про эту архитектурную «folie russe», экзотичную для тамошних краев. Съездил — и не пожалел. Теперь расскажу вам сказку.

Давным-давно, а если точнее в 60-х годах 19 века, сумасбродная русская барыня выстроила в Финистере, суровом и скудном рыбацком крае, чудо-замок.

Получился шибящий по мозгам «ёрш» из неоготики, бретонского фольклора и романтизма, увенчанный русским медведем на крыше, который тоскливо глядит на восток, в сторону России-матушки.

Нынешний вид замка дает слабое представление о былом

роскошестве. Все декоративные элементы когда-то были цвета небесной лазури, а лилии и звезды сверкали позолотой. Современники прямо-таки очумевали, когда видели это варварское величие среди монохромного лесного пейзажа.

История замка Кериоле — это вариация на тему купринского рассказа «Белый пудель». Помните? «Хочу собаку! Трилли хочет собаку!»

Жила-была великосветская дама, вдовствующая княгиня Зинаида Юсупова, пée Нарышкина (1803–1893). И всё у нее в жизни всегда было очень хорошо, и ни в чем никогда ей не было отказа. Родилась она с золотой ложкой во рту, с детства как сыр в масле каталась, долго-предолго жила-поживала и добро проживала, но добра было столько, что и за девяносто лет Зинаида Ивановна его растратить не смогла.

И вот повстречался ей в Париже красавец-француз. Она — княгиня почти что царской крови, он — плебей; ей уже пятьдесят семь, ему — тридцать два. Однако Трилли заголосил: «Хочу собаку!» И всё покорилося.

*Всё что осталось
от былой красочности*

*Это липовые предки графа-маркиза
в Рыцарском зале замка*

Красавец Шарль не устоял перед соблазнами, которые сулил ему этот мезальянс. Зинаида Ивановна купила жениху видную должность и аж два аристократических титула — графа и маркиза — с кучей знатных предков в придачу.

Портреты молодых:

Характер сразу понятен

*А вот и «белый пудель»
(не такой уж, по-моему,
адонис)*

Свой трофей ее сиятельство заперла в бретонской глуши, для чего и было выстроено любовное гнездышко. Судя по старинным снимкам, интерьеры замка были еще пышнее экстерьера, однако от них мало что сохранилось. Почему — объясню чуть позже.

На парадном фасаде красуется герб Нарышкиных, хотя после двух браков можно было бы так уж не кичиться своей девичьей фамилией.

Узнав, что я из России, экскурсовод попросила меня перевести девиз.

*Не без труда я разобрал, что
над гербом высечено «При той»*

Я предположил, что невразумительная формула может выражать генеалогическое почтение к самой знаменитой представительнице рода царице Наталье Кирилловне. Мол, мы все, Нарышкины, ютимся охвостьем При Той, Которая Родила Великого Петра.

Во время первой половины экскурсии, пока нам рассказывали об экстравагантных тратах и выходах *princesse russe*, я не раз ловил на себе почтительные взгляды французской группы.

Должно быть, давая согласие на брак, бравый молодец думал: «Ну сколько ей осталось?» По старушка, естественно, пережила своего принца-шармана и поплакала на его похоронах. Потом пожила еще и наконец отдала Богу душу, сделав напоследок департаменту тишично аристократический подарок: завещала Кериоле бретонцам, однако с массой затрудных условий и ограничений — и то с поместьем делать нельзя, и это.

Сменились эпохи, прошли мировые войны, началась гонка ядерных вооружений.

Однажды правнук Зинаиды Ивановны, затравленный кредиторами Феликс Юсупов (*l'assassin de Raspoutine*, подняла палец экскурсоводша, и вся группа закивала) вспомнил, что была у него какая-то полоумная прабабка, а у прабабки был какой-то полоумный, но дорожный замок.

«Хочу собаку!» — сказал Трилли. К тому времени русский Дориан Грей был уже не похож на знаменитый портрет кисти Серова, а выглядел вот так.

Разумеется, экспертиза установила, что через 60 лет после смерти княгини никто уже не помнит ни про какое завещание. Что-то из коллекций переправлено в местные музеи, что-то в парке изменено.

Вознегодовав на такое кощунство, Юсупов подал в суд и после многолетней тяжбы отобрал у департамента замок, получив еще и солидный штраф.

Сразу же вслед за этим, наплевав на плебейские условности (вот он, истинный

Всё равно, конечно, красавец

аристократизм!), бережный хранитель священной прабабушкиной памяти распродал весь интерьер и вообще всё, что только было возможно. Умудрился даже загнать ближайшему муниципалитету старинный колодец из замкового двора — на вывоз. Всю землю разделил на участки и выставил на торги. Потом объявил, что в архитектурном смысле Кериоле — жуткая безвкусица (мне, честно говоря, тоже так показалось) и продал обобщенную постройку под гостиницу.

В этом месте экскурсии я начал ежиться — теперь вся французская группа смотрела на меня с русофобско-санкюлотским гневом, как будто я и был тот самый князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

И побрел я прочь, пока все не запели: «Аристократов на фонарь!»

Всё оглядывался на замок, и в своем обветшавшем виде он вдруг показался мне трогательным и прекрасным, как райская птица, по нелепой случайности залетевшая в чужой серый край и растерявшая там свои лазоревые перья.

А сломанному каштану справа 400 лет, и он все еще живет

Дама с собачкой, или Девушка с характером

Недавно слышал по BBC хвост передачи про женщину причудливой судьбы — некую Наталью Сергееву. Что-то фантастическое о собачке, из-за которой чуть не провалилась высадка союзников в Нормандии.

Заинтриговался: неужто такое могло быть? Стал искать, нашел дневник этой самой Сергеевой (звали ее Лили, а не Наталья — русское имя она сменила). Книга довольно редкая, уже почти полвека не переиздавалась. Все приключения и переживания расписаны подробно, по дням. Чувствуется сильный характер, какая-то особенная безбашенность и еще незаурядный шарм, которым только и можно объяснить загадку агента Treasure.

Но эту историю нужно рассказывать по порядку.

В 1940 году, вскоре после поражения Франции, некая 25-летняя парижанка русского происхождения (между прочим, племянница генерала Миллера — того самого, похищенного чекистами) предложила свои услуги Абверу.

Немцы приняли ее с распростертыми объятьями, что неудивительно. Во-пер-

Лили-Наталья Сергеева

вых, у этой дочери белоэмигрантов были родственники по всей Европе и, что особенно важно, в Англии. А во-вторых, Лили была знаменитостью. Еще совсем юной девушкой она прошла пешком через всю Европу и написала об этом книгу. А перед самой войной в одиночку доехала на велосипеде от Парижа до Сайгона.

Это и сейчас-то рискованное путешествие, а уж в 1940 году...

Кроме того, Сергеева была талантливой художницей, что тоже имело значение, поскольку для разведчика той поры важную роль играла зрительная память и умение делать кроки — точные зарисовки.

Но, полагаю, самое большое впечатление на офицеров немецкой разведки произвела сама Сергеева. Она была дерзкой, требовательной и бесстрашной — настоящая, сто-процентная искательница приключений. Нечасто к вербовщикам идет в руки такой человеческий материал.

Вся первая половина дневника читается как комедия абсурда, развенчивающая миф о немецкой аккуратности и смертоносной эффективности Абвера.

Сплошные накладки, ляпы, идиотские недоразумения, некомпетентность и необязательность, кафкианская запу-

танность германского бюрократического лабиринта привели к тому, что Сергееву не могли переправить за границу — внимание! — в течение ТРЕХ ЛЕТ. Тут были и потерянные шифровки, и не по тому адресу отправленные радиогаммы, и не ко времени переживший сердечную драму начальник. (Я подозреваю, что именно так в реальной жизни шпионов всё и бывает — секретность всегда сопряжена с хаосом, бестолковостью и неразберихой.)

В общем, лишь осенью 1943 года Лили наконец попала в нейтральную Испанию.

По плану Сергеева должна была явиться в британское консульство за визой, что она аккуратно и исполнила.

Ее спросили: «Вы едете в Англию, чтобы воссоединиться с родственниками?»

«Нет, — ответила Лили. — Я еду, чтобы шпионить на немцев».

«Спасибо, — сказал, помолчав, невозмутимый англичанин. — У меня очень скучная работа, а вы меня повеселили».

Молодой парижанке не сразу поверили, что она нарочно завербовалась в Абвер и терпеливо ждала переброски за границу, чтобы стать двойным агентом. Свой план личной войны с фашизмом, составленный и осуществленный в одиночку, Лили объясняет в дневнике так: «Ярость женщины, которая не может сражаться с оружием в руках».

Но скоро британцы поняли, какая им подвалила удача, — и Лили получила кодовое имя Treasure, Сокровище.

Оказалось, что она личный агент знаменитого майора Климанна, куратора германской разведсети в Англии. И задание Сергеева получила поистине эпохальной важности.

Немцы ждали высадки союзников, но не знали, где сконцентрировать главные

Рисунок Лили

Лили и ас шпионажа
Эмиль Климанн

силы — в Нормандии или в Па-де-Кале. Сергеева должна была обосноваться в юго-западной части Альбиона и выяснить, нет ли скопления войск и плавсредств напротив нормандского побережья.

Возникает вопрос: почему Климанн так безраздельно доверял сведениям одной-единственной агентки? Видимо, дело в пресловутом «человеческом факторе». Лили обладала феноменальным даром внушать доверие. Иначе железный абверовец не плакался бы ей в плечико о своей любовной драме.

А как такого не любить?

Пока всё это выглядит как более или менее обычный шпионский сюжет. Но это потому, что я еще не рассказал о собачке.

У Лили был фокстерьер Бабс, которого она любила, кажется, больше всего на свете. Немцы смирились с тем, что Сергеева отправится на задание с собакой: таково было обязательное условие строптивой агентки. Климанн рассудил, что для конспирации это даже хорошо — кто заподозрит шпионку в дурехе с кудряшками и славным барбосиком?

Во время встречи с сотрудниками английской МИ-6 Лили сказала, что ей не надо ни денег, ни наград, однако без Бабса в Англию она не полетит.

Милая дамская блажь, подумали англичане и пообещали, что Бабса доставят из Гибралтара отдельно, чуть позже.

Обманули. По закону пес должен был отсидеть шесть месяцев в карантине, и никакая сила, никакие высшие соображения ничего тут изменить не могли. Потому что правовое государство — ужасно занудная штука. Оно не признает исключений.

Лили была потрясена таким вероломством до глубины души. Она выполняла свою работу, вела радиоигру, гнала

немцам дезу. Но в англичанах разочаровалась и каждый день изводила их упреками и скандалами. Британцы ей вообще очень не понравились. В дневнике написано: «Меня восхищает в англичанах их упорство, хладнокровие, выдержка. Но я бы не хотела быть такой, как они. Я хочу любить и ненавидеть, чувствовать, вибрировать, жить. Они же холодны, скованны, непроницаемы». (Все-таки она была настоящей русской, кровь не водица.)

Один характерный штрих к характеру капризницы.

В начале 1944 года у Сергеевой обнаружили тяжелую болезнь почек, требовавшую немедленного хирургического вмешательства. Лили отказалась, потому что это сорвало бы всю радионигру. «Но медлить с операцией нельзя, иначе через шесть месяцев вы умрете», — сказали ей врачи. Ничего, ответила она, к тому времени мы будем уже во Франции.

И тут пришло известие, что томящаяся в карантине собачка погибла.

Пораженная горем Лили стала думать о мести. У нее был кодовый знак, полученный от Климанна: аварийный сигнал работы «под контролем». Если бы радистка дала понять Абверу, что передает дезинформацию, десантная операция провалилась бы, Второй фронт открыть бы не удалось, и очень вероятно, что война закончилась бы совершенно иначе — из-за фокстерьера Бабса и строгости британской карантинной службы...

Нет, Лили этого не сделала. Но однажды рассказала о своем искушении начальству, которое... Ну вы можете себе представить реакцию начальства.

Неуравновешенную радистку заменили на другую и довели игру до конца, а лейтенанта Sergueev из разведки перевели в армию. Собакогенного апокалипсиса не произошло.

Надо сказать, что доверие немцев к сведениям Лили было так велико, что уже после высадки в Нормандии вермахт еще целых полтора месяца держал самые боеспособные части в Па-де-Кале, ожидая с той стороны основного десанта.

Мне ужасно нравится эта женщина. Потому что она была очень... женщиной. Если уж любить — пускай даже фокстерьера, — то не задумываться о рациональности и чув-

стве меры. Когда на одной чаше любовь, а на другой — весь белый свет, делать свой выбор без колебания. Думаю, каждому мужчине хотелось бы, чтоб его любили так, как Лили любила своего Бабса.

И еще. Книга Сергеевой называется «Одна против Абвера», а в первом издании название было авторское: просто «Одна». И в этом, по-моему, ключ. Бывают такие люди, которые существуют с миром в режиме тет-а-тет. В одиночку ходят пешком через Европу, в одиночку ездят на велосипеде через Азию, в одиночку ведут войну с фашизмом, и если есть у них кто-то по-настоящему близкий, то максимум собака. Возможно, Лили Сергеева была из этой породы.

А в диагнозе английские врачи ошиблись. Со своей запущенной болезнью Лили прожила не шесть месяцев, а целых шесть лет. Умерла в тридцать пять. И, будем надеяться, воссоединилась на том свете со своим Бабсом.

Исчезнуть вдвоем

А уже несколько раз раскрывал вам этот шкафчик писательской кухни: откуда что растет, не ведая стыда (в случае беллетристики — стыда заимствования); как рождается идея романа или сюжетного хода. Правда, в ходе работы первоначальная, подлинная история сильно изменяется, иногда до неузнаваемости, но что-то все-таки остается.

Впрочем, судите сами.

Есть у меня замаскированно грустный роман о всех кораблях, ушедших в море, о причастном тайнам старом попуте, а главным образом о некрасивых девочках, мечтающих о прекрасном принце, который приплывет под алыми парусами, разглядит за неказистой внешностью *настоящую* тебя и после этого уже не захочет смотреть ни на кого другого, и ты спрячешь своего принца от всех соперниц на необитаемом острове, где можно не терзать ревностью и где никто никогда вас не разлучит.

Началось с того, что я наткнулся, кажется у Алданова, на упоминание о диковинной судьбе одного принца по имени Иоганн-Сальватор, то есть «Иван-Спаситель».

Всё, про роман забудьте. Буду рассказывать про принца.

Среди разветвленного семейства Габсбургов встречается много колоритных персонажей, но Иоганн-Сальватор, принц Австрийский, Венгерский, Богемский и Тосканский, пожалуй, заткнет за пояс всех своих родственников.

Взгляд смелый, а губы пухлые — опасное сочетание

В 27 лет он уже
фельдмаршал-лейтенант

Он родился в 1852 году и в юности был себе эрцгерцог как эрцгерцог, ничего особенного. Разве что проявил недюжинные способности к музыке, писал вальсы (чуть ли не вместе со Штраусом) и даже балеты — разумеется, под псевдонимом, чтоб не ронять августейшего достоинства. Под псевдонимом же печатал и задиристую публицистику необычного для такой персоны демократического звучания.

Иоганн-Сальватор был человеком на редкость разносторонним, поскольку кроме музыкального и литературного дара проявил еще и военный. Наша дореволю-

ционная «Военная энциклопедия» характеризует его так: *«По общему отзыву, I. был одним из лучш. ф-лов австр. армии и одним из честнейших, образованнейших и умнейших принцев нашего времени».*

В австрийской армии той эпохи к нижним чинам относились как к безгласной скотине и быдлу, эрцгерцог же попытался провести кардинальную реформу, делая ставку на воспитание и образование солдат. За это Иоганна-Сальватора очень любили в армейских низах и очень не любили в верхах. В конце концов, поняв, что с реформой ничего не выйдет, принц совершил нечто совершенно непринцеобразное: швырнул Францу-Иосифу свой орден «Золотого руна», высшую награду империи, отказался от чина, от титула, даже от фамилии «Габсбург» и стал именоваться просто «Иоганн Орт» (Орт — название его фамильного замка). После этого ему, конечно, пришлось навсегда покинуть пределы Австро-Венгрии.

Это, так сказать, одна из версий бунта в августейшем семействе. Есть и другая, менее гражданственная, но не менее красивая.

Сразу после разрыва с императором Иоганн Орт женился на простой девушке, балетной танцовщице Милли (Людмиле) Штубель. Будучи эрцгерцогом, он этого сделать не мог — император ни за что бы не дал своего согласия. А господин Орт, лицо частное, был волен поступать по велению сердца.

Дальше начинается совсем прекрасное.

Герр Орт выучился на капитана дальнего плавания и получил шкиперский патент, после чего купил корабль (только вот не с алыми парусами) и ушел с юной фрау Орт на край земли, в Уругвай. Там зачем-то сменил всю команду и отправился еще дальше, в просторы Тихого океана.

И больше влюбленных никто никогда не видел. Корабль «Маргарита» вышел из Монтевидео и исчез. В биографиях год смерти бывшего принца значится под вопросом: 1890 (?)

Я, конечно, понимаю, что вероятней всего малоопытный Руслан утопил судно вместе с Людмилой и экипажем где-то в опасных водах близ мыса Горн. Но так хочется надеяться, что на самом деле всё у них было заранее спланировано и получилось по задуманному.

Присмотрели укромный островок, затерянный среди бескрайнего океана; набрали команду из таких же искейпистов; благополучно поселились в своем раю; жили там долго, счастливо и ни о чем никогда не жалели.

Младые прелести
Людмилы

Замок Орт. Обратите внимание:
на острове

Образ кипучего долдона в российской истории

Из мемуаров князя Сергея Дмитриевича Урусова узнал некоторые подробности биографии моего старинного, еще со времен работы над романом «Статский советник», любимца — Д.Ф. Трепова. Он и его достопамятный папаша послужили мне коллективным прототипом для образа генерала Храпова. Эх, кабы я знал тогда эти колоритные подробности, персонаж получился бы более выпуклым и живым.

Меня всегда интриговало черепно-мозговое устройство тупого служаки треповского типа. Что за бездны таятся в

подобной душе, на вид немудрящей, как начищенный сапог?

А всё, оказывается, презанятно.

Во-первых, любопытно происхождение треповской фамилии. Оказывается, Трепов-старший был августейших кровей. Его младенцем нашли на дворцовой лестнице (по-немецки Treppe) через некоторое время после визита принца Вильгельма, будущего германского императора. Малютка был похож на прусское высочество как

Мой Храпов реально не въехал, чё он не так сделал (Р. Янковский в фильме «Статский советник»)

две капли воды. Вероятно, именно происхождением и символикой дворцовой лестницы следует объяснять нерассуждающую преданность рода Треповых престолу.

Ф. Трепов был столичным градоначальником в весьма нервный период российской жизни, когда в студенческой среде стали распространяться революционные идеи. Царь высоко ценил его беззаветную преданность и кипучее рвение, прощая генералу дубоголовость, проявившуюся, например, в известной истории с поркой народника Боголюбова. В некотором роде именно Ф. Трепов забил первый гвоздь в гроб горячо любимого императора: с выстрела Веры Засулич тогдашнее протестное движение перешло в террористическую фазу, закончившуюся взрывом на Екатерининском канале.

Сын найденыша Дмитрий пошел весь в папу. С детства играл не в солдатики, а в городских и нигилистов (каковых арестовывал и сажал в крепость). Когда вырос большой и стал служить при особе государя (где же еще?), то прославился отменным усердием в службе. Князь Урусов рассказывает о двух легендарных примерах треповской дотошности.

Во время похорон Александра III, командуя конногвардейским эскадронам, Трепов разъезжал перед строем и зычно покрикивал: «Веселей! Веселей глядеть, ребята!» Заботился, стало быть, чтоб его соколы глядели орлами.

А однажды, уже будучи полковым командиром и готовясь к высочайшему приезду по случаю Пасхи, немножко переусердствовал. Для нижних чинов, отряженных христосоваться с государем, Трепов подготовил специальный приказ, где всё было расписано до мелочей. «Усов не фабричь, в левой руке держать яйцо», — говорилось в документе. Перечитав, Трепов вдруг засомневался и на всякий случай приписал сверху «куриное». Так этот приказ стал историческим.

Летом 1905 года, на фоне военных поражений и ширящихся беспорядков, царь решил укрепить «вертикаль» верными кадрами и назначил кипучего долдона Трепова управ-

Трепов-старший: слуга царю, отец солдатам

*Трепов-младший:
такой не подведет*

лять всей внутренней политикой империи. В должности товарища министра внутренних дел Трепов стал руководить деятельностью всех губернаторов.

Д. Трепов — автор знаменитого приказа «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». За короткое время сей ценный кадр энергично привел страну к революции.

В истории раз за разом повторяется роковая закономерность. Слабые, не уверенные в себе правители на исходе царствования вечно совершали одну и ту же оплошность: окружали себя сановниками, которые были лично преданы и энергичны, но абсолютно бездарны. Кипучий долдон, последняя надежда престола, немедленно начинал, пыхтя от усердия, подпи-

ливать ножку и без того шатающегося трона.

Повторно, уже в последний раз, Николай Второй исполнил этот смертельный номер в декабре 1916 года: назначил на главную должность в правительстве беззаветно преданного, но совсем уж ничтожного Протопопова.

Саморазрушающиеся системы разваливаются, увы, по одним и тем же законам.

Любовник революции

(возрастное)

Уроцкий, обожавший звонкие фразы, сказал: «Революция избирает себе молодых любовников». Один такой Ромео, влюбившийся в революцию и сгоревший в пламени этой страсти, интриговал меня еще со школьных лет.

Помните повесть Алексея Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус»? Она густо населена разными неприятными персонажами, и на этом тошнотворном фоне завораживающей кометой проносится загадочный граф Шамборен, поэт-футурист и большевистский агент, за которым гоняется в Одессе вся белая контрразведка. Он едет в Европу для того, чтобы взорвать Версальскую мирную конференцию, почему-то везет в баночках с сапожным кремом восемнадцать крупных бриллиантов, «живуч, как сколопендра», палит из револьвера, но в конце концов попадается. Сцена его казни описана, как умел Алексей Николаевич — скупно и сильно: «— Стыдно, граф, — баском сверху прикрикнул ротмистр, — давайте кончать. — Тогда Шамборен кинулся к лестнице. Едва его кудрявая голова поднялась над палубой, — француз [палач] выстрелил. Шамборен покачнулся на лестнице, сорвался, и тело его упало в море».

Тогда же я прочитал, что фамилия персонажа выдуманная, но человек был реальный. Некий юный чекист французского аристократического рода, чуть ли не маркиз, сыграл важную роль в освобождении Одессы от интервентов весной 1919 года. Время от времени я вспоминал о товарище маркизе и обещал себе, что обязательно его разъясню. Собрался только сейчас. Это оказалось нетрудно, слава Интернету.

Правда, про этого эфемерного человека понаписано много всякой сомнительной дребедени. Довольно трудно понять, что было на самом деле, а что приплетено и нафантазировано, причем давно, еще в двадцатые годы. Если заинтересуетесь — ройте дальше сами, разбирайтесь. Я расскажу коротко и без беллетризования.

Во-первых, да — он был кудрявый. Это факт.

Впрочем, А. Н. Толстой его лично знал — видел в московских богемных кафе, где этот приметный юноша («с пушистыми светлыми волосами, правильными чертами лица и горящими глазами», вспоминает Н. Равич) читал свои стихи (кажется, не выдающиеся) и поэтические переводы из Теофиля Готье — великолепные (по отзыву не кого-нибудь, а самого Мандельштама).

Настоящее имя — Георгий Лафар, он же де Лафар, он же де ла Фар, он же де ла Фер, он же Делафар (последнее имя встречается в источниках чаще всего). Титулованный он был или нет, я так и не понял. Маркизов де ла Фар во Франции вроде бы не водилось. Зато граф де ля Фер, как мы знаем, по меньшей мере один точно имелся.

Автор «Записок контрреволюционера» Владимир Амфитеатров пишет: «Делафар носил космы до плеч, бархатную куртку, писал стихи и уверял, будто бы он французский маркиз, потомок крестоносцев; полагаю, что крестоносцем он был

наоборот: те — шли в Палестину, а он — вышел из Палестины». Но это, впрочем, заблуждение типичного «контрика», который во всяком «комиссаре» подозревал сатанинское иудейское племя. На самом деле отец Георгия был обрусевший француз, инженер на военном заводе.

Как и положено юному стихотворцу, Делафар воспламенился революцией. Он был вообще-то не большевик, а анархист, но в ту пору два эти радикальные течения еще не враждовали между собой. Служил Георгий в ВЧК, где, невзирая на зеленые лета и поэтический темперамент, заведовал

весьма серьезным отделом борьбы с банковским саботажем, а во время «Заговора послов» вел дела арестованных французских офицеров.

Из-за франкофонности молодого чекиста и откомандировали в Одессу, где высадился французский экспедиционный корпус. Большевики девятнадцатого года верили, что скоро грянет мировая революция, и надеялись распропагандировать иностранных солдат и матросов (что было не так уж и трудно, поскольку все устали воевать и хотели домой).

Но у графа Делафара было задание не агитаторское, а под стать титулу — он должен был *вращаться в верхах*. И отлично справился с поручением: близко сошелся с полковником Анри Фредамбером, по должности — начальником французского штаба, а фактически самым влиятельным человеком оккупированной Одессы.

Между прочим, этот Фредамбер — тоже интересный субъект. До галлизации его фамилия произносилась «Фрейденберг». По некоторым сведениям, этот человек был родом из Одессы. В тогдашней французской армии, пропитанной антисемитизмом и вообще очень скупой на чинопроизводство, еврей мог стать в 42 года полковником, лишь обладая какими-то исключительными способностями. (Потом Фредамбер сделает блестящую карьеру и в начале Второй мировой войны будет командовать армией. Умрет лишь в 1975 году, почти столетним, пережив всех других деятелей нашей Гражданской войны.)

Каким-то образом граф Делафар сумел настроить Фредамбера против белогвардейцев, так что в критический момент полковник настоял на эвакуации французских войск, в результате чего город был захвачен красно-зелеными. (Впоследствии за это самоуправство Фредамбер даже попал под суд.) Я читал любопытные, но сомнительные байки о том, что Делафар влиял на полковника через актрису Веру Холодную или же дал ему огромную взятку (вот вам и бриллианты в сапожном креме). Не верю. Иначе всемогущий полков-

Фредамбер, или Фрейденберг, уже в генеральские годы

Аресты большевиков.

За последнее время одесская административная элита следила за большевистскими подпольщиками. Когда главные нити были в руках властей, отдан был приказ о захвате наибольшего числа деляток.

Первым был арестован комиссар большевистской разведки Ласточкин, за которым долго и упорно охотилась полиция.

Вторым был арестован большевистский деятель известный под кличкой граф де-Лафер. Он появился на Одесском горизонте сравнительно недавно. Средства в распоряжении арестованного имелись довольно солидные. Задержан был граф Лафер после тщательной слежки за ним. В данное время, точно установлено, что арестованный бывший секретарь петроградской «чрезвычайки» в области допросов «с поздравлениями».

Минувшей ночью снова удалось арестовать трех влиятельных большевиков: наднях лишь прибывших в Одессу из Финляндии и назначенных сюда комиссарами. При арестованных обнаружена значительная сумма на организационные нужды. В занимаемых «комиссариатах» помешены найдены изрядный запас агитационной литературы, в специальных ящиках, снаряженный порохом, взрывчатых веществ, топографические карты, планы южного фронта и обширная переписка, давшая в руках властей дальнейшие нити.

ЕКАТЕРИНОДАРЬ, 29 III. Арестованы и предаются суду бывший комиссар по делам печати в Ростове и Татарион

ник как-нибудь отмазал бы своего сообщника, когда контрразведка до него все-таки добралась.

А. Н. Толстой, пересказывая беседу с белым контрразведчиком Ливеровским, которого потом вывел в «Ибикусе», описывает гибель графа Делафара следующим образом (интересно сравнить с тем, как это описано в повести): «Темной дождливой ночью Делафара везли на моторке на баржу № 4 вместе с рабочим, обвиненным в большевистской агитации, и уголовником Филькой. Первым поднимался по трапу рабочий. Конвойный, не дожидаясь, пока он поднимется на баржу, выстрелил рабочему в голову, и он скатился. Филька, пока еще был на лодке, снял с себя крест и попросил отослать по адресу. Когда же взошел на баржу, сказал — это не я, и попытался вырваться. Его пристрелили. Делафар дожидался своей участи в моторке, курил. Затем попросил, чтобы его не застреливали, а утопили. Делафара связали, прикре-

пили к доске и пустили в море. Вот и все, что я знаю...»

Не захотел, стало быть, наш граф умирать прозаически, как рабочий и уголовник. На доске, в море. Поэт. 24 года ему было.

Какое я из этой грустной истории вывожу moralité?

Когда читал про романтического графа Шамборена в юности, думал: как всё это красиво. Хорошая все-таки вещь — революция. Влюбила в себя множество удивительных людей, подарив каждому звездный час, и еще больше людей обыкновенных, сделав их удивительными. Неважно, сколько жить, важно — как. И прочее, соответствующее возрасту.

В нынешние же свои годы думаю: какая гадость эта ваша революция. Если б не заморочила юноше голову, получился бы хороший литературный переводчик, о ком твердили б целый век: N. N. прекрасный человек. Любовников ей, стерве несытой, подавай, да еще молодых, и побольше. «Скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?» И ведь сколько во все времена находилось желающих. Добро б еще ночь манила сладострастьем. А то ведь грубые лапы конвойных, пошляк ротмистр, запах мазута от грязной воды, веревки, мокрая доска...

Ответ на часто задаваемый вопрос, или Хорошо быть беллетристом

Внаете, в чем разница между героем-суперменом из жизни и из литературы?

Кто ответил: «В том, что в жизни героев-суперменов не бывает», — ошибся.

Правильный ответ: «В литературе герои-супермены всегда выходят сухими из воды, а в жизни — погибают». Потому что сколько веревочке ни виться — всякая фортуна в конце концов иссякает; и потому что Господь Бог — не беллетрист, а автор серьезный, Он туфты не терпит. Комарику, даже самому храброму, со злодеем-пауком не справиться и Муху-Цокотуху не спасти. Таков закон природы.

Вот вам самый что ни есть настоящий герой и практически супермен. Полюбуйтесь на красавца.

Это капитан Френсис Кроми, британский подводник. Вылитый Грегори Пек, правда?

Однажды, для очередного фандоринского приключения, мне пришлось углубиться в историю ранних субмарин. Как это часто со мной бывает, я увлекся, далеко ушел от темы и прочитал две толстые книги про подводные баталии Первой мировой войны.

Какие там судьбы, какие характеры!

Моряки-подводники той эпохи были еще отважнее авиаторов. Летчики по крайней мере погибали быстро, на свежем воздухе, а экипаж субмарины чаще всего ждала мучительная, медленная смерть от удушья. И никакого почетного погребения — так и оставались гнить в консервной банке, под толщей воды.

На подводных лодках и просто плавать-то было очень опасно, а люди умудрялись еще и воевать.

Наш отечественный подводный флот находился в зачаточном состоянии и ничем выдающимся не отличился. Главными морскими акулами проявили себя немцы, ну и англичане тоже лицом в грязь не ударили.

В 1915 году капитан Френсис Кроми прорвался на своей убогой «Е-16» через контролируемые немцами проливы в Балтику — чтобы защищать Кронштадт и Петроград от атак кайзерского флота. Там (то есть здесь) молодой капитан до конца войны и оставался.

Кроми был смельчак, сорви-голова. К тому же ему отчаянно везло. Обратите внимание, что на первой фотографии половина орденов русские, в том числе «Георгий» и «Владимир» с мечами. (А медали «Королевского гуманного общества» за спасение утопающих не видно, хоть имелась и такая. Герой — он и в мирное время герой.)

Грегори Пек в роли капитана

Железные гробы, а не субмарины

Капитан Кромби утопил восемь вражеских транспортов, а в ноябре пятнадцатого отправил на дно бронепалубный крейсер «Ундины» — элегантно, без лишнего зверства: почти все немецкие моряки остались живы.

К концу боевых действий на Восточном фронте Кромби командовал всей британской подводной флотилией. Когда Советская Россия капитулировала, обязавшись передать боевой флот немцам, Кромби не подчинился и взорвал свои субмарины.

Назначенный военно-морским агентом (по-современному — атташе) в красный Петроград, этот человек действия не сидел сложа руки. Он не столько занимался дипломатией, сколько готовил антисоветский переворот. С точки зрения британцев, русские большевики были предателями, изменившими союзническому долгу, и церемонничать с ними было нечего. (Ленин, конечно, совершил ужасную ошибку, сдавшись немцам за несколько месяцев до их краха. Если бы не позорный Брестский мир, вся история нашей страны сложилась бы по-другому. Но не буду отвлекаться. Я ведь пишу не про политику, а про супермена.)

Заговорщик из Кромби получился довольно неуклюжий. Он попался в сети ЧК, которая повела с англичанином сложную агентурную игру. Но 31 августа, после того как правые эсэры убили Урицкого и стреляли в Ленина, Советы решили известить всю «контру» под корень, не миндальничая.

Наплевав на дипломатический иммунитет, отряд чекистов ворвался в здание британского представительства. Пока сотрудники жгли компрометирующие документы, ка-

питан Кромби в одиночку отстреливался из двух «браунингов» — и, кажется, продержался достаточно, чтобы все бумаги сгорели.

Вообще-то в реальной жизни, в отличие от кино, если один человек затевает перестрелку с целой командой, его быстро убивают. Потому что в ответ на одну пулю летит десять или два-

Лестница, с которой скатился отважный капитан

дцать. Но Кромби метко стрелял не только торпедами. Он свалил трех чекистов, а потом был убит. Потому что жизнь — не кино и не роман.

Эх, если бы эту сцену описывал беллетрист, героический капитан обязательно уцелел бы. Ка-ак подпрыгнул бы, зацепился бы за портьеру, перемахнул на подоконник, все время продолжая палить из пистолета, да вышиб ногой стекло, да — во двор, в вихре осколков. А там, внизу, конечно, лежало бы какое-нибудь сено. Скок на забор, кувырк на улицу, и поминай как звали.

Но храброму капитану прострелили его отчаянную голову, и он упал, и его увезли в морг.

Это я всё к чему пишу?

К тому, уважаемые читатели, что я — не суровый Господь Бог, а беллетрист, и у меня супермены почему зря не погибают. Мало ли что Фандорину стреляли в голову? Разве супермены от такой ерунды погибают?

Сатурн почти не виден

К 150-летию Московского зоопарка

А-а, крокодилы-бегемоты...

Любите ли вы крокодилов и бегемотов, как люблю их я? Бегемот для меня — царь зверей; крокодил — царевич.

За бегемотами я могу наблюдать бесконечно. В следующей жизни я хочу быть таким же бесстрашным, несуетливым и равнодушным к мнению окружающих.

Хочу быть таким

Когда-то давно я прочитал, что бегемот — неоспоримое доказательство наличия чувства юмора у Господа Бога, ибо только очень большой шутник мог придумать сардельку размером почти с автомобиль «Победа», какие ездили по улицам во времена моего детства, когда я специально ходил в Московский зоопарк смотреть на бегемотов.

Их было двое: царь и царица.

Они ничего не делали, просто лежали в большой грязной луже, время от времени ненадолго приоткрывая один глаз. В этом было нечто глубоко умиротворяющее и неподдельно величественное.

Мой приятель поэт Гандлевский в детстве состоял в юннатском кружке при зоопарке и любит вспоминать, как бегемот-самец поступал с зеваками, когда их собиралось у вольера слишком много.

Он (бегемот, не Гандлевский) царственно вставал из ванны — ко всеобщему восторгу.

Поворачивался к зрителям своей толстой попой. И начинал опорожнять кишечник. Этот процесс у бегемотов происходит под высоким давлением, а хвостик у царя зверей — такая смешная лопаточка, и лопаточка эта моталась быстро-быстро, на манер вентилятора. Хватало на всех зрителей.

Я такой сцены ни разу не застал. Даже не знаю, радоваться или сокрушаться по этому поводу.

Когда Московский зоопарк попросил меня откликнуться на юбилей, я первым делом затребовал досье на кумиров моего детства.

Теперь я знаю о них гораздо больше, чем тогда. Оказывается, их звали Петер и Грета. Они жили долго и счастливо. Петер в последние годы совсем ослеп и ходил, уткнувшись носом в пышный дерьер своей супруги.

Умерли Петер с Гретой, когда я учился в институте и в зоопарк по воскресеньям давно уже не ходил. Мне стыдно, что я даже не узнал об их смерти. Спасибо им за то, что они были. Да не пересохнут никогда грязевые ванны в болотах их бегемотьего рая.

Еще у них была дочка Ракета, но ее я, увы, никогда не видел. Она росла девкой-вековухой, жениха в Москве ей взять было негде, и когда папа с мамой умерли, Ракета уехала в Казанский зоопарк, где, кажется, нашла свое женское счастье. Казанским детям повезло, а московских жалко. И нам еще будут рассказывать про «сирот казанских». Эх, что за город без бегемотов? Одна суета.

*Кормление бегемотов
в Московском зоопарке*

*Царь и царица на прогулке
в сопровождении фрейлины*

Раз в зоопарке теперь бегемотов нет, я попросил, чтобы меня отвели к крокодилам. К ним я тоже неравнодушен. Люблю их за чрезвычайную позитивность. Они все время улыбаются, слезы льют, только чтоб вывести из организма избыток соли, а пасть разевают так, словно хотят проглотить весь мир. Если в следующей инкарнации не получится обладать бегемотьим характером, согласен на крокодилий.

Один раз, в Австралии, мне довелось гладить маленького крокодила. Он оказался не склизкий и жесткий, а теплый и мягкий. Пасть у него была перетянута канцелярской ре-

зинкой. У крокодилов очень сильные мышцы, отвечающие за смыкание, а размыкательные слабые, и простой резинки вполне достаточно. Я гладил и млел, вспоминая Московский зоопарк, где когда-то любовался на улыбчивых ящеров издали, из-за решетки. Крокодилу не нравилось, что я его глажу, и он злобно шурился. Резинка натягивалась, но держалась.

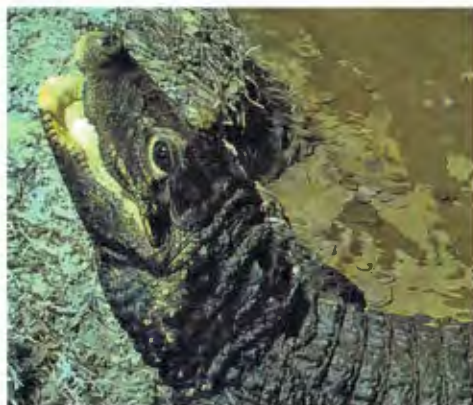
Зачем, зачем на белом свете есть безответная любовь?

В минувшее воскресенье, пользуясь блатом, я накрокоди-

лился за всё свое обездоленное детство. Меня пускали прямо внутрь зимних вольеров и давали пообщаться с зубастыми красавцами и красавицами.

Одна тупорылая крокодилица (это не оскорбление, а видовое название) была особенно хороша. Сидит такая скромная, юная, прелестная, прямо Наташа Ростова.

Сначала стесняется, на подарки даже не смотрит.

Ах, Соня, Соня, как можно спать?

Потом вдруг ЦАП! И фотоаппарат не поспел за пастью.

Но больше всего я, конечно, волновался перед встречей с легендарным Сатурном, дуайеном Московского зоопарка и звездой мирового уровня.

Это миссисипский аллигатор, который в 1936 году был переправлен из США в Берлинский зоопарк и жил там чуть ли не в личном зверинце фюрера.

Насчет личного зверинца, может, и сказки, но юность у Сатурна, вне всяких сомнений, была драматическая. От голода и бомбежек погибло почти всё население Берлинского зоопарка: из 16 тысяч зверей уцелели только 96. Прямо в террариум попала бомба, убив большинство крокодилов, а остальные бегали по соседним улицам, страшные, как белая горячка.

Сатурну повезло. Он выжил, капитулировал вместе со всем Берлином и в качестве то ли трофея, то ли военнопленного отправился в Москву. Вместе с ним конфисковали тигрового питона, которому, разумеется, дали имя Гитлер, но питон прожил недолго, а Сатурн оказался долгожителем.

Так бы вот и полетела бы!

Злые американцы готовят подростка Сатурна к отправке в неметчину. Он явно не хочет

Он совершенно обрусел, со временем женился на молодой (на тридцать лет младше), пережил и ее. Говорят, тосковал, когда она умерла. У Сатурна характер выдержанный, нордический, поэтому тоска выразилась лишь в том, что какое-то время он отказывался от пищи. Однако со старостью приходит мудрость, и Сатурн понял, что такова его карма — доживать одному. Сейчас ему за восемьдесят, но он в отличной форме. Проживет до ста, дай ему крокодильский бог здоровья.

Меня пустили к Сатурну в его личный апартамент, пообщаться.

Я хотел расспросить ветерана — и про фюрера, и про войну, и про всякое разное. Но дедушка повел себя неприступно. Зигу, правда, не кинул, но едва я переступил порог — недовольно заурчал,

Группенфюрер, к вам можно?

как пропеллер, и слегка оскалил зубы. На взятку в виде рыбины не польстился. Я очень хотел его потрогать, но мне не посоветовали. Сказали, что он неплохо относится к женщинам, особенно молодым, а мужчин не любит. Отлично его понимаю.

Зоопарк, конечно, совершенно волшебное место. Я вошел в его ворота сильно немолодым дядькой, у которого вся жизнь идет строго по ежедневнику («12.00–13.15 крокодилы; Сатурн?») — и вдруг словно попал в хронодыру. Будто мне девять лет, и у меня праздник: я в зоопарке, с крокодилами! Ни разу даже на часы не посмотрел, а ведь это мой вечный тик.

Господи, ну почему я сорок пять лет не был в зоопарке?

Не повторяйте моей ошибки.

Сатурн. Живая зубастая история

Японский бог

Японцы прежних времен очень любили воевать и погибать за Синто, Микадо и Ямато. Как говорил персонаж из моего романа «Алмазная колесница»: «Японцев хлебом не корми, только бы кто-нибудь красиво умер». Смерть на войне считалась у них самой красивой из всех. Павшие смертью храбрых удостоивались разных почетных наград, в том числе, с нашей точки зрения, странных — например, военных посмертно производили в следующий чин (то-то счастье). А наиглавнейшим героям присваивали звание **軍神** («гундзин»), что означает «бог войны».

Про одного из таких богов я и хочу вам рассказать. Я этого конкретного японского бога давно люблю и хочу, чтобы вы тоже его полюбили.

Сначала объясню, при каких обстоятельствах мы познакомились.

В семидесятые годы, когда я был студентом-стажером в японском университете, телеканал NHK позвал нас сотоварищ на кинопробы. Для сериала про войну 1904–1905 годов нужны были русские морские офицеры. Сотоварищей взяли, меня забраковали. Помню, я ужасно обиделся, потому что был уверен в своей киногоеничности. Утешил себя тем, что у меня просто слишком длинные волосы для морского офицера. И вообще японцы в европейской красоте ничего не смыслят.

Но потом оказалось, что мне здорово повезло. Моих приятелей, попавших на съемки, в бессчетном количестве дублей молотил и кидал на пол японский персонаж — какой-то туземный герой и гений дзюдо.

Так я впервые узнал о существовании капитана Такэо Хиросэ и заинтересовался им.

Кто из вас читал упомянутый выше роман, думаю, опознает в биографии капитана некоторые черты моего (и от-

Такэо Хиросэ (1868–1904)

части купринского) Рыбникова.

Хиросэ был военным моряком, талантливым дзюдоистом и, как говорят японцы, истинно «искренним человеком», а по-нашему, человеком чести.

Для нас он любопытен тем, что хорошо знал русский язык, перед войной славно пошпионил на русском Дальнем Востоке, а потом служил военно-морским агентом (по-современному атташе) в Петербурге, где обзавелся широкими светскими связями и оставил по себе самые добрые воспоминания. Кажется, он сильно полюбил Россию — как-то это в нем уживалось со шпионством и подготовкой к войне.

Когда она грянула, капитан третьего ранга Хиросэ оказался под Порт-Артуром. Погиб на первом же этапе боевых действий. Ему было тридцать пять лет.

Звание бога он заслужил вот чем.

Вызвался командовать брандером (судном, начиненным взрывчаткой), который должен был устроить диверсию на порт-артурском рейде. Вылазка оказалась неудачной — русские артиллеристы были начеку. Команде, состоявшей из добровольцев, пришлось срочно ретироваться. Они уже почти вышли из-под обстрела, когда Хиросэ заметил, что одного из людей не хватает — тот остался на брошенном, потевшем управлении брандере.

И капитан решил, что не уйдет, пока не выяснит, что с матросом.

Можно было просто какое-то время подождать, не выберется ли отставший вплавь.

Можно было послать на выручку кого-то из подчиненных.

Но Хиросэ поступил иначе. Вернулся на обреченный брандер один и трижды облазил его сверху донизу в поисках пропавшего члена экипажа. Наверняка спустился бы в трюм и в четвертый раз, но здесь японскому сорви-голове (сорри за безвкусный каламбур) оторвало голову снарядом.

Вот и вся история.

Наши подобрали тело храброго японца и предали почетному погребению.

А соотечественники произвели его в капитаны второго ранга, дали вместо четвертого дана дзюдо аж шестой и провозгласили «гундзином». Больше ста лет с тех пор прошло — помнят. Недавно еще один сериал про него сняли.

Отлично понимаю японцев. Настоящий герой и бог войны — не тот, кто накрошил кучу врагов, а тот, кто положил душу за други своя. Поэтому лично я не променяю капитана Хиросэ и на тысячу камикадзе.

А из русских «богов войны» я с детства больше всего любил Александра Матросова. И еще Якова Кульнева, первого русского генерала, павшего в войне 1812 года (прикрывая отход армии, был смертельно ранен возле пушки, что генералу вроде бы как-то и не по чину).

*Мертвый Хиросэ на палубе
русского корабля*

Отважный капитан в бронзе и на телеэкране

Еще немного про моего любимого японского бога.

Он очень серьезно относился к морской службе. Считал, что настоящий морской офицер не имеет права жениться — то есть правильно трактовал вопрос о Большом и Малом мирах: не хотел предавать ни тот, ни другой.

В Петербурге Хиросэ полюбил русскую барышню — некую Ариадну Ковалевскую. Она, кажется, тоже была к нему неравнодушна, но военный дипломат так с ней и не объяснился. Между прочим, правильно сделал. Не представляю, как столь цельный человек во время войны выкарабкивался бы из тяжелой моральной дилеммы. Наверное, сделал бы харакири. В общем, молодец, что не стал портить девушке жизнь.

Вот письмо (слева), в котором он рассказывает родственнице-японке об Ариадне-сан и говорит, что красавица с картины очень на нее похожа.

На самом деле Ариадна Анатольевна выглядела несколько иначе (слева внизу).

А справа внизу оба в недавнем телесериале, причем Ковалевскую играет изменщица Марина Александрова, некогда дебютировавшая в экранизации моего «Азazelя».

Интересно,
как сложилась ее
дальнейшая жизнь?

Странные сближенья: разбила
сердце японофилу Фандорину, потом
русофилу-самураю

Неприятный факт

Давно известно, что литература плохо рифмуется с жизнью. В романах и легендах всё логично, одно происходит из другого, там горбатого могила исправит, а от осины не родятся апельсины. Урия Гип не совершит красивого поступка, Ланселот Озерный ни при каких обстоятельствах не уронит рыцарскую честь.

В реальной жизни выходит иначе. Какое-то там всё не черное и не белое, а пятнистое.

Это я вот к чему.

Недавно, в связи с 200-летней годовщиной, много писал о войне 1812 года. Вот и мне вспомнился один маленький эпизод из недавнего прошлого, когда я довольно плотно занимался некоторыми аспектами Бородинской битвы.

Я тогда готовился писать роман «Квест», и мне нужно было изучить список французских воспачальников — командиров соединений и частей, — которые сложили голову на Бородинском поле. Как вы знаете, в сражении полегло рекордное количество наполеоновских генералов и полковников. По уставам той эпохи командир должен был показывать солдатам пример доблести и при атаке скакать впереди, а его эполеты и плюмаж становились отличной мишенью для неприятельских стрелков.

В поисках героя-удальца с подходящей для романа биографией (потом этот персонаж не понадобился) я заинтересовался шефом первого конно-егерского полка. Барон Меда был сражен картечной пулей, когда вел своих солдат в сабельную атаку. *Voilà une belle mort*, подумал я. Разыскал биографию полковника — и ахнул. Как будто встретил знакомого из далекого прошлого. Причем такого знакомого, которого когда-то сильно не любил, даже ненавидел. (Ну да, у меня очень личные

*Это павший смертью храбрых
барон Меда*

взаимоотношения с историей, я этого и не скрываю.)

Историей я увлекаюсь с детства. В пионерском возрасте (то есть за сорок лет до «Квеста») мне больше всего нравилось читать про Великую французскую революцию, а кумиром моим был Максимилиан Робеспьер. Я не виноват, такие уж были времена. Якобинцы у советских авторов считались предшественниками большевиков, а их вождь — вроде как французским Лениным. Только Робеспьер мне нравился гораздо больше Ленина, потому что был молодой, красивый, безукоризненно одетый и умер завидно, с достоинством.

Отлично помню, как я расстраивался из-за 9 термина, когда буржуазные пе-

рерожденцы воткнули нож в спину революции — устроили подлый переворот.

«Группа захвата» ворвалась в здание, где засел Робеспьер с кучкой соратников. Один якобинец, молодой Лё-Ба, застрелился. Робеспьер хотел последовать его примеру, но самый шустрый из жандармов выстрелил раньше и ранил Неподкупного в челюсть. Я был уверен, что жандарм сделал это нарочно — чтоб Робеспьер, непревзойденный оратор, не смог на суде произнести речь в свою защиту. А потом тот же мерзавец подбежал к другому якобинцу, парализованному Куто-ну, и столкнул его вместе с инвалидным креслом с лестницы.

Впоследствии мое отношение к Робеспьеру и якобинцам изменилось (если б я жил в те времена, наверное, оказался бы среди жирондистов), но тот жандарм так и остался для меня символом подлого, жестокого вертухая, человека

Видите этого гада в двухуголке?

без убеждений и чести. Еще вчера по приказу Робеспьера и Кутона он волок кого-то на эшафот, а как только ветер подул в другую сторону, накинулся на прежних хозяев с удес-терненным усердием — чтобы продемонстрировать новому начальству свою полезность.

Имя этого сляжэня я запомнил на всю жизнь, благо оно было говорящее: Мерд́а.

В общем, оказалось, что бородинский герой барон Меда и гнусный выродок Мерда — один и тот же человек. В какой-то момент своей блестящей карьеры бывший жандарм ради благозвучия добился сокращения природной фамилии на одну букву. (Это как если бы у нас кто-то избавился от буквы «Г» и сделался аристократичным «Овновым».)

Но дело не в фамилии. Меня озадачило, что боевой офицер Меда слыл одним из храбрейших кавалеристов Великой Армии и пал славной смертью.

В голове никак не совмещались два эти образа. Из литературы, на которой все мы выросли, мне было доподлинно известно: ну не может быть героем мерзавец, который из желания выслужиться стреляет великому человеку в лицо, а беспомощного инвалида сталкивает с лестницы! Может быть, 9 термидора всё было не так, как написано в книгах?

Впору вслед за Сальери усомниться: «Или это сказка тупой, бессмысленной толпы — и не был убийцею создатель Ватикана?»

Увы, всё правда. Я нашел и прочитал рапорт, написанный в 1798 году тем же Мерда-Меда, в ту пору лейтенантом. Видно, что автор документа — негодяй: разоблачает тайных врагов революции, требует повышения в чине в память о своих термидорианских заслугах (и перечисляет, каких именно).

Я прямо расстроился. И мысли черные ко мне пришли: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше!»

Вот ведь и мерзостный палач Малюта, как это нам, литераторам, ни огорчительно, тоже пал героически — при штурме ливонской крепости Вейсенштейн.

А верный соратник Орлеанской Девы, доблестный Жиль де Ре, превратился в исчадие ада.

Да мало ли в истории подобных примеров.

Я давно уже смирился с тем, что гении запросто бывают злодеями. Приходится признать и то, что герои бывают подлецами, а подлецы — героями.

Неприятно, но факт.

Жизнь и смерть веселого человека

Впервые я наткнулся на это имя, читая воспоминания Сергея Волконского (бывшего директора императорских театров) о революционных годах:

«Один случай мне рассказывали. Был в Москве приговорён к расстрелу некто Виленкин. В то время расстреливали в Петровском парке. Когда его поставили, тот, кто командовал расстрелом, вдруг узнаёт в нём своего бывшего товарища. Он подходит к нему проститься и говорит:

— Уж ты, Саша, извини их, если они не сразу тебя убьют: они сегодня в первый раз расстреливают.

— Ну, прости и ты меня, если я не сразу упаду: меня тоже сегодня в первый раз расстреливают...»

Дорогого стоит, когда человек не теряет юмора перед расстрельным взводом, подумал я тогда и наверняка забыл бы не слишком приметную фамилию, если бы по случайности вскоре не наткнулся на нее опять в мемуарах гусара Владимира Литтауэра. Тот влюбленно пишет о солдате своего полка Виленкине, «романтике и поэте», который сочинял веселые стихи и отличался невероятной храбростью — получил семь из восьми возможных наград, причем от восьмой несколько раз отказывался, чтобы не слишком выделяться. Литтауэр, сам бравый офицер, с восхищением рассказывает, как весельчак, получив рану, начал немедленно сочинять стишок про это героическое событие, или как под ураганным огнем, когда все ждали смерти, Виленкин предложил полковнику шоколадку и был послан к черту.

Тут я заинтересовался этим шутником всерьез.

Оказалось, что человек он довольно известный: его упоминают Роман Гуль, Ходасевич, Солженицын — и все самым

приятным образом. (В «Википедии», кто заинтересуется, есть отсылки на две хорошие и подробные биографические статьи.)

Нижний чин гусарского
полка

Знакомьтесь: нестандартный гусар Александр Абрамович Виленкин.

Почему нестандартный — понятно, да? Еврей, и вдруг гусар. Чудно.

С чего вдруг иудея, студента-белоподкладочника, сына купца первой гильдии, понесло в кавалеристы, совершенно непонятно. Семья была богатая, интеллигентная. Александр закончил с медалью (по тем временам большая редкость для еврея) знаменитую Царскосельскую гимназию, классным наставником у него был замечательный поэт Иннокентий Анненский. А потом, уйдя из Петербургского университета, зачем-то поступил вольноопределяющимся в Сумский гусарский полк. Вначале не знал, с какой стороны к лошади подходят, но потом освоил все кавалерийские премудрости и стал любимцем полка. Ставил смешные спектакли, однополчане распевали сочиненные им песенки. Офицерского звания не выслужил — для этого требовалось сначала кре-

питься. Виленкин был нерелигиозен, но менять вероисповедание не пожелал. Всякий человек русского воспитания, но еврейской крови оказывался тогда перед серьезным искушением: прими христианство, и все двери перед тобой откроются. Но чувство собственного достоинства мешало пойти на сделку с совестью. Уверовал — тогда да, а просто так, на холодную голову, стыдно. Старший брат Александра, крупный дипломат, повел себя точно так же: редкий случай, когда чиновник получил генеральский чин, дававший права потомственного дворянства, но дворянином так и не стал по причине «неправильной» веры.

Отслужив в кавалерии, Александр окончил юридический факультет и стал адвокатом. Участвовал во многих политических процессах, считался блестящим судебным ора-

тором. Правда, репутации серьезного юриста несколько мешали слишком живой нрав и чрезмерное увлечение модой — Виленкин слыл первым московским щеголем.

Война застала его в столице дендизма, Лондоне, где Александр вполне мог бы спокойно досидеть до конца войны, но уже через три недели он на фронте, в прежнем полку, связь с которым не терял все минувшие годы. Несколько раз был ранен, заслужил полный «георгиевский бант», но так и оставался унтер-офицером. Лишь после Февральской революции, отменившей дискриминацию, Виленкин получил первую звездочку, а к осени имел уже четыре.

Боевые награды, отсутствие какого бы то ни было заискивания перед толпой, а главное — ораторское остроумие сделали Виленкина очень популярным среди солдат. Его выбрали председателем армейского солдатского комитета (то есть на должность, стоявшую вровень с командармом). И это при том, что Виленкин был членом непопулярной на фронте кадетской партии и вообще сторонником строгой дисциплины.

После развала фронта Александр стал одним из руководителей «Союза евреев-воинов», объединявшего ветеранов иудейского происхождения. Большевики объявили, что Россия выходит из войны, и многие члены Союза уезжали, чтобы сражаться дальше в рядах английской армии.

Однако Виленкина больше волновала судьба России. Он вступил в подпольный «Союз защиты Родины и Свободы», где возглавил кавалерийский центр. В мае 1918 года, после доноса, чекисты арестовали офицеров, входивших в эту организацию. Виленкина взяли не сразу, он мог бежать, но задержался, чтобы уничтожить документы, которые могли бы выдать товарищей, и упустил время.

Сидел он в Таганской тюрьме, где сильно облегчал жизнь товарищам по несчастью: обучал их английскому, помогал выстраивать линию защиты, устраивал шахматные

*Штабс-ротмистр
Виленкин, теперь
с офицерским «Георгием»*

В Таганской тюрьме

турниры, выпускал юмористическую газету и даже затеял какое-то кабаре.

Большевики долго не решились его расстрелять — многие из них помнили, как при старом режиме он защищал их в суде. Сам Дзержинский распорядился Виленкина не трогать — но и не выпускать.

На следствии участники заговора вели себя по-разному. Многие выдавали сообщников. Виленкин не назвал ни одного имени.

Как-то раз ему объявили, что смертный приговор вынесен и завтра будет приведен в исполнение. Он написал прощальное стихотворение:

*От пуль не прятался в кустах.
Не смерть, но трусость презирая,
Я жил с улыбкой на устах
И улыбался, умирая.*

Виленкина поставили перед ямой, дали залп в воздух — оказывается, это была попытка побудить его к даче показаний. Не сработало. (Значит, в Петровском парке его все-таки расстреливали не в первый раз, опыт уже имелся.)

Чекистские цирлихи-манирлихи со следствием и прочими юридическими формальностями закончились, когда был объявлен «красный террор». Тут уж не помог и запрет Дзержинского.

5 сентября 1918 года, в первый же день массовых казней, Виленкина увезли расстреливать, теперь уже по-настоящему. Как он вел себя перед смертью, мы знаем. Это была не бравада, а всё то же ЧСД (чувство собственного до-

стоинства). В прощальном письме сестрам Александр шутить не пытается: «Тяжело умирать, когда вся жизнь не прожита, когда многое еще впереди и три года войны остались позади — но я не боюсь смерти и буду спать так же спокойно, как и каждую ночь... Моя совесть чиста, поскольку я никогда не совершал бесчестных поступков и, смотря в лицо смерти, не поддался соблазну кушнуть себе жизнь за счет других».

Те, кто читал мой роман «Аристономия», знают, что у меня большие проблемы с выбором моей стороны на Гражданской войне. Обе стороны мои — и не мои. И красные, и белые вызывают у меня сложное чувство, в котором восхищение смешивается с отвращением, и всех жалко. Поэтому история, которую я вам рассказал, не про героического борца с большевистской чумой. Это история про редкую и драгоценную вещь — легкое, ненапуганное мужество. Таких людей очень мало, они почти всегда гибнут молодыми. Без них жить на свете было бы тошнее и страшнее.

Если б я был султан. Но есть сёгун

Если б я был монархом, обладающим неограниченной властью, из меня, наверное, получился бы Собачий Сёгун.

Такое прозвище у современников и потомков получил Цунаёси, пятый сёгун династии Токугава, правивший в конце семнадцатого — начале восемнадцатого столетия.

Цунаёси родился в год собаки и всю жизнь очень любил наших блохастых четвероногих друзей. Взойдя на престол, он получил возможность развернуть свою любовь в государственном масштабе.

Задолго до того, как на Западе возникли общества защиты животных, Цунаёси издал кучу законов, получивших красивое название 生類憐みの令 — «Эдикты о сострадании ко все-

му живому». Эти указы строго-настрого запрещали лишать жизни бродячих собак, загнанных лошадей, кошек, и в дальнейшем список защищенной законом живности всё увеличивался, охватив домашнюю птицу, черепах и даже змей.

Но по-настоящему государь любил только собак, именно о них он заботился больше всего. У себя на псарне (как я ему завидую!) он содержал больше сотни псов. Повсюду создавались приюты для бездомных со-

Вот как я выглядел бы в этом случае

бак, в самом большом из них скулило и гавкало 50 000 барбосов.

Японцы в те времена питались в основном овощами и немножко рыбой (рис для низших сословий считался лакомством), но собачкам, которые отказывались кушать редьку с морковкой, подавали и мясо, три раза в день. Если пес вел себя неподобающим образом, его нельзя было ни бить, ни даже бранить, а предписывалось действовать ласками и уговорами. Запрещалось также обращаться к собакам на «ты» — только «о-ину-сама», то есть «почтенный господин пёс».

Мне хочется думать, что не случайно именно в правление Собачьего Сёгуна в стране произошел невиданный расцвет культуры — литературы, театра, изобразительного искусства и ремесел (так называемая «Эпоха Гэнроку», японский ренессанс). Что-то такое витало в воздухе, прекраснодушное и слегка безумное — идеальные условия для творческого взрыва.

И начались для японских трезоров блаженные времена

Эпоха Гэнроку: все добрые, веселые и красивые

Главный пир самурайского благородства, история 47 верных вассалов (не буду рассказывать, и так все знают), тоже приключился во времена собакофила Цунаёси.

Зануды-историки объясняют нестандартную политкорректность Цунаёси всякими скучными причинами. Он-де был младшим сыном, поэтому с детства его готовили не в воины, а в книжники, и мальчик слишком буквально воспринял буддийские наставления о равноценности всех проявлений жизни. Кроме того, со старинных времен существует легенда, согласно которой Цунаёси заботился о собаках по наущению буддийского монаха. Тот якобы сказал сёгуну, недавно потерявшему единственного сына, что это наказание за грехи прошлой инкарнации, в которой пред-Цунаёси мучил собак, и теперь, если его величество желает иметь

наследника, нужно искупить вину. Ну и, конечно, как в прежние времена, так и сегодня, находились злые люди, объяснявшие удивительную политику правителя чокнутостью.

А для меня никакой тайны в поступках Цунаёси нет. Просто собаки ему нравились больше, чем люди. Потому что собаки преданнее, благодарнее, доброжелательней и никогда никому не делают гадостей, просто чтобы сделать гадость. К тому же они существенно красивей нас. Как же их, спрашивается, не любить?

Во французском городке, куда я уезжаю писать книжки, очень много собак, причем процентов девяносто из них составляют лабрадоры. Я люблю почти всяких собак, в том числе дворян-

Цунаёси-подросток — еще при папе,
но уже с собачкой

жек, но лабрадоры, по-моему, цари природы. Я восхищаюсь их благожелательностью, приветливостью, оптимизмом, вежливостью и экзистенциальной позитивностью. Ни разу не был я облаян, обрычан или даже бесцеремонно обнюхан французским лабрадором — а в общении с людьми это случается постоянно.

Если бы люди в своем повседневном поведении брали пример с лабрадоров, мы жили бы в раю.

Дашь лабрадоризацию человечества!

И все-таки — учит нас история Собачьего Сёгуна — людей нужно любить больше, чем собак, даже если люди этого не заслуживают. Потому что если людей не любить и обращаться с ними хуже, чем с собаками, люди никогда не научатся вести себя по-лабрадорски и расплачиваться за это придется всему живому. Судьба политкорректных начинаний Цунаёси — отличная иллюстрация к теме о несовместности прекрасных намерений с прекрасными методами.

Подданные сёгуна не желали делиться с собаками пищей, которой беднякам и так не хватало; одержимые антропоцентризмом, они не хотели кланяться шавкам и моськам; негодовали на налоги, введенные в пользу братьев наших меньших, — в общем, оказалось, что идеи буддизма недостаточно широко проникли в сознание народных масс. От этого сёгун сердился и нервничал. Он боялся, что не успеет за время своей текущей инкарнации изменить человеческую природу к лучшему. А когда неограниченный правитель нервничает, он принимает меры.

Была учреждена сеть ину-мэцукэ (выражаясь по-современному, собачьих стукачей), которые доносили начальству обо

Когда-нибудь мы все будем смотреть друг на друга так, как смотрит на мир моя знакомая по имени Боба

всех случаях жестокого обращения с животными. Виновных били палками. Когда же жители одной деревни истребили стаю собак, всех крестьян казнили в назидание: для Будды жизнь животного ничуть не менее важна, чем жизнь человека.

Столичный город Эдо пропах псиной. По улицам носились стаи одичавших собак, иногда нападая на прохожих.

Убивать ушастых хулиганов воспрещалось. Максимум — арестовать без применения насилия и доставить в участок.

Родственник правителя князь Токугава Мицукун, пользуясь своим высоким положением, продолжал кромсать собак — и народ восхищался этим поганым популистом. Однажды зимой Мицукун прислал в подарок сёгуну двадцать собачьих шкур — «погреться».

Инуами — Собачий Дух, с которым лучше не связываться, он жутко мстительный

Вот он, иад Мицукун. Что за инусная собаконенавистническая рожа!

Если такое могло произойти при жизни Цунаёси, стоит ли удивляться, что сразу же после его смерти, еще до торжественного погребения, эдикты о милосердии к животным были отменены при всеобщем ликовании публики.

Что тут началось! Безответных собаченций колотили, гоняли, мучили, убивали. В общем, поднялись с колен, отвели душу. Любовь Собачьего Сёгуна вышла бедным собачкам боком.

Самое обидное, что наследник у Цунаёси так и не появился, власть перешла к племяннику, заядлому собакофобу.

Нет, самое обидное даже не это, а то, что я, обожая собак, вынужден жить сиротой. Когда-то давно, в детстве, у меня был щенок, но счастье длилось недолго. Потом обнаружилось, что у меня на собак аллергия. Когда ко мне в руки попадает псина, я не могу удержаться — начинаю ее тереть и тискать, а потом долго сморкаюсь и исхожу слезами.

Вот такая во всех отношениях грустная история.

Мечта об Украине

Прошу извинения у украинских читателей блога, которым имя Василя Вышиваного, я полагаю, хорошо известно. Но я узнал подробности этой грустной судьбы недавно, и она меня растрогала (вот самое точное слово).

Это совершенно отдельная и очень интересная тема: когда член монаршего дома воспринимает высокое рождение не как подарок судьбы, а как бремя ответственности и в новой, чрезвычайно неромантической реальности пытается соответствовать романтическому образу сказочного принца.

Я не имею в виду шоуменов с пышной родословной, которые обожают фотографироваться в орденах и лентах.

Речь о людях, которые действительно стремились сыграть важную роль в истории своей страны или челове-

Такая у них работа — терпеть, чтоб на тебя глядели

ства, не имея для того никаких кредитов кроме августейшего происхождения. Некоторым это в той или иной степени даже удавалось: испанскому Хуан-Карлосу, камбоджийскому Нородому Сиануку, болгарскому Симеону Саксен-Кобургу, шведскому Фольке Бернадоту. Но большинство прекрасных принцев 20 столетия так и не сумели совершить никаких эпохальных деяний, однако дорого заплатили за дум высокое стремление.

Вот одна из таких историй.

Гросс-адмирал австрийского флота Карл-Стефан Австрийский (1860–1933) воспринимал свое эрцгерцогство, как самурай карму, и решил воспитать сыновей полезными работниками многонациональной империи. В начале двадцатого века предполагалось, что громоздкий габсбургский конгломерат должен преобразоваться в федерацию монархий, каждую из которых возглавит принц императорской крови. Своего старшего сына гросс-адмирал прочил в польские короли. Юный Карл-Альбрехт был воспитан в любви к польской истории, культуре, языку. Любовь была не по расчету, а искренняя, что принц впоследствии доказал на деле: стал офицером польской армии, а после поражения 1939 года отказался подписать «Фолькслист» (то есть признать себя арийцем). За это был арестован гестапо и подвергнут пыткам, в результате которых остался наполовину парализованным, ослеп на один глаз, но от своего добровольного «полячества» так и не отступился.

Однако герой моего рассказа не замечательный «поляк» Карл-Альбрехт, а другой сын гросс-адмирала, Вильгельм, который стал украинцем и полюбил свою доставшуюся по разнарядке родину со столь же интенсивной немецкой обстоятельностью.

Родился Вильгельм в 1895 году, то есть к моменту распада империи он был еще совсем молод. В отличие от большинства Габсбургов не эмигрировал в какое-нибудь тихое место, а ринулся в самую гущу кровавых событий.

*Василь Вышиваний,
он же Вильгельм
фон Габсбург-Лотфинген*

Пан полковник
Габсбурженко
в украинской форме

Одно время про него говорили как про будущего «украинского короля», Вильгельм всерьез соперничал с гетманом Скоропадским. Принц участвовал в создании Западноукраинской республики, потом был полковником сечевых стрельцов, но в конце концов покинул Украину, рассорившись с петлюровским правительством.

Вильгельм до такой степени проникся украинскими интересами, что стал непримиримым врагом Польши и поляков, из-за чего даже разорвал отношения со своим старшим братом.

Одевался принц в вышиванку. Выпускал стихи на украинском языке под псевдонимом Василь Вышиваний: «О хмари, що в сторони рідні йдете» — причем под «рідной стороною» имелась в виду вовсе не Австрия.

Прекрасен рыцарь, что лежит, сраженный,
Средь тростников и камыша...
(На самом деле это «Belle Dame Sans Merci»
Ф. Коупера)

В эмиграции этот щирый Габсбург пытался участвовать в деятельности украинских политических организаций, но существенной роли в этом движении уже не играл. Его ждала грустная участь неудачника, раздавленного грузом «больших надежд»: переезды из страны в страну, тщетные попытки вернуться в политику, богемная жизнь, громкие скандалы...

Финал этой незадавшейся жизни трагичен.

В 1947 году обломок империи, тихо живший в советском секторе оккупированной Вены, был

зачем-то арестован МГБ. Что делать с несостоявшимся «украинским королем», чекисты не знали, но из своих лап, конечно, не выпустили. Придумали какую-то мутную шпионскую историю, вклеили 25 лет и посадили в киевскую тюрьму, где изнеженный поэт-эрцгерцог очень быстро умер.

Приятно, однако, что через сорок лет прокуратура Киевского военного округа реабилитировала гражданина В. Габсбурга за отсутствием состава преступления.

Как рождается идея

А имею в виду не ИДЕЮ, а штуку вполне узкую и конкретную: идею романа, идею персонажа. В основе каждого сочинения всегда есть некая соринка, которую занесло ветром автору в глаз. Автор моргает, глаз чешется и слезится. Потекла слеза, капнула на бумагу, превратилась в чернилу... Ладно, к черту метафоры. Вы поняли, о чем я.

Не уверен, что смогу вспомнить про каждую свою книжку, из какой соринки она произросла. Очень часто логически-ассоциативная связь получается такой длинной и запутанной, что восстановить ее задним числом непросто.

Вот загадка-квест для тех, кто читал мои книги. Сначала я расскажу историю, а о том, во что она трансформировалась, вы догадаетесь сами. Если, конечно, читали не-буду-подсказывать-что.

*Это он в 13 лет,
студентом*

В середине восемнадцатого века в Англии появился на свет необычный ребенок. Он еще не вполне уверенно ковылял на ножках, а уже читал в отцовском кабинете тома английской истории. В три года начал изучать латынь. В двенадцать поступил в Оксфорд, в пятнадцать его закончил.

Вундеркинда звали Джереми Бентам.

Как многие дети, которые обладают феноменальными способностями, Джереми, по-видимому, был аутистом. Всю жизнь он отличался странностями поведения, не умел поддерживать эмоциональный баланс в отношениях с окружающими, не обзавелся семьей и, кажется, не имел связей с женщинами. Единственным близким человеком странного гения был его брат Се-

мюэл, много лет проживший в России и бывший фаворитом князя Потемкина (что дало мне еще одну подсказку для книги).

Всякому делу Бентам отдавался с маниакальной одержимостью. Поэтому и успел очень многое. Он оставил много-много наследие, в котором есть труды по философии, юриспруденции, социологии; боролся за права женщин и за отмену уголовного преследования гомосексуалистов, а также долго (и тщетно) сражался с привычкой соотечественников к сквернословью.

Последним выдающимся деянием этого выдающегося человека было создание учебного заведения, которое сегодня называется Университетским колледжем Лондона. Там свято чтут память основателя и столь же свято исполняют его последнюю волю. А она была, прямо скажем, странной.

Бентам завещал препарировать его труп на публичной анатомической лекции ради пользы науки. Голову отрезать и набальзамировать. Прикрепить обратно на скелет. Изготовить чучело. И выставить в деревянном ящике, за стеклом. Этот жутковатый артефакт, именуемый «Автоикона Джереми Бентама», до сих пор можно увидеть в главном корпусе колледжа.

Голова, правда, уже не настоящая. Бальзамировать в те времена уметь плохо, поэтому сначала вывалились

стеклянные глаза (их Бентам велел изготовить еще при жизни), а однажды и вся голова оказалась лежащей у чучела на коленях — сгнила и упала. Пришлось заменить на восковую.

Дважды в истории колледжа, во время юбилейных торжеств, ящик приволакивали в зал заседаний Университетского Совета, причем в протоколе писали, что мистер Бентам «присутствовал, но не голосовал».

Бентам в расцвете лет: за всё хорошее против всего плохого

Бентам в наши дни. На любимом стуле, в любимом сютуке

Скажите, о мои читатели (у моих нечитателей прошу прощения), в какой персонаж трансформировался у меня вечно живой Джереми Бентам?

И еще один вопрос, не совсем в тему — по ассоциации.

Как вы относитесь к выставлению напоказ непогребенных останков, будь то мощи святых, мумии фараонов или кадавры вождей?

Я, например, совсем не хотел бы, чтобы Ленина закопали в могилу. Жалко — все-таки исторический артефакт. Но с Красной площади мавзолеей, конечно, перенес бы.

Вот бы создать такой Диснейленд советской эпохи — с памятниками, тематическими павильонами, музеями. Чтоб из репродукторов звучали песни типа «Один сокол — Ленин, другой сокол — Сталин» или что-нибудь про Партию.

В кинозале крутили бы нон-стоп лучшие выступления Брежнева: «Сиськимасиськи», «Широко шагает Азербайджан». И как центр всего этого великолепия — мавзолей Владимира Ильича Ленина.

Пусть туда водят школьников на исторические экскурсии, а кто из граждан тоскует по сгнувшейся коммунистической империи — милости просим поностальгировать.

Поэт-царь

Тема «Поэт и царь» нам хорошо знакома, все варианты и разновидности ее досконально изучены: Пушкин — Николай, Пастернак — Сталин, Вольтер — Екатерина, Зеркальце — Царица.

Знаем мы из истории и сюжет «Царь-поэт» (это когда его величество балуется сочинительством, как Фелица, или лицедейством, как Нерон, или музыкой, как Иван Грозный). Однажды монарх (Марк Аврелий) даже оказался философом отнюдь не дилетантского уровня. Властитель, бряцающий на лире, это интересно. Но в гораздо меньшей степени, чем поэт, который сунул лиру под мышку и взял скипетр.

Мне, пожалуй, известен всего один подобный случай: Габриэле Д'Аннунцио — полновластный диктатор «республики Фиуме».

В течение 15 месяцев Поэт был наделен неограниченной властью над большим количеством людей, принимал политические решения, устанавливал законы, провозглашал манифесты, награждал одних и карал других. Античный идеал Поэта-Правителя осуществился в неромантическом двадцатом веке.

И стало мне любопытно, как это всё происходило. И стал я про это читать книжки. И узнал много занятного.

В первой половине напомним, как разворачивались события. Про политтехнологические методики диктатора-декадента расскажу в следующей главе, а то получится слишком длинно.

Флаг поэтической
республики

Кто только не потешался над Игорем Северяниным, жеманно восклицавшим в 1915 году:

*Друзья! Но если в день убийственный
Падет последний исполин,
Тогда, ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!*

Сразу видно — поэт!

Ну действительно, смехота. Вот он, гений (в бутоньерке хризантема, в руке лилия, где пузырится шампанское), топает в белых гамашах по направлению к Берлину, а за ним, спотыкаясь и роняя меховые боа, цилиндры и веера, марширует толпа грезэрок, кокаинистов и прочих прожигателей жизни. Грозный тевтон в ужасе бросает «Большую Берту» и улепетывает.

Однако Д'Аннунцио, не менее нежный, чем Северянин, и еще более единственный, взял да и устроил именно такой перформанс в реальной жизни.

Правда, Д'Аннунцио был не только нарцисс и позёр, но еще и легендарный храбр

рец, бесчисленное количество раз дравшийся на дуэли и совершивший во время войны множество картинных подвигов. Однако это не делает поход на Фиуме менее фантастическим.

Оно, конечно: в те времена вся Европа съехала с глаз да и уже мало чему удивлялась. Континент был покрыт свежими кладбищами, дымились руины, сыпались короны, повсюду бурлили революции. Троцкий с Лениным раздували мировой пожар, миллионы людей умирали от испанки.

Женщины, воспользовавшись неразберихой, остригли волосы и стали носить платья выше щиколотки. Содом и Гоморра!

Мнения властителей дум разделились пополам: половина считала, что рождается новый мир, половина — что настал апокалипсис.

Но даже на этом живописном фоне эскапада великого и ужасного Габриэле потрясла мир. Д'Аннунцио был в высшей степени наделен талантом держать публику в саспенсе и исторгать у европейцев восторженное «ах!».

У поэта в 1919 году на повестке дня было два «проекта»: либо идти маршем на Фиуме, либо совершить беспрецедентный для того времени авиаперелет в далекую Японию. Газеты взволнованно следили за колебаниями гения — что он выберет?

Поэту пообещали, что в Фиуме его выйдут встречать поголовно всё население с пальмовыми и лавровыми ветвями — как Иерусалим встречал Спасителя. Можно ли было устоять?

Что такое по сравнению с этим триумфом обожания какой-то полет в Японию? Участь Икара красиво смотрится только в легенде, а на практике свалиться в воду где-нибудь в пустынном уголке океана не очень-то приятно.

Зато на миру и смерть красна. В общем, Д'Аннунцио выбрал Фиуме.

Не стану расходовать читательское внимание на описание истоков итало-югославского территориального конфликта. Если совсем коротко: город, большинство населения которого составляли итальянцы, оказался в югославском владении, и патриотам Италии это не понравилось. Для нас сейчас важен не исторический фон перформанса, но артистизм исполнения.

Д'Аннунцио осуществил римейк эпической драмы «Триумфальное возвращение Наполеона с острова Эльба». Он возглавил колонну пламенных энтузиастов (так называемые *arditi*, «страстные») и повел ее маршем на Фиуме. По пути войско всё время разрасталось. Правительственные войска, пытавшиеся остановить нарушителей порядка, не смогли устоять перед красноречием Д'Аннунцио и либо расступились, либо присоединились к маршу. Разумеется, поэт под-

Фиуме встречает поэта-лауреата

ставлял под ружья покрытую орденами грудь и призывал стрелять в нее. Разумеется, никто не стрелял, а все аплодировали.

В общем, в сентябре 1919 года Поэт без единого выстрела вступил в рукоплещущий город во главе трехтысячного

войска и объявил Фиуме итальянской провинцией, а когда Италия от такого подарка в ужасе отказалась (авантюра Д'Аннунцио дискредитировала правительство перед всей Европой), триумфатор провозгласил республику независимой и правил бал аж до декабря 1920-го, пока, наконец, не вернулся лесник и не вышиб всю эту экзальтированную шантрапу из Фиуме.

Это было, конечно, не бог весть какого размера государство, но все-таки важный порт с сопредельной

Герой и массовка

территорией. Свое правительство, бюджет, армия и флот, законы — всё как положено.

Сорокатысячное население будто сорвалось с катушек и больше года добровольно участвовало в самом тотальном и самом продолжительном хэппенинге новейшей истории. Вудстоку такое и не снилось.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
БЮДЕТЪ

Весь мир – театр

Не зря Д'Аннунцио считался одним из самых знаменитых драматургов эпохи. В его царстве всё было зрелищно. Целый город превратился в постоянно действующий театр. Главную роль Поэт, конечно, оставил за собой. Каждый божий день (верней, каждую ночь, потому что в ночной тиши голос далеко слышен) он произносил пламенные речи с балкона своего дворца. Поразительно, как оратору удавалось в течение долгих месяцев не надоест своей аудитории — однако не надоел. Не будет преувеличением сказать, что жители Фиуме подсели на красноречие Д'Аннунцио, как на наркотик. Им хотелось еще и еще. Они восторгались и рыдали, хохотали и потрясали кулаками. Это ли не элизиум, о котором мечтают поэты?

Возвышенность речений диктатора была заражительна. Вскоре весь Фиуме изъяснялся его высокопарным стилем. Один анархист из числа граждан вольной республики потом со смехом вспоминал, что однажды в обычном разговоре вместо «четыре месяца» сказал «сто двадцать дней и сто двадцать ночей» — и только тогда понял, насколько он «аннунцировался».

Когда фиуманцы не внимали любимому герою, они сами становились актерами. Днем маршировали с флагами и цветами, ночью — с факелами. Запускали фейерверки, пели хором, танцевали. Специально приехавший Тосканини устроил для горожан грандиозный концерт. Маринетти и другие футуристы читали на площадях свои стихи (впрочем, эту публику Д'Аннунцио вскоре отправил восвояси — зачем Поэту конкуренты?)

Денег было много. Д'Аннунцио решал финансовые проблемы очень просто: его корабли нападали на грузовые пароходы и потом возвращали их за выкуп. Всякого другого

морского шалуна обвинили бы в пиратстве — а тут поэт, большой ребенок, что с него возьмешь? За один только сухогруз «Конье», транспортировавший автомобили и дорогие товары, дуче получил 12 миллионов.

Да-да, это Д'Аннунцио впервые нарек себя титулом «дуче», а Муссолини впоследствии собезьянничал. У фашистов с креативностью дела обстоят так себе, поэтому Муссолини вообще многое позаимствовал у нашего поэта: и знаменитые факельные шествия, и судьбоносный поход на Рим «второй дуче» сплагиил.

Еще одно слово, знакомое нам совсем в другом значении, — Холокост. Д'Аннунцио называл свое княжество Городом Холокоста, но не в освенцимском, а в декадентском смысле. Мол, из Фиуме на прогнанный Запад хлынет всеочищающий апокалиптический огонь.

В сущности, адриатический спектакль 1919–1920 годов был потешной репетицией грядущих весьма непотешных событий.

Ах, как хорошо правилось Поэту в его праздничном государстве, откуда были изгнаны будни! В каждом доме — добровольно, не по принуждению — на почетном месте красовался портрет или бюст Великого Человека. Мужчины брились наголо, началась повальная мода на плевальность.

Поэт-диктатор произносит речь

Выпустить почтовую марку — это важно

Суд Поэт вершил не по законам, которых не существовало, а по собственному «инстинкту справедливости». Был милосерден и снисходителен. Смертных приговоров в Фиуме не выносили, высшей мерой считалось изгнание за пределы республики.

Изгнанники покидали рай стенов и плача, зато прибывали все новые и новые граждане, в основном молодые. Слух о сказочном княжестве разнесся широко.

Здесь всё время выпивали и закусывали, свободно продавался кокаин, царила неслыханная свобода нравов — непрекращающаяся пятнадцатимесячная собачья свадьба. На воде по ночам покачивались лодки с разноцветными фонариками, тротуары благоухали одеколоном. И все нарядные, в романтических развевающихся плащах, в белоснежных шарфах и с неперменным римским кинжалом на поясе. Серенады, дуэли, смех и песни.

Когда читаешь про жизнь города Фиуме при диктаторе Д'Аннунцио, начинаешь сентиментально думать: а может, пускай на земле правят поэты? Люди они, конечно, несерьезные, но ведь не хуже умников, которые строят концлагеря и затевают войны?

Эффективная политехнология: никого не карать, всех награждать

Увы, каникулы вечно продолжаться не могут. Непозэтичному итальянскому правительству надоел этот бардак, и однажды приплыл большой дредноут и пальнул по дворцу поэта настоящим снарядом. Д'Аннунцио, тучка золотая, обиделся и уехал. «Утром в путь она умчалась рано, по лазури весело играя», а город Фиуме вернулся к своей скучной провинциальной жизни.

Из князей в грязи { и обратно }

«**А**ристократ в революции обаятелен», — сказал Петруша Верховенский. И он, конечно, прав. Краси-

во, когда баловень рождения встает на сторону униженных и обездоленных. Происходило такое не столь уж редко. Перечень революционеров-аристократов от маркиза Лафайе-

та до принца Нородома Сианука довольно длинен. Военный путч 14 декабря 1825 года (который в случае победы несомненно привел бы к жесткой диктатуре) так мощно романтизирован потомками главным образом из-за нашего умиления перед титулами и гербами.

Гораздо более редкое явление — аристократ в уголовном мире. Не в отдаленно-историческом диапазоне, конечно (большинство графов и князей являются потомками удачливых средневековых разбойников), а в новейшей истории. Насколько удастся сохранить обаяние аристократу, когда он становится рыцарем кастета и фомки, вот в чем вопрос.

Барон из пьесы «На дне» ни капельки не обаятелен, но он не уголовник, а просто слабый человек, неудачник. И вообще литературный персонаж.

Я вам приведу случай не из литературы, а из реальной жизни — на мой взгляд, он отлично раскрывает природу истинного аристократизма.

Опустившийся аристократ (В. Качалов в роли Барона)

Аристократизм часто путают с интеллигентностью, хотя качества эти во многом противоположны. Настоящий аристократизм — не учтивость и безупречные манеры, а повышенная выживаемость, умение не пропасть в любой ситуации, приспособиться к ней и вопреки всему снова вскарабкаться наверх. Это как бойцовские качества у бультерьера, закрепленные генетикой. Там, где интеллигент сгинет (причем одним из первых), аристократ выживет. Но моя история — из разряда не трагедий, а скорей плутовских романов.

Гаэтан Лербон барон де Люссац был отпрыском одной из самых знатных и почтенных южнофранцузских фамилий. После смерти отца (тот и вовсе был маркиз) семейство разорилось, мальчик отбил от рук, очень рано попал в дурную компанию и уже в девятилетнем возрасте начал бродяжничать — одним словом, наш барон, подобно горьковскому, оказался на самом дне общества.

В 13 лет он — юнга на торговом корабле, потом мальчишка-официант в лондонском кафе, где водит дружбу с сутенерами, мошенниками и ворами. Оказавшись в Париже, трудный подросток угодил из одной грязи в другую и быстро попал в тюрьму.

Оттуда, из самого подвала социальной пирамиды, он начинает медленно и настойно карабкаться по черной лестнице обратно, в бельэтаж.

Гаэтан «Барон» (уже не титул, а кликуха) вращается в самых мутных кругах парижского криминалитета. В ту пору, после Первой мировой, «конкретные пацаны» активно

Парижский уловник начала века

Солидное заведение на пляс Пигаль

осваивали Монмартр с его ночными кабаками, борделями и букмейкерскими конторами. Приятные манеры, острый ум в сочетании с умением постоять за себя (однажды во время

карточной ссоры де Люссац пристрелил обидчика), а в особенности крепкие связи со средиземноморской мафией помогли «Барону» сделать быструю карьеру в классово чуждой среде. В двадцатые годы он уже владеет двумя ресторанами на пляс Пигаль, причем один из них, «Гран-дюк», являлся, как сказали бы теперь, эксклюзивным клубом для солидных господ, куда навевались и видные политики.

О дальновидности де Люссаца свидетельствует то, что он рано завел доверительные отношения с секретной полицией — не в качестве стукача (это как раз было бы недальновидно и

У барона маленькие неприятности, но светский человек всегда улыбается

даже опасно), а в качестве «эксперта по безопасности». Во время пребывания в Париже важных иностранцев, в том числе августейших особ, «Барон», то есть уже опять просто барон, следил, чтобы с гостями, когда они посещают сомнительные заведения, не произошло никаких неприятностей.

Во время шумного скандала из-за смерти афериста Ставиского в 1934 году (дело знаменитое, не буду пересказывать) наш аристократ, до этого широко известный в узких кругах, вдруг стал знаменитостью. Его арестовали вместе с еще двумя боссами марсельского преступного мира.

Однако де Люссац просидел в тюрьме недолго и как-то отбоярился. Французский климат, правда, стал для него жарковат. Тут-то и пригодились титул, происхождение и дальновидность. Еще в 1928 году барон оказал некие деликатные услуги правящему дому Монако и незадолго до начала Второй мировой переселился в Монте-Карло, где создал процветающую и совершенно легальную империю игровых автоматов. Умер он богачом, почтенным членом общества, и ныне де Люссацы считаются одним из первых семейств Лазурного Берега.

Хэппи-энд.

Самый страшный злодей

Встал я тут искать ответ на вопрос: какой преступник всего страшнее? В смысле, какого пола и возраста.

Страшнее тот убийца, кто застаёт жертву (и читателя) врасплох. Это должен быть некто, от кого никак не ждешь агрессии.

Понятно, что мужчина в расцвете лет исключается — это самая опасная из разновидностей человека.

Женщины молодого или среднего возраста тоже не годятся, таких персонажей пруд пруди, имя им Миледи, Никитá и агент Черная Мамба.

Вот как должна выглядеть идеальная убийца

Неплохой вариант ребенок-убийца, но этот ход тоже уже неоригинален, и к тому же он какой-то несимпатичный.

Старичок-зубами-щелк? Но история человечества и тем более литература очень густо заселены злобными и жестокими старикашками, от колдуна Черномора до доктора Лектера.

Так методом исключения я пришел к выводу, что самый неожиданный, а стало быть, самый страшный тип злодея — бабуся божий одуванчик. Не волк, переодевшийся бабушкой, а самая на-

стоящая старушка. Вяжет себе варежку, сверкает очочками, на плите булькает варенье, у ног дремлет кот. «Подойди-ка, — говорит, — внученька, я тебе пряник дам». Внучка подходит, а старуха р-раз — и спицей в глаз.

Страшно.

Бабушка-убийца вызывает жуть, потому что вытягивает из подсознания воспоминание о детских страхах, о том времени, когда в жизни маленького ребенка женщины играют куда более важную роль, чем мужчины. Не случайно в фольклоре для детей столько всяких ведьм и колдуний. Никого я так не боялся, как Бабу Ягу Костяную Ногу — никаких Индейцев Джо и Кашеев Бессмертных.

Вот я вам сейчас расскажу про одну бабушку, жившую около двухсот лет назад в лесах на берегу Соммы.

Стало быть, осень 1816 года. Вечер. По тропинке идет добрый и веселый человек, хозяин деревенской гостиницы, насвистывает. Видит старую жалкую нищенку, скрючившуюся от холода. Та просит милостыню, и мужчина достает кошель, ему жалко бедолагу. При виде кошелька бабушка прыгает на прохожего и точным ударом ножа рассекает ему горло.

Это первое убийство, совершенное Прюданс Пезе по прозвищу Волчица. Она наводила ужас на всю округу в течение четырех лет. В одном лишь 1819 году в сантеррских лесах нашли девятнадцать трупов с перерезанным горлом.

У Волчицы было несколько подручных, ее правой рукой был гигантского роста и фантастической силы дебил по имени Фермен Капелье. Шайку прозвали «Сантеррскими поджаривателями», потому что во время ограбления, допыты-

Видок в лучшие годы своей карьеры

ваясь, где в доме спрятаны ценности, преступники жгли своим жертвам ноги раскаленными углями.

В общем, это были довольно обыкновенные ублюдки, которых хватало во все времена. Необычно лишь то, что предводительствовала у них глубокая (по меркам той эпохи) 72-летняя старуха, которую они беспрекословно слушались и которая владела ножом как хирург скальпелем.

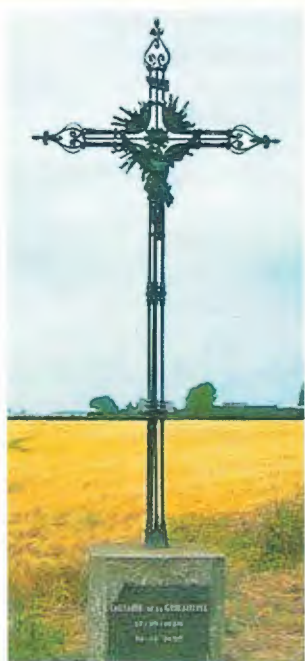
В конце концов на борьбу с бандой Волчицы призвали из Парижа великого Видока, самого известного сыщика эпохи. Тот сумел внедриться в шайку, и злодеев взяли прямо на месте очередного преступления.

Наша старушка получила удар штыком в живот, но сумела убежать, держа вывалившиеся внутренности в ладонях. Взяли ее на следующий день, в относительно неплохом состоянии здоровья. Во всяком случае, до суда и эшафота Волчица дожила.

Ее и сообщников казнили публично, на перекрестке двух дорог. Волчица отказалась от священника, а в качестве последнего приветства человечеству на глазах у всех справила нужду. Прощальные слова этой классической социопатки были: «Вам достанется моя башка, но не хвост».

И ведьма знала, что говорила. В том же самом уголке Пикардии 37 лет спустя (в год смерти Видока!) снова появилась шайка «поджаривателей», и казнили их на том же самом месте — вот здесь (см. снимок).

Как только я почитал в разных источниках про эту бабушку, сразу понял: она мне пригодится. Вот уж скоро выпущу ее (ну, не саму Волчицу, а очередной ее «хвост») попутать со страниц книжки маленьких детей...

Перекресток называется
«Гильотина»

Pro Dostoyevsky

Господи, какая же мерзость смертная казнь. В тысячу раз хуже любого, самого зверского убийства.

И какое счастье, что у нас в России этой гадости нет.

Прежде чем я расскажу вам то, что собираюсь рассказать, спрошу: вы помните историю Ришара из «Братьев Карамазовых»?

Если не помните — вот она, с небольшими сокращениями:

«...В Женеве, очень недавно, всего лет пять тому, казнили одного злодея и убийцу, Ришара, двадцатитрехлетнего, кажется, малого, раскаявшегося и обратившегося к христианской вере перед самым эшафотом...

Его схватили, судили и присудили к смерти. Там ведь не сентиментальничают. И вот в тюрьме его немедленно окружают пасторы и члены разных Христовых братств, благотворительные дамы и проч. Научили они его в тюрьме читать и писать, стали толковать ему Евангелие, усовещевали, убеждали, напирали, пилили, давили, и вот он сам торжественно сознается наконец в своем преступлении. Он обратился, он написал сам суду, что он изверг и что наконец-таки он удостоился того, что и его озафил Господь и послал ему благодать. Все взволновалось в Женеве, вся благотворительная и благочестивая Женевка. Все, что было высшего и благовоспитанного, ринулось к нему в тюрьму; Ришара целуют, обнимают: «ты брат наш, на тебя сошла благодать!»

...И вот наступает последний день. Расслабленный Ришар плачет и твердит и девает, что повторяет ежеминутно: «Это лучший из дней моих, я иду к господу!» — «Да», кричат пасторы, судьи и благотворительные дамы, «это счастливейший день твой, ибо ты идешь к Господу!» Все это движется к эшафоту вслед за позорною колесницей, в которой везут Ришара, в экипажах, пешком. Вот достигли эшафота: «умри, брат наш», кричат Ришару,

«умри во Господе, ибо и на тебя сошла благодать!» И вот покрытого поцелуями братьев, брата Ришара втащили на эшафот, положили на гильотину и оттяпали-таки ему по-братски голову за то, что и на него сошла благодать».

А теперь — не литературная, а подлинная драма. Она произошла не так давно, притом в самом что ни есть правовом государстве — Соединенных Штатах.

Жила-была на свете отвратительная злодейка, хуже не придумаешь.

Полюбуйтесь, Велма Барфилд, 1932 года рождения.

Эта милая американская тетенька начала криминальную карьеру с того, что сожгла свой дом, а в нем пьяньегого мужа — чтобы получить страховку.

Второго мужа отравила — с той же целью.

Потом отравила собственную мамашу.

Всё это сошло ей с рук, осталось шито-крыто.

Тогда Велма превратила убийство в приработок. Она нанималась сиделкой к старым людям, подделывала их подпись на чеках, а когда возникал риск разоблачения — отправляла подопечных на тот свет.

В 1977 году она отравила 94-летнего Монтгомери Эдвардса и его 84-летнюю жену Долли. Три месяца спустя — 77-летнего Джона-Генри Ли. Потом своего бойфренда Роуланда Тейлора, который, как ей показалось, начал что-то подозревать.

Полицейских навела на преступницу собственная сестра (и этим, вероятно, спасла себе жизнь).

Следствие эксгумировало трупы. Обнаружились следы мышьяка.

Судебный процесс был эмоциональным. Убийца вела себя цинично — язвила, огрызалась, не проявляла ни малей-

шего раскаяния. Особенное возмущение у всех вызывали два обстоятельства: хладнокровное умерщвление людей, которые полностью доверяли Велме, и ее облик «божьего одуванчика». Она выросла в глубоко религиозной семье, беспрестанно поминала Всевышнего, истово молилась в церкви. В общем — классический персонаж из не слишком креативного голливудского триллера.

Присяжные заседали всего час и не нашли никаких смягчающих обстоятельств; суд с удовольствием приговорил гадину к высшей мере.

А дальше случилось по Достоевскому.

Представьте себе, в тюрьме с Велмой Барфилд произошла метаморфоза — ведь в США, как известно, исполнение приговора растягивается на долгие годы. Раньше Велма только изображала богомольную христианку, а теперь уверовала по-настоящему. Она ухаживала за больными заключенными, использовала каждый оставшийся день жизни, чтобы кому-то помочь. Так продолжалось шесть лет.

Сам Билли Грэм, старейший и авторитетнейший из американских проповедников, возносил хвалы узнице блока смертников. В стране началось общественное движение за отмену казни. Многие были уверены, что Велма именно с этой целью и затеяла весь спектакль с «преображением». Но разоблачители заткнулись, когда она запретила своим адвокатам подавать апелляцию в Верховный Суд. Велма Барфилд действительно преобразилась. На нее, по ехидному выражению Ивана Карамазова, «сошла благодать».

Перед самой казнью ей все-таки стало страшно, она подала губернатору штата прошение о помиловании. Но у губернатора на носу были выборы в Сенат, а большинство избирателей, как известно, относятся к «высшей мере» одобрительно. Губернатор помилования не дал (но выборы потом все равно продул).

2 ноября 1984 года Велму умертвили летальной инъекцией. Не ту сюсюкающую тварь, которая хладнокровно убивала людей, а женщину, которую вы видите на этом снимке.

Вот в такой комнате ее очень цивилизованно, с соблюдением всех формальностей, убили.

Перед смертью дали погрызть чипсов и попить кока-колы. И вообще очень жалели.

Короче, ура. Справедливость восторжествовала.

Собиранье вееров

Кто про что, а я всё про два мира, Большой и Малый. Захотелось рассказать про одного человека.

Некоторые исследователи считают, что он определил судьбы мировой истории. Во всяком случае, этот человек совершил несколько Больших Поступков — в историческом и в человеческом смысле. Но основную часть жизни он провел в мире очень маленьком, занятый такими же маленькими делами.

Я заинтересовался этим удивительным китайцем, когда вместе с эфемерной Анной Борисовой готовился писать книжку про русскую Маньчжурию. В роман персонаж не поместился, он был слишком масштабный, поэтому поминается там вскользь. Но я знал, что обязательно к нему вернуться.

Сначала, очень коротко, обрисую фон событий.

Китай. Первая треть XX века. Империя богдыханов рухнула, рассыпалась на куски. У каждого куска — свой отдельный богдыханчик.

Весь северо-восточный угол Поднебесной достался сильному человеку по имени Чжан Цзолинь. Кличка — «Мукденский тигр».

Бывший хунхуз (то есть, попросту говоря, бандит), он перешел на службу в императорскую армию, сделал там большую карьеру, а когда начался хаос, быстро пошел вверх. На время даже захватил Пекин,

Маршал Чжан Цзолинь
(1875–1928)

Ехал-ехал, да и взорвался

но не удержался там и отступил обратно на северо-восток. Зато уж Маньчжурию держал крепко, в ежовых рукавицах. В общем, обыкновенный военный диктатор, в истории таких полным-полно.

В июне 1928 года маршал Чжан Цзолинь погиб в результате диверсии, устроенной на железной дороге.

Легко стать маршалом к двадцати шести годам, если уже в раннем детстве носишь золотые эполеты

До сих пор спорят, кто его убрал: то ли советские спецслужбы, то ли японские. Диктатор со всеми не ладил, всем надоел, а район был сверхважный, стратегический — ключ к контролю над Китаем.

Вероятнее все-таки, что теракт устроили японцы. Они надеялись стать главными благополучателями от смены власти в Маньчжурии. Их расчеты связывались с юным наследником диктатора Чжан Сюэлянем. (В китайской истории его обычно называют «Молодым Маршалом», в отличие от его родителя — «Старого Маршала».)

Наследник вырос таким, каким и следовало ожидать: прожигатель жизни, плейбой, игрок в покер, коллекционер спортивных автомобилей, завсегдатай дансингов, да еще и морфинист.

В общем, никаких проблем от Молодого Маршала японцы не ожидали. В это время они, следуя тому же ноу-хау, обхаживали другого юного разгильдяя, бывшего императора Пу И, — готовились сделать его своей коронованной куклой.

Но Чжан Сюэлянь японцев неприятно удивил. Он был бабником и наркоманом, но отнюдь не слабаком. Стратегам Квантунской армии сле-

довало бы обратить внимание на увлечение юноши авиацией — в двадцатые годы трупы на самолетах не летали.

Оказавшись во главе государства и армии, Чжан Сюэлян показал себя человеком, способным на решительные поступки.

Прежде всего он избавился от наркозависимости. Это ладно, дело личное. Но вслед за тем Молодой Маршал совершил свой Первый Поступок. Он разорвал отношения с Токио, для чего ему пришлось пристрелить пару близких советников, японских агентов. Чжан Сюэлян объявил, что его главная цель — сильный и независимый Китай.

Можно было бы предположить, что это честолюбец, который прокладывает себе дорогу к верховной власти, однако здесь он совершил свой Второй Поступок: добровольно отказался от претензий на лидерство, чтобы не дробить патриотические силы. В последующие годы Молодой Маршал оставался на вторых ролях, в тени Чан Кайши, не претендуя на большее. Так продолжалось до тех пор, пока непримиримая враждебность генералиссимуса по отношению к коммунистам не превратилась для Китая в главную причину военных неудач. Японцы успешно пользовались раздором в стане врага: разделяли и властвовали.

Тогда Молодой Маршал совершил свой Третий Поступок, самый главный. Он арестовал шефа, к которому относился с сыновней почтительностью, и заставил генералиссимуса помириться с коммунистами. Это событие, произошедшее 12 декабря 1936 года, вошло в историю под названием «Сианьский инцидент». В результате недолговечного союза между Мао Цзедунем и Чан Кайши китайские коммунисты получили передышку и избежали разгрома. Со временем они настолько усилились, что сумели покорить весь Китай. Таким образом, нынешняя мировая геополитическая ситуация, а также предвещаемый всеми грядущий Век Китая — отчасти дело рук Молодого Маршала. (Неудивительно, что в современной КНР Чжан Сюэлян считается национальным героем.)

Однако поразительнее всего Четвертый Поступок Чжан Сюэляна. В историческом смысле этот шаг большого значе-

Выглядел он, несмотря на орден, весьма несолидно

ния не имел, но в смысле человеческом его переоценить трудно.

Добившись от генералиссимуса согласия на союз с красными, Молодой Маршал не стал держать Чан Кайши заложником (чего добивались коммунисты), а отпустил на свободу. Более того — добровольно ему сдался, не прося снисхождения. Предательство, даже совершенное во имя высшей цели, не заслуживает прощения — таков был смысл этого жеста.

К сожалению, Чан Кайши оказался менее великодушен. Он не расстрелял изменника (тот был слишком популярен), но и не помиловал. Чжан Сюэяня поместили под арест навсегда. Пока Чан Кайши оставался в Китае, маршала содержали на континенте. Потом увезли на Тайвань и продолжали мариновать там. В 1975 году непрощающий Чан умер, но пленника и тогда не амнистировали.

Раньше я полагал, что рекордсменом среди политзаключенных является Рудольф Гесс, просидевший за решеткой с 1941 до 1987 года. Но ему далеко до Чжан Сюэяня. Того держали под стражей 55 лет. Лишь в 1991 году узника отпустили на все четыре стороны. И он потом прожил еще десять лет, скончавшись столетним. В некрологе тайваньской «Тайпей ньюс» написали: «Это был хороший человек, но наивный политик».

Хотел бы я знать, что происходит с обитателем Большого Мира, когда его вынуждают переселиться в Малый Мир? Понимаете, когда масштабного человека, вроде Манделы или Ходорковского, сажают в настоящую тюрьму, с решетками, вертухаями, штрафными изоляторами, его мир все равно продолжает оставаться Большим, потому что заключенный противостоит Злу, он борется.

С Молодым Маршалом поступили иначе. Его кара выглядит изощренной китайской казнью.

Узник жил в комфортабельных условиях, с любимой женщиной. Иногда к нему даже пускали гостей. Он мог читать книги. Совершенствовал искусство каллиграфии. Собрал внушительную коллекцию вееров. И так далее, и так далее — на протяжении пятидесяти пяти лет.

Эта подневольная идиллия кажется мне ужасной.

Как у Шварца: «Живут же другие — и ничего! Подумаешь — медведь... Не хорек все-таки... Мы бы его причесывали, приручали. Он бы нам бы иногда плясал бы...»

В 35 лет обрезали крылья, посадили в золотую клетку, кормили отборным зерном. Выпустили девяностолетним обладателем коллекции вееров.

Хотя черт знает. На фотографии справа Чжан Сюэлянь выглядит вполне счастливым.

Я вот думаю: а может, не нужно его жалеть? Что если, насильно лишенный бремени Большого Мира, он испытал облегчение и жил себе со спокойной совестью: сколько сумел, столько и сделал, почему бы спокойно не насладиться тихими радостями Малого Мира?

Очень старый Молодой Маршал с женой. Их любовь длилась больше 70 лет. Она умерла в 2000, он — в 2001 году

Феноменальный доктор Барри

Граф де Лас-Касас, наполеоновский секретарь на острове Святой Елены, в записи от 20 января 1817 года сообщает, что к его заболевшему сыну приходил «медицинский джентльмен»: «...мальчик лет восемнадцати, видом, манерами и голосом похожий на женщину. Про этого доктора Барри мне сказали, что он невероятный феномен. Якобы он получил диплом в тринадцать лет, после строжайших экзаменов, и в Кейптауне прославился как превосходный лекарь».

*Вот так Барри выглядел
в те годы*

Если бы Лас-Касас знал истинную историю Джеймса Барри, он поразился бы не возрасту юного эскулапа (которому на самом деле было не восемнадцать, а двадцать восемь — десять лет доктор себе убавил, чтобы отсутствие растительности на лице не выглядело странным), а иному обстоятельству, по тем временам совершенно фантастическому. Военный врач Джеймс

Барри на самом деле был женщиной и родился, то есть родился с именем Маргарет-Энн.

Биографию этой поразительной леди, то есть джентльмена, то есть все-таки леди, я внимательно проштудировал, когда готовился писать уже поминавшийся роман «Сокол и ласточка». Меня тогда интересовали подлинные истории женщин, которые долгое время успешно выдавали себя за мужчин. Маргарет-Энн делала это на протяжении пятидесяти шести лет и сохранила тайну до самого конца. Настоящий пол доктора Бар-

ри был раскрыт лишь после смерти. Во избежание скандала военное ведомство засекретило ужасный факт на сто лет — ведь Барри был не просто врачом, а генерал-инспектором госпиталей, то есть главным начальником всей военной медицины.

Примечательны мотивы, по которым ирландская девушка из приличной семьи пустилась в эту пожизненную авантюру. Ничего романтического или альтруистического там не было — мол, мечтаю лечить людей, а женщине в медицину дорога закрыта. Просто семья разорилась, девушка осталась бесприданницей, надо было приискать способ добывать хлеб насущный, а врачи зарабатывали намного больше, чем гувернантки или компаньонки.

Составился маленький заговор, в котором участвовали мать Маргарет (она несомненно тоже была незаурядной личностью) и один стряпчий, подделавший документы.

В 1809 году двадцатилетняя барышня уехала из Лондона и через несколько дней прибыла в Эдинбург уже юношей. Поступила на медицинский факультет, с отличием его закончила, защитила диплом — что-то такое про грыжу и столь блистательное, что работа даже была опубликована.

Я долго не мог понять, почему Маргарет решила пойти в армию. Может быть, просто открылась вакансия (шла война с французами)? Но «Джеймс Барри» и после окончания боев осталась на военной службе. Думаю, она решила уйти из мира женщин в мир мужчин окончательно и бесповоротно. Чтоб ни о чем не сожалеть и не оглядываться назад. Всё, с этого места буду называть доктора «он».

Доктор Барри служил в разных экзотических местах — в Африке, Вест-Индии, Греции, Канаде. Был превосход-

Талантливый доктор

ным специалистом, реформатором госпитального дела и поэтому сделал большую карьеру. Например, в Кейптауне, едва приехав, вылечил дочку губернатора лорда Сомерсета и был немедленно назначен главным медицинским инспектором колонии. Тогда же чудо-врач сделал первую на континенте операцию по кесареву сечению, причем и мать, и младенец выжили.

Всего через восемнадцать лет после начала военной службы Барри занял высшую медицинскую должность в британской армии. Он считал ключевым аспектом лечения строгую гигиену, качественное питание и хороший уход (революционная идея по тогдашним временам). Во время Крымской войны Барри устроил страшный разнос знаменитой Флоренс Найтингейл за то, что из-за скверных условий раненные у нее в госпитале мерли как мухи. Найтингейл была страшно фраппирована таким *ungentlemanly behavior*, хоть впоследствии и признала, что после исполнения требований начальника смертность резко сократилась. И лишь век спустя «неджентльменство» генерал-инспектора раскрылось в новом свете: первая женщина-врач учила профессии первую медсестру.

Надо сказать, что характер у Джеймса Барри был отвратительный. Доктор хорошо обращался только с больными, а здоровым, в том числе начальникам, дерзил и грубил. Ужасно оскорблялся, если кому-то из офицеров его голос или лицо казались бабьими. Неоднократно дрался из-за этого на дуэли (хорошо стрелял и фехтовал).

Однажды, со всеми рассорившись, самовольно покинул место службы в колониях и вернулся в Лондон, а когда в министерстве пригрозили судом, заявил, что приехал подстричься.

За один из подобных фокусов Барри был разжалован из генерал-инспекторов в штаб-лекари (это примерно как из генерал-полковника в полковника), но службы не оставил и, что уж совсем удивительно, вскарабкался по карьерной лестнице на самую верхнюю ступеньку во второй раз.

Раздражительного и эксцентричного доктора во всех странствиях сопровождали чернокожий слуга Джон и собака. Собаки, естественно, сменялись, но звали их одинаково: *Psyche*.

Я пытаюсь себе представить внутренний мир этой уникальной женщины.

Ничего кроме работы. Абсолютное одиночество. Постоянный страх разоблачения, которое станет крахом всей жизни. Может, хоть верный Джон ее чем-то личным порадовал? Ой, вряд ли — не тот у бывшей Маргарет психотип. Но слуга наверняка был посвящен в тайну. Потому и не разлучался с хозяином.

Разоблачение произошло, когда Джеймсу Барри было уже все равно. Похоронили его с почестями, чтоб упаси боже не подтвердить нехорошие слухи, а они возникли, и многие, конечно, заявили, что они давным-давно подозревали... Но официально ничего такого признано не было. На могильном камне высекали честь по чести:

Вообще-то следовало бы первой женщине-доктору, да еще светилу медицины, поставить большой-пребольшой памятник.

Слева направо: Psyche, доктор Барри, Джон

Вой среди чужих

Еще одна поразительная судьба, еще один прототип, который я собирался использовать в романе про гражданскую войну, а потом передумал. По двум причинам: во-первых, это опять случай, когда правда жизни слишком невероятна и в художественном произведении вызовет ощущение перебора; во-вторых, тему незаурядного человека, оказавшегося своим среди чужих, я решил исследовать в другой книжке, с другим персонажем.

Какова этическая конструкция, психологическая защита, мимикрия сознания у того, кто по собственному выбору пустил корни во враждебной среде и добился в ней лидерства?

Вероятно, некоторые из вас слышали про Бориса Штейфона — еврея, сделавшего хорошую карьеру в пассивно юдофобской системе, еще более успешную — в активно антисемитской и совсем блистательную — в мире, где его соплеменников люто ненавидели и поголовно уничтожали.

Борис Александрович Штейфон родился в 1881 году в Харькове в семье крещеного еврея-мастерового и дочери православного дьякона, то есть, собственно, являлся полужидом, однако, как известно, для антисемитов вполне достаточно и половинки.

В царской России еврейство — во всяком случае, официально — определялось не составом крови, а вероисповеданием, поэтому Штейфон смог поступить в офицерское училище. Армейская среда относилась к евреям уничижительно, антисемитские шутки и жидоморные настроения там были в порядке вещей. Как себя чувствовал юнкер еврейского происхождения в такой атмосфере, описано в мемуарах выкреста М. Грулева «Записки генерала-еврея». Наверняка Штейфон, как и Грулев, сделал обычный для пытающегося

Офицерам-евреям приходилось туго не только в России. «Абсент Антиеврейский» выпускался во Франции во время дела капитана Дрейфуса

адаптироваться еврея вывод: я должен быть безупречен, я обязан стать первым, и тогда меня сочтут «своим».

Адаптироваться молодому человеку удалось. Он виртуозно сочетал юнкерские проказы, приносившие популярность среди товарищей, с успехами в учебе и окончил училище по первому разряду. Отправился добровольцем на японскую войну, заслужил там пять боевых орденов, а затем сумел пройти конкурс в академию Генерального штаба, то есть вошел в элиту офицерского корпуса. Это тем более примечательно, что как раз в эти годы антисемитизм в царской армии уже и официально вышел за пределы графы «вероисповедание» — в военные училища перестали принимать даже выкрестов.

Столь же образцово Штейфон воевал на Великой войне, которую завершил в чине полковника генштаба.

Конечно же, человек, сумевший утвердиться в изначально недружественной системе координат, не мог обрадоваться революции, которая обратила в прах все его достижения. Штейфон становится непримиримым врагом большевистского режима. В родном Харькове он возглавил подпольную организацию («Центр Полковника Штейфона»), переправлявшую офицеров в Добровольческую армию. В конце кон-

Генерал-майор Штейфон в первом ряду, справа от бородатого Кутепова

цов Борис Александрович и сам оказался у Деникина. Командовал полком, а затем дивизией, выслужил чин генерал-майора.

Его Белозерский полк был знаменит на весь фронт. Приняв под командование горстку людей (в списочном составе было всего 62 человека), Штейфон превратил часть в грозную боевую единицу — три тысячи штыков плюс собственная артиллерия и даже кавалерия. (У Деникина полки обычно насчитывали 200–300 солдат, а дивизии — хорошо если полторы тысячи.)

В годы гражданской войны хроническая юдофобия, свойственная царской России, вспалилась до людоедских размеров: среди большевиков было много евреев,

что неудивительно, учитывая «черту оседлости», «процентные нормы» и другие прелести старого режима. В мемуарах белогвардейцев непременно поминаются «еврейчики-комиссары» и «жиды-чекисты» как виновники всех бед России. Обычной практикой для добровольцев было выискивать среди пленных евреев и немедленно, без разбирательств, «пускать в расход».

Я очень внимательно прочитал воспоминания Штейфона о девятнадцатом годе, пытаюсь найти хоть какие-то рефлексии на еврейскую тему. Ни слова. Вытеснил, отсёк, заблокировал. Но расстреливать евреев своим солдатам не мешал. Один-единственный раз проговаривается про это, глухо. Пишет про фильтрацию пленных красноармейцев: «Инородцы выделялись своим внешним видом или акцентом». Стало быть, для него они «инородцы».

Тут я живенько представил сцену для романа. «Господин полковник, ви же єврэй, я вижу! Пощадите!» Господин полковник, мрачнее тучи, отворачивается, идет дальше. Подчиненные провожают его задумчивыми взглядами, вздыхают, передергивают затворы... И решил я, что этого голливуда мне не надо. Демобилизовал, в общем, Штейфона из прототинов.

По маловыразительным описаниям наступлений-отступлений в его мемуарах я попытался вычислить, в чем же ключ к этой личности, помимо самолюбивого стремления доказать окружающим, что он, несмотря на еврейскую фамилию, не хуже, а может быть, и лучше их.

Идеология Бориса Александровича была проста, он сам формулирует ее посредством краткого лозунга: «За великую, единую, неделимую Россию — ура!» Искреннее чувство прорывается в его плаче по «прекрасным уставам царской армии, составленным мудростью предшествовавших поколений». И конечно, как для многих мемуаристов этой плеяды, для Штейфона очень много значит так называемая «полковая культура», культ родного полка с его славой, традициями и корпоративной этикой.

Но вопрос о внутреннем раздоре, которого не мог не ощущать бравый генерал в постоянно ступающей антисемитской атмосфере, остается для меня открытым. Из других источников я знаю, что окружающие-то о происхождении Штейфона не забывали. Он гордился, что его Белозерский полк был отлично обустроен, ни в чем не ведал нужды, а соратники за спиной рачительного командира подтрунивали над его «иудейской хозяйственностью».

Главный парадокс этой удивительной биографии, конечно, приходится на годы Второй мировой войны, когда Борис Штейфон, эмигрировавший в Югославию, возглавил Русский охранный корпус, который воевал с партизанами, а затем и с советскими войсками.

Напомню, что фашисты уничтожили в Югославии две трети еврейского населения, и войска Штейфона, служившие по гарнизонам, не могли не участвовать в облавах.

Немецкое командование отлично знало о корнях Штейфона, но, высоко ценя его боевые качества, ограничилось запросом в оккупированный Харьков, есть ли в православ-

*Генерал Штейфон
(эх, жалко «фон»
не с того конца)*

ной церкви запись о крещении. Запись, на счастье Бориса Александровича, отыскалась. В сорок третьем году Штейфон достиг пика своей военной карьеры — получил звание германского генерал-лейтенанта.

Удача всю жизнь сопутствовала этому человеку. Не подвела она его и напоследок. Б.А. Штейфон умер своей смертью 30 апреля 1945 года и даже успел с почестями упокоиться на немецком военном кладбище. А иначе висеть бы ему в петле вместе с Красновым, Шкуро, Султан-Гирем и прочими коллаборационистами из числа белых генералов.

Вы спросите: «А мог ли вести себя иначе в ту эпоху русский офицер с еврейскими корнями?»

Представьте, мог. Пример — упомянутый выше генерал Грулев, который пишет в своей автобиографии: «Самое важное, что я старательно и неусыпно держал всегда под

*Штейфон проводит смотр.
Хайль Гитлер!*

светом моей совести, — это было то, что по мере сил я боролся, пассивно или активно, против несправедливых обвинений и гонений на евреев. Следуя, вот в этих случаях, «голосу крови» и велениям сердца, я, в то же время, видел в такой борьбе сокровенное и разумное служение России, моей Родине, по долгу совести и принятой присяги». В бытность юнкером Михаил Грулев самовольно с казенной винтовкой в руках кинулся защищать варшавских евреев от погромщиков — за это его вполне могли выгнать из

училища, в которое он с таким трудом поступил. Штейфон — неважно юнкером, белым офицером или фашистским генералом, в подобных случаях делал вид, что его это совершенно не касается.

Говорят, еврей — это не национальность, а судьба. Например, вот такая: мужественный, целеустремленный человек всю жизнь очень хотел забыть о своем еврействе, и ему это даже удалось.

Или нет?

Про любовь, которая зла

П

олжен признаться в одной дурацкой особенности.

Я, бывает, злюсь на историю.

Меня бесит, когда она обходится каким-нибудь невыносимо пошлым образом с яркими и красивыми людьми — так сказать, затаптывает жемчуг в грязь.

Примером такого свинства мне всегда казалась судьба прекрасной женщины, которую вы видите на этом снимке.

Это Елизавета Кушелева-Томановская-Дмитриева-Давыдовская (почему целых четыре фамилии, сейчас объясню).

Родилась она в 1851 году. С детства была очень хороша собой и вообще, как тогда говорили, «подавала надежды». Сам Мусоргский давал ей уроки музыки. Алексей Куропаткин, будущий соратник Скобелева и военный министр, вспоминает: «Лиза была выдающейся красоты девушка, с благородным образом мыслей и способностью говорить образно и пылко...

Проникнутая идеями службы в пользу народа, она непрерывно доказывала мне необходимость оставить военную службу и идти в народ...»

Как многие русские барышни той поры, Лиза мечтала учиться чему-нибудь настоящему, «неженскому». Тогда это было возможно только за границей. Чтобы добиться своего, Кушелева семнадцатилетней вступила в фиктивный брак с неким Михаилом Томановским — благодаря Чернышевскому такие союзы тогда были в моде.

Но оказавшись в Европе, девушка увлеклась не учением, а социалистической идеей. Вступила в русскую секцию Интернационала, пожертвовала на дело светлого будущего свое немаленькое наследство — шестьдесят тысяч рублей. Потом отправилась в Лондон к Карлу Марксу и вошла в ближний круг главного гуру социалистов.

Когда в Париже произошла первая в истории коммунистическая революция, Маркс отправил наблюдать за историческими событиями двух эмиссаров, одним из которых была Елизавета Томановская. В Париже, чтобы не компрометировать законного супруга, она взяла псевдоним «Дмитриева». Но одним наблюдением не ограничилась.

Имя Елизаветы Дмитриевой упоминается во всех книгах, посвященных Парижской Коммуне. Вместе с легендарной Луизой Мишель юная русская барышня (ей было всего 20 лет) создала и возглавила революционную организацию женщин. Пять тысяч коммунарок сражались на баррикадах вместе с мужчинами. Во время одного из последних, самых кровавых боев Дмитриева была тяжело ранена. Ее унесли с баррикады, спрятали от версальцев и позднее переправили за границу.

Кадр из фильма «Зори Парижа»

На этом иностранные авторы обычно заканчивают рассказ о героической «княгине Элизабет» (раз богатая русская — то, разумеется, princess, как же иначе?). Ее дальнейшая судьба им неизвестна.

И очень хорошо, что неизвестна.

На имя Елизаветы Томановской я впервые наткнулся, когда готовился писать повесть «Пиковый валет» и изучал судебное дело «червонных валетов» — шайки ловких аферистов, которые в семидесятые годы весело и изобретательно потрошили московских богатеев. Один из главарей шайки, сын тайного советника Иван Давыдовский, называет эту

женщину своей гражданской женой и ходатайствует, чтобы ей разрешили отправиться за ним в Сибирь.

Тогда-то и выяснилось, что парижская революционерка Дмитриева, про которую я слышал еще в школе (тогда как раз пышно отмечалось 100-летие Коммуны), и сожительница осужденного мошенника — один и тот же человек.

Не знаю, как произошла эта метаморфоза. Участница Интернационала, подруга Маркса, одна из заметнейших фигур Парижской Коммуны забыла про освобождение пролетариата, про мировую революцию и связала свою жизнь с жалким проходимцем.

«Жалким» — потому что Давыдовский был субъектом преотвратительным. Он обошелся со своей самоотверженной возлюбленной гадко. Пока был на свободе и при деньгах, держал на положении любовницы, хоть она и родила ему двух дочерей. Зато когда оказался за решеткой, сразу предложил руку и сердце. Четверть века Елизавета прожила с ним в сибирской глуши. «Политические» не желали иметь с ней дела, поскольку она была женой презренного уголовника. Бывшая «княгиня Элизабет» пыталась заниматься мелочной торговлей, изготавливала какие-то кондитерские

В Сибирь по этапу. С уголовными

изделия, завела корову. Ради того чтоб не оставлять мужа, пожертвовала образованием дочерей. Давыдовский всё это принимал как должное. Но, отбыв срок ссылки, немедленно но бросил семью и вернулся в европейскую Россию один.

Конец жизни Елизаветы Давыдовской теряется в сумерках. Судя по адресной книге, накануне революции она жила в Москве с дочерьми, которые, очевидно, досидели в Сибири до стародевичества. Год смерти Дмитриевой-Давыдовской неизвестен.

Краткое резюме этой непоследовательной жизни выглядит так: жила-была прекрасная и прекраснодушная девушка незаурядной смелости и силы, мечтала построить царство справедливости и даже приступила к осуществлению этого грандиозного прожекта, но — любовь зла — полюбила рогатого козла и потратила свою драгоценную жизнь на служение этому песимпатичному животному.

Какая горькая потеря. Какая безрассудная растрата.

И дело, конечно, не в коммунистической идее (пропади она пропадом), а в том, что большой человек разменялся на мелочи. Променил Большой Мир на Малый, да и тот оказался шником.

В общем, как-то так относился я к этой грустной и даже оскорбительной истории.

А сейчас вдруг подумалось: что если Елизавета была вопреки всему счастлива со своим моральным уродом? И четвертьвековые тяготы были ей в радость?

Масштабный человек остается масштабным, даже если сворачивает с широкого тракта на глухую тропинку. Если сражается за справедливость — так до тех пор, пока не унесут с баррикады без сознания. А если полюбит — то пожертвует ради любимого всем, не считая это жертвой, и никогда ни о чем не пожалест.

Одно дело — ехать в Сибирь женой декабриста или народовольца. А женой «червоного валета»? Пожалуй, здесь потребовалось еще большее величие души.

Не буду больше обижаться за Елизавету Дмитриеву. Она всё равно прекрасная.

Золотой нос, или Трудности перевода

Всё началось с Трулльского собора, постановлениями которого оперировали эксперты обвинения по делу несчастных «кошунниц» из «Пусси райот». Что за труляля такое, заинтриговался я и полез искать.

В Хамовническом суде упоминались 62-е и 75-е правила почтенного церковного съезда, состоявшегося в 691–692 годах нашей эры.

Правило № 62 в кратком каноническом пересказе звучит следующим образом: «Еллинских обычаев удалятися, личин на ся не налагати, и плясания не творити». Так, с этим ясно.

Правило № 75, которое тоже нарушили осужденные преступницы, вот какое: «Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика, и не вводили ничего несообразного и несвойственного церкви, но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенное».

*Кто из нормальных христиан станет
с ними дружить? Бр-р-р...*

Там было принято еще много всяких мудрых решений, на том соборе. Например, правило № 11 запретило христианам под страхом отлучения дружить с иудеями, лечиться у них и в особенности (почему-то) ходить с евреями в баню. Думаю, если бы следствие работало

добросовестней, то запросто могло бы обнаружить у злодеек среди друзей какого-никакого еврея, опять же есть дантисты, гинекологи. В общем, недоработка.

Но я пишу пост не про Pussy Riot и даже не про Трулльский собор. Как я уже сказал, с этого всё только началось.

Меня (я ведь как-никак историк) заинтересовали политические обстоятельства, при которых происходил собор. И, в частности, кто был инициатором созыва этой роковой конференции. Роковой — потому что ее решений не признал папа римский, и с этого момента начался серьезный конфликт между западным и восточным христианством, впоследствии завершившийся полным разрывом.

Так я открыл для себя византийского императора Юстиниана Второго — это он постановил собрать церковных иерархов, дабы восстановить религиозную дисциплину и пошатнувшееся благочестие.

Пожалуйста, не путайте этого Юстиниана с великим реформатором Юстинианом Первым (482–565). Разница между ними еще больше, чем между Петром Вторым, который ничего не успел сделать в своей коротенькой жизни, и Петром Первым.

Юстиниан Второй Риншет как раз много чего натворил (и помимо Трулльского собора). Это один из самых омерзительных правителей всех времен и народов — а у истории в данной номинации, как вы знаете, конкуренция очень жесткая.

Он стал базилевсом в шестнадцатилетнем возрасте, правил десять лет и даже по тем суровым временам отличался невыносимо гнусной жестокостью. Подобно Иосифу Сталину, он любил отправлять в ссылку неудобные народы, которые в пути вымирали от голода и болезней. Однажды после поражения в войне с арабами император приказал умертвить семьи воинов того отряда, который обвинил в неудаче. При этом Юстиниан считал себя ревностным христианином и еретиков с сектантами предавал сожжению.

Еще хуже были императорские фавориты — министр финансов Феодот и казначей патриархии Стефан, которые занимались прямым вымогательством: хватали богатых лю-

Золотой Юстиниан

дей и пытали их до тех пор, пока не заплатят выкуп. Настоящей властью в стране обладала именно эта парочка эффективных менеджеров. Однажды они даже приказали выпороть вдовствующую императрицу, мать Юстиниана, и тот ничего, стерпел.

В конце концов произошло то, что должно было произойти, — бунт. Временщиков прикончили, кесаря свергли и отправили в ссылку.

Но еще через десять лет изгнанник вернулся, приведя с собой чужеземное войско, и снова захватил трон.

Тут-то и начинается поразительное. Второе правление Юстиниана Риномета прямо-таки заворожило мою писательскую фантазию, а заодно пробудило воспоминания о прежней профессии.

Когда-то я перевел с японского роман Юкио Мисимы «Золотой Храм». Там главный герой, препротивный мальчишка, страдающий сильным заиканием, предается грезам о власти: «...Начитавшись исторических романов, я воображал себя могущественным и жестоким владыкой. Он заикается и поэтому почти всегда молчит, но как же трепещут подданные, живущие в постоянном страхе перед этим молчанием, как робко заглядывают в лицо своему господину, пытаясь угадать, что их ждет, — гнев или милость? Мне, государю, ни к чему оправдывать свою беспощадность гладкими и звучными фразами, само мое молчание объяснит и оправдает любую жестокость. С наслаждением воображал я, как одним движением бровей повелеваю предать лютой казни учителей и одноклассников, мучивших меня в гимназии».

Очень возможно, что герой романа прочитал какой-то роман о базилевсе Риномете (что по-гречески означает «Безпосый»). Дело в том, что после свержения мятежники отрезали деспоту нос и язык. Вместо носа император стал носить золотой футляр, но язык заменить было нечем. Поэтому в период реставрации рядом с Юстинианом всё время находился толмач, умевший понимать мычание правителя и переводить его приказы. Приказы эти были чудовищны, фантазия калеки — причудлива и ужасна. Первое правление Юстиниана вспоминалось теперь подданным как утраченный рай.

Ну, месть обидчикам — это, как говорится, святое. Хотя, конечно, повесить на стенах всех офицеров столичного гар-

низона (переводчик, наверное, десять раз переспросил, правильно ли он понял) — это перебор. С патриархом тоже получилось некрасиво: ладно отрезали нос и язык, это с учетом личных страданий кесаря по-человечески понятно — но выколоть главе церкви глаза и замуровать живьем в стену? Как-то оно все-таки не *comme il faut*. (Представляю, сколько времени мычал и жестикулировал Юстиниан, чтобы объяснить этот свой креатив.) С двумя императорами, успевшими поцарствовать во время его ссылки, триумфатор поступил изящнее: не сразу казнил, а сначала поунижал — во время праздничных игр на стадионе положил их наземь, наступил ногами на головы, любовался ристалищем и слушал, как толпа поет 90-й псалом: «На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона».

Однако праздник мести закончился, начались будни, а безъязыкий задавал переводчику всё новую работу. Хроника рассказывает, что тиран очень любил черный юмор. Осчастливит чиновника назначением на высокую должность — и тут же посылает вдогонку палачей. Сёрпрайз! Или пригласит кого-то на пир, да и подсыплет яду. Тот корчится, орет — смехота! Еще очень любил обласкать кого-нибудь на аудиенции, а потом «му-му» переводчику — человека в мешок, да и в море.

Если какая-нибудь выходка вызывала чрезмерное возмущение, всегда можно было свалить ответственность на толмача: не так-де понял, скотина. Назначали нового переводчика, старого — сами понимаете куда. И всё шло как прежде.

Целых шесть лет золотоносый немой так измывался над своими рабами, пока один из телохранителей не оттяпал отцу Трульського собора его гнилую башку.

Во всей этой удивительной истории мне почему-то больше всего жалко переводчиков. Наверное, из-за того что я когда-то сам работал синхронистом, переводил разных начальников и в конце концов был изгнан с этой нервной должности за одно ужасное faux pas. Но о собственном опыте по части трудностей перевода расскажу как-нибудь в другой раз.

Дворец Желанных Чудовищ

Расскажу вам одну историйку из «мусорной корзинки» второго тома моей «Истории Российского государства».

Набрел я на эту чепуху следующим образом.

Читая всякую всячину о жизни и связях ордынских ханов пятнадцатого века, я ненароком углубился в китайские дела и надолго в них увяз. Я мало что помнил про империю Мин из университетского курса, а китайская история, вероятно, самая интересная и колоритная на свете. Потраченного времени нисколько не жаль, хотя для работы этот экскурс мне совершенно не пригодился. Вот зачем, скажем, мне понадобился бы эпизод из жизни никчемного Чжу Чжаньцзи, пятого монарха династии Мин?

Хотя как сказать... Для «Истории Российского государства», конечно, не понадобился, но кто прочел мою повесть «Плевок дьявола», коллизию без труда опознает. Китайская причуда пригодилась в хозяйстве: трансформировавшись, перенеслась из Запретного города в терем Ярослава Мудрого.

Чжу Чжаньцзи (1425–1435) правил в «золотой век Мин», когда в Поднебесной всё было более-менее спокойно и государь мог безмятежно наслаждаться жизнью.

Сын Неба любил всё прекрасное, был окружен им со всех сторон. Очень плотно.

У его величества было два серьезных увлечения.

Во-первых, искусство. Чжу был не просто ценителем живописи, но и очень тонким, талантливым художником.

Смотрите, какие изысканные работы.

Рисовал его величество только зверушек. И это понятно — рисовать людишек священному богдыхану было бы зазорно.

А второй страстью императора Чжу были красивые женщины. В его гареме жила туча несказанных красавиц, одна ослепительней другой.

Но однажды с нашим анималистом-сладострастником произошла ужасная для художника вещь: эстетический кризис. Передозировка Красоты.

Беднягу так достало прекрасное, что от одного вида красавиц его прямо тошнило.

И тогда Чжу сделал правильный артистический вывод: возлюбил безобразное. Примерно как экспрессионисты XX века, изрыгнувшие мимишный арт-нуво и начавшие утрировать грубость жизни.

Со всего Китая в Запретный Город свезли самых жутких страхолюдин, калек и уродок. В императорском парке построили для нового гарема специальный чертог, который получил название «Дворец Желанных Чудовищ». Там жили горбуны, карлицы, всевозможные инвалидки — и, должно быть, не верили своему счастью. Могла ли какая-нибудь из этих обиженных судьбой страдалец мечтать, что станет наложницей Сына Неба?

Счастлив был и император. Он снова полюбил женщин. Рассказывают, что его фавориткой стала некая дама с двумя головами (сиамские близнецы?). Она (они) издавал (-а, -и)

Декадент Чжу: физиономия толстая, но взгляд нежный и чувствительный...

сладолюбивые звуки сразу с двух сторон, и этот стерео-эффект пленял взыскательную душу художника.

Прочитав про улады императора Чжу, я, кажется, понял мотивацию артистических натур, совершающих отвратительные поступки. Просто чрезмерно утонченный художник в какой-то момент ощущает себя выше пошлых банальностей вроде красоты, морали, порядочности или добродетели. Эстетическое для него неизмеримо выше этического.

За это я недолюбиваю богемных людей и предпочитаю держаться от них подальше, даже если ценю их искусство. Я обыватель. Для меня этика важнее эстетики.

Да, чуть не забыл важную деталь. Правление Чжу Чжаньцзи называлось 宣德, то есть «Декларация добродетели».

Поливанов

Жил-был на свете странный человек. Странный в том смысле, что к нему трудно было применить обычные параметры, по которым оценивают людей. О нем многие вспоминают в мемуарах — он производил яркое впечатление. На одних прекрасное, на других ужасное, но неизменно сильное. В любом случае он, кажется, был неспосен — как большинство тех, кто много о себе понимает. Раньше, всего каких-то сто лет назад, даже меньше, у нас в стране таких людей было много. Только они, как известно, и делают жизнь интересной.

Евгений Дмитриевич Поливанов был человеком не хорошим и не плохим, то есть и хорошим, и плохим. Может быть, он вообще не придавал значения нравственности — такое складывается впечатление, когда почитаешь про его чудачества. Или же у него была своя собственная этика.

Кажется, он легко брал чужое. И так же легко отдавал своё, иногда последнее. Вроде бы очень любил жену, по в то же время вроде бы имел и еще одну, которую тоже очень любил.

Виктор Шкловский, коллекционировавший ярких личностей, называл Поливанова «обычным гением». В известном романе Вениамина Каверина «Скандалист» Поливанов выведен под именем переводчика Драгоманова. «Его лингвистические работы по тонкости догадок человеческому уму почти непонятны, — говорят про Драгоманова коллеги. — Третьего дня он явился на лекцию, пропну познания, в подштанниках. Его подозревают — и не без оснований — в тайной торговле опиумом. Берегитесь его!» Сам автор о Драгоманове-Поливанове пишет: «Его боялись. Все знали, что он наркоман, что у него темное прошлое неудачника, путешественника, игрока».

Реальный Поливанов плюс к тому был еще однорук. Положил кисть на рельс, и ее отрезало. То ли хотел что-то себе доказать, то ли был под воздействием каких-нибудь препаратов. Может, он лишился руки и как-то иначе, черт его знает. Во всяком случае, потом он умудрялся жить так, что никто его однорукости не замечал.

Наркоман? Да, причем тяжелый. Сначала кокаинист, потом прочно сел на героин. В бытырском медзаключении сказано: «з/к Поливанов, страдающий наркоманией, нуждается ежедневно в 2-х кратной инъекции героина».

Однако непохоже, что аддикция хоть как-то притупляла его необычайно острый и мощный интеллект. Возможно, как у Шерлока Холмса, только обостряла.

Поливанов всю жизнь интересовался сложным и необычным. Знал множество редких языков — сколько точно, неизвестно. Одни пишут, что восемнадцать, другие — что двадцать восемь.

Я с Поливановым свойственник по линии японского языка. Он — один из трех отцов-основателей, трех былинных богатырей российской японистики. Как только я начал всерьез интересоваться Японией, с шестнадцати лет, все время наткался на этих трех чудо-самураев: Поливанов-Невский-Конрад, причем Поливанов среди них был вроде Ильи Муромца, самый могучий. Все трое были почти одногодками, все отучились на восточном отделении Петербургского университета незадолго перед мировой войной.

Евгений Поливанов был гениальным лингвистом, специалистом по диалектам. Вроде бы мирная ученая профессия, но вся его биография — сплошное цунами. То он жил в жуткой японской глуши с рыбаками, изучал их говор и тянул вместе с ними сети (одной-то рукой); то вроде бы работал на царскую разведку; затем вдруг оказался большевиком-подпольщиком, заместителем первого наркоминдела товарища Троцкого; как-то очень равнодушно ушел из партии («выбыл механически как пассивный»); в последние годы своей недолгой жизни был в городе Фрунзе профессором Института киргизского языка. Жил (в советские времена!) со слугой-китайцем. Ну, про героин я

уже рассказывал. Может, из-за него и в Среднюю Азию переселился.

В годы Большого Террора всех богатырей отечественной японистики, разумеется, арестовали, одного за другим.

Первым — эксцентричного Евгения Поливанова с его эстонской женой. Потом Николая Невского с его японской женой. Их дочку-полуяпонку взял на воспитание тихий Николай Конрад, но скоро добрались и до Конрада.

Конечно, объявили шпионами. Конечно, пытали. Поливанова и Невского расстреляли (жен тоже живыми не выпустили). Николай Иосифович Конрад, отсидев, потащил дальше на подломленных плечах отечественную японистику почти в одиночку. Его я не застал совсем чуть-чуть. Учился у его учеников, молодых японистов.

Господи, у нас не было ни одной отрасли науки, ни одного направления культуры, даже ни одного вида спорта, где чутунная, бездарная, тупая, бессмысленно жестокая сила не вытоптала своими коваными сапожищами всё самое яркое и живое. Именно за это я ее так и ненавижу, эту поганую «арестократию», какой бы аббревиатурой в каждый конкретный исторический момент она себя ни называла. За то, что всегда уничтожала людей, которые много о себе понимали — и ладила только с теми, кто понимает о себе мало. Именно такую страну, с приниженным, пришибленным, не вакающим населением они всегда и строили.

На фото гений, наркоман, чудака и почти сверхчеловек Евгений Дмитриевич Поливанов в годы, когда он много о себе понимал.

*Из заявления з/к Поливанова
от 1 октября 1937 г.: «Прошу о
прекращении тяжелых приемов допроса
(физическим насилием), так как
эти приемы заставляют меня лгать
и приведут только к запутыванию
следствия. Добавлю, что я близок к
сумасшествию»*

Слева он же, когда ему объяснили, что много понимать о себе не надо.

Иногда я думаю: было бы здорово, если бы мои представления о Том Свете оказались ошибочными. Пусть бы были и Суд, и Рай — и обязательно Ад. Обязательно.

На всякий случай, чтоб никто там, на Страшном Суде, не забыл, не перепутал.

Арестовывал Поливанова лейтенант госбезопасности Маргайтис. Вел следствие и мордовал сержант (!!!) Мальцев. К смерти приговорили диввоенюрист Голяков, бригавоенюрист Зарянов и военюрист 1-го ранга Кандыбин.

Ну а как звали главного начальника всех палачей, и так известно.

Белые раджи

Сколько раз этот сюжет встречается в сказках и приключенческих романах!

Герой попадает в тридевятое царство (или экзотическую страну, затерянную среди африканских-американских-азиатских просторов), в одиночку или с помощью горстки верных друзей покоряет его и становится там правителем, озаряя туземцев светом своей мудрости и благородства.

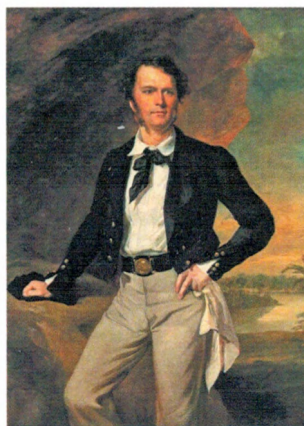
В реальной жизни такого не случается. Во-первых, кому нужен иноземный правитель, когда своих желающих пруд пруди; во-вторых, никто никого никогда не завоевывал в одиночку или с горсткой верных друзей; в-третьих, откуда у авантюриста возьмутся мудрость и благородство?

Но одну такую историю я все же знаю. Или почти такую. (Хотя по поводу мудрости и благородства данного конкретно героя существуют различные мнения.)

Как бы там ни было — знакомьтесь: Джеймс Брук, основатель династии белых раджей Саравака.

Он был сыном колониального судьи, провел детство в Индии и любил Азию больше, чем далекую холодную Европу. В 12 лет мальчика, как было принято, отправили в Англию, чтобы воспитать из него настоящего британца, однако монохромная, чопорная историческая родина юному Джеймсу очень не понравилась. Из школы он сбежал, а при первой же возможности вернулся в Индию, где получил патент офицера в армии Ост-Индской компании.

Храбро воевал, был тяжело ранен (к этому ранению мы еще вернемся) и в 33

Прямо капитан Грей из «Алых пафусов», правда?

года оказался в отставке, не удел. Попробовал заняться морской торговлей — не обнаружилось коммерческих талантов.

Несколько лет спустя уже не очень молодому лузеру вдруг досталось солидное наследство — 30 тысяч фунтов. Вместо того, чтобы жить-поживать да ренту проживать, Брук потратил всё состояние, купив списанную с королевской службы военную шхуну «Роялист», и отправился охотиться на Фортуну.

Она поджидала героя на Малайских островах, где султан Брунея никак не мог совладать с бунтовщиками и пиратами. Брук предложил монарху помощь. Огнем корабельных орудий, штыками и саблями британец навел в стране порядок. Мятежников разгромил, пиратов расчехостил.

В благодарность султан назначил триумфатора губернатором беспокойной провинции Саравак, а потом (в 1842 году) подарил эту область полезному иностранцу в личное владение. Так появилось восточное государство с раджой-англичанином. Страна была не сказать чтобы большая, но и не карликовая: сто тысяч квадратных километров, полмиллиона жителей.

Это событие не могло не обрадовать правительство ее величества: зона британского влияния расширялась. Брук по-

Брук сражается с пиратами. Всё в дыму

лучил рыцарство, должность губернатора, Орден Бани и разные прочие онёры.

Он и в дальнейшем продолжал доблестно сражаться с морскими разбойниками, работоторговцами и охотниками за головами, которыми кишели джунгли новой страны (в смысле не головами, а охотниками).

Брук был человеком крутого нрава, но твердых правил. Если вводил законы, то свято их исполнял. Заботился о подданных, не позволяя чужеземным промышленникам наживаться за счет туземцев. При этом Джеймс слыл изрядным оригиналом.

Я читал описание суда, который раджа устроил над крокодилом, слопавшим придворного переводчика (бедняга спяну свалился в реку). Преступника поймали и привлекли к ответу. Рядом с монархом восседала его неизменная спутница, орангутаниха Бетси. Брук выслушал показания сторон, записал в протокол решение и огласил его: «Обвиняемый приговаривается к немедленному умерщвлению и погребению без военных почестей. Голову преступника отделить от туловища и выставить в предостережение всем хищникам, обитающим в этих водах».

У основателя династии не было детей. По этому поводу ходили (и до сих пор ходят) разные слухи: то ли он придерживался нестандартной ориентации, то ли в свое время был ранен в неудачное место. Лично я полагаю, что Джеймс был макси-

Брук на аудиенции у султана

*Джеймс Брук (1803–1868)
в зрелые годы*

Белый раджа № 2 и его фани: никакого азиатского колорита

Раджа № 3

малистом и просто не встретил свою Единственную, а паллиативы его не устраивали. (Именно таким я бы сделал Джеймса Брука, если бы писал о нем роман.)

Так или иначе, за отсутствием сына царство он завещал племяннику Чарльзу.

Белый раджа № 2 (1829–1917) оказался правителем еще более толковым. Он окончательно искоренил пиратство, работорговлю и кровожадный спорт лесных башибузуков. Организовал гражданские службы, запретил «капиталистическую эксплуатацию» (именно так и формулировал), учредил парламент, построил желез-

ную дорогу. Статус британского протектората позволял стране обходиться без регулярной армии — большое облегчение для бюджета. А в начале XX века на Сараваке обнаружили нефть, что сразу же сказалось на уровне жизни.

Брук Третий по имени Вайнер (1874–1963) оказался в династии последним.

Он окончил Кембридж, получил от Георга V право именоваться «высочеством». Во время Первой мировой войны оказался более британцем, нежели саравакцем — служил инкогнито в лондонской зенитной части.

За время своего четвертьвекового правления Вайнер немало сделал для своей маленькой страны. Она неплохо существовала за счет нефти и каучука. Правительство должно было оберегать жителей от чужестранных нападений (в Саравак даже не пускали христианских миссионеров). Перед Второй мировой раджа наделил парламент властными полномочиями, отказавшись от самодержавия за хорошую денежную компенсацию (вот какие, оказывается, бывают мирные революции).

Банкнота независимого государства

В 1941 году всё кончилось. Пришли свирепые японцы и оккупировали сказочную страну. Раджа уехал в эмиграцию, да так на трон и не вернулся — передал свою державу британской короне, а за это стал получать солидную пенсию. (Ну да, его высочество любил денежки, и что такого?)

В 1963 году Саравак сделался частью Малайзии. От царства белых раджей остались только почтовые марки.

Чеснотая песня

Проглядываю директорию, где хранятся идеи проектов, к которым я утратил интерес, и сюжеты для произведений, которые я уже никогда не напишу. Потому что надоело резвиться, хочется писать серьезное. Лета клонят.

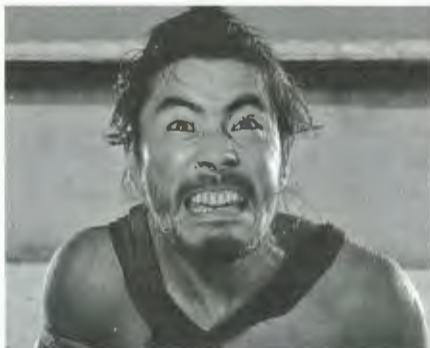
Там, в неосуществленных планах, много ерунды, но есть и довольно занятные штуковины. Буду от них постепенно избавляться — может, кому пригодится.

Например, был у меня проект, отчасти навеянный акутагавской новеллой «В чаще». Собирался изложить один и тот же сюжет в двух противоположных жанрах: цинично-плутовском и романтически-сентиментальном.

В жизни иногда случаются коллизии, которые допускают диаметрально различ-

Старье — на свалку

У Акутагавы с Куросавой один и тот же персонаж предстает то героем, то злодеем

ную трактовку Главным образом это зависит от душевных качеств того, кто дает событиям оценку. Человек великодушный склонен и весьма сомнительные поступки других людей истолковывать в выгодном для них свете, а человек мелочный и скверный даже в самом красивом поступке обязательно предположит какой-нибудь низменный мотив.

У меня в файле есть подлинная история, идеально подходящая на роль такого перевертыша: хочешь — верь в хорошее и умиляйся, хочешь — разоблачай и плюйся.

За точность фактов не поручусь, поскольку в свое время вычитал про этот «марьяж-блан» в чьих-то мемуарах, но для романа, как вы понимаете, достоверность большого значения не имеет.

Во всяком случае, легкое гугление подтверждает, что все персонажи существовали на самом деле, стало быть, не полная выдумка.

В Австрии есть знаменитая кондитерская фирма «Демель», основанная еще в восемнадцатом веке. Она поставляла торты, пирожные, конфеты и прочие сладости императорско-королевскому двору.

В тридцатые годы прошлого столетия венский магазин «Демель» прославился своими фантастически красивыми витринами. Каждая была настоящим произведением дизайнерского искусства.

Дело в том, что владельцы, чуть ли не впервые в истории торговли, догадались нанять для декорирования витрин талантливого дизайнера — молодого барона Фридриха фон Берзевици. Это был эстет, щеголь, один

Марципановый Моцарт

Вот какой красавчик

из самых модных людей тогдашней развеселой Вены. И, как полагалось декаденту, растленному аристократу, художнику томной эпохи, — гомосексуалист.

С середины тридцатых в стране установился реакционный режим, получивший название «австрофашизм». Положение евреев становилось всё более угрожающим, а Демели, как утверждает мемуарист, были евреями.

И вот, на самом пике антисемитской истерии барон

предлагает наследнице фирмы Кларе Демель так называемый *mariage blanc*, «белый брак» — то есть совместную жизнь без интимной близости.

У продвинутых интеллектуалов тогдашней Европы, по примеру Бернарда Шоу, подобные высокие отношения были в моде. А для благопристойной женитьбы гомосексуалиста на готовой к такому союзу даме существовал еще и особый термин: «лавандовый брак».

В данном случае эта бело-лавандовая свадьба была нужна невесте больше, чем жениху. В 1938 году Австрию оккупировали немцы, и титул баронессы фон Берзевици-унд-Какашломниц помог Кларе уехать из страны в Италию и укрыться там в монастыре до конца войны.

Фиктивный (или, во всяком случае, номинальный) брак, заключенный во имя спасения, получился на удивление прочным — продлился до смерти Клары. Овдовев, барон вдруг оказался единственным владельцем почтенной кондитерской фирмы. Недолго поруководил ею, потом продал и уехал в США, где потом еще много лет блистал в нью-йоркском артистическом бомонде (например, был арт-директором журнала «Вог»),

Это и есть фабула, на основе которой я собирался сделать две повести. Имена действующих лиц, конечно, помечены бы.

Героем первой был бы невероятно расчетливый сукин сын, промотавшийся дворянчик, обуреваемый жадой богатства. Фашистская угроза, нависшая над Веной, представляет ему отличный шанс сорвать большой куш. Барон привязывает к себе жену долгом благодарности. После войны живет в свое удовольствие, пользуясь всеми привилегиями богатства и не будучи обременен никакими обязанностями. Когда же супруга умирает, он хладнокровно продает дело, в которое был вложен труд и талант нескольких поколений, чтобы витать в заокеанских эмпиреях. В общем, «Горький шоколад, или Торжество порока».

Вторая повесть прошла бы по той же канве, но в совершенно другой тональности.

В атмосфере надвигающейся катастрофы (так хорошо показанной в фильме «Кабаре») живет странный художник, умеющий делать из тортов и пирожных прекрасные, недолговечные панно. Он совершенно не приспособлен к жестокому миру, но в час испытаний совершает поступок, на который не решились бы иные мачо: прикрывает своим именем девушку, которая иначе бы погибла. Война заканчивается, но барон не может оставить жену. Она одинока и сломлена. Ее держит на плаву только мечта восстановить из руин погубленную фирму, воспоминание об утраченном рае. Муж успешно помогает ей. Он беспомощен в коммерческих делах, но зато превосходно чувствует моду и стиль. После смерти жены барон пытается продолжить дело, но у него, бестолкового, всё идет прахом. В конце концов, разоренный, он уезжает из Европы в Новый Свет.

Барон Б. Жизнь удалась

В общем, история хрупкого, красивого человека, похожего на кремовую фигурку с торта. И такая же сладкая.

И пусть читатели выбирали бы, какой барон им больше по вкусу — горький или сладкий. И какой правдоподобней.

Такой, в общем, был замысел. Лет десять он у меня промариновался в архиве и вот попадает под ликвидацию, уплывает в мир неспетых песен и нерассказанных сказок.

Прямо скажем, не особенно жалко.

К вопросу о легитимности антропоцентризма

Мы привыкли считать, что человек — центр вселенной; без нас, двуногих и прямоходящих, мироздание вроде как лишено всякого смысла. Ужасно удивляемся и даже внутренне возмущаемся, если вдруг покажется, что это не совсем так.

Помню, как-то в Тихом океане вышел я на рассвете на палубу и обомлел от картины величественного восхода над совершенно пустым морем. Наверху — канкан и кордебалет, сплошь пурпурные юбки и кремовые кружева; внизу — расплавленное золото и strawberry fields forever. Первая мысль идиотская: а если б я не вышел на палубу, всё это роскошество пропало бы зря? Какое глупое расточительство со стороны природы!

Неважно, что я забыл про людей в капитанской рубке. Примечательна подсознательная убежденность, что всякое явление обретает легитимность лишь под человеческим взглядом.

Обожаю старый мудрый анекдот, сбивающий антропоцентристскую картину мира с фокуса.

Помните? Входит к врачу человек, на голове у которого сидит лягушка. «Боже мой, батенька, — удивляется врач. — Что это с вами?» — «Да вот, доктор, приклеилась к ноге какая-то дрянь, никак не отцеплю», — отвечает лягушка.

Это я всё вот к чему.

Для книжки, над которой я уже довольно давно работаю, мне понадобилось выяснить, когда умер последний участник Крымской войны.

Оказалось, аж в 1938 году. Вот он, на фотографии.

Последний матрос Севастополя
покинул: Ив Прижан (1833–1938)

Про моряка-долгожителя мне рассказали в бретонском городке Пенмарш, у которого не так много поводов чем-то гордиться, и один из них — живучий Ив Прижан.

Я с интересом выслушал пенмаршцев, но будучи занудой, естественно, полез проверять информацию в интернет.

Там мне и встретила новость от 4 апреля 2004 года: «Сегодня скончался последний участник осады Севастополя», — сообщало Биби-си через 66 лет после смерти Прижана.

Оказывается, в тот день тихо почил 165-летняя черепаха Тимоти, бывшая членом (и любимицей) экипажа пароходофрегата «Королева», который участвовал в первой бомбардировке Севастополя — той самой, когда пал адмирал Корнилов.

Черепаха прожила долгую и достойную жизнь, узнал я из некрологов. Капитан Кортней взял молодую зверушку в качестве трофея с португальского корсарского корабля. Много лет черепаха плавала по морям, радуя матросские души, а с 1892 года переселилась на берег и жила в замке графов Девонширских, предпочитая проводить время в розарии. На нижней части панциря у рептилии был выгравирован фамильный девиз графов: «Куда низринут я? Что я сотворил?»

Главная жизненная драма Тимоти обнаружилась в почти столетнем возрасте, когда выяснилось, что глупые люди до сего момента неправильно определяли пол черепахи —

дали мужское имя даме. Радостей любви Тимоти так и не познала, скончавшись девственницей.

Она очень любила жизнь. Когда во время войны начались бомбежки, Тимоти сама вырыла себе щель и пряталась в нее, едва начинала дрожать земля.

К зрелому возрасту Тимоти достигла почтенного веса в 5 килограммов. По свидетельству последней хозяйки, 92-летней молодухи леди Габриэлы Кортней, черепаха была хорошо воспитана и всегда подходила здороваться, за что ей полагалась традиционная клубничина.

Похоронили последнего ветерана Крымской войны на родовом графском кладбище. Люди, знавшие Тимоти, сказали, что без черепахи замок уже не будет прежним.

На другой стороне бумажки было написано: «Я очень старая — пожалуйста, не поднимайте меня»

Женщина, у которой лопнуло терпение

Десять с лишним лет назад я сочинял роман, для которого мне была нужна молодая злодейка — такая, чтоб могла заткнуть за пояс любого мужчину, а убийства совершала бы с грациозной легкостью кошки, ловящей муху. Как раз в это время, будто по заказу, в международных новостях замелькало имя индийской «Королевы бандитов», и я решил: вот мой источник вдохновения. Десятки трупов, полсотни уголовных дел — шутка ли?

Но когда углубился в тему, понял: нет, это совсем другая история. И совсем про другое. Не про хладнокровную художницу смерти, а про женщину, у которой однажды лопнуло терпение. Помню, как, ознакомившись с биографией Пхулан Деви, я впервые испытал нечто вроде симпатии к воинствующему, экстремистскому феминизму.

Впрочем, не думаю, что она считала себя феминисткой и вообще знала столь мудреное слово. Эта женщина даже не умела читать.

Она родилась в 1963 году в нищей деревеньке индийского штата Уттар-Прадеш, где людей живет в полтора раза больше, чем во всей России. Семья принадлежала к одной из низших каст — маллахов (рыбаков). С женщинами в этой среде обращались примерно так же, как с домашней скотиной.

Девочка с раннего возраста отличалась независимым нравом, что само по себе большая редкость. Родственники избавились от строптивницы, выдав ее, одиннадцатилетнюю, замуж в дальнюю деревню. Обменяли на корову и велосипед.

Мало того, что Пхулан была ребенком, а муж — не первой молодости. Он еще и оказался редкой сволочью: и бил,

и насиловал. Из-за этого она так и не выросла, осталась ростом метр сорок с чем-то сантиметров.

Когда Пхулан убегала, родственники доставляли ее обратно, на расправу. Так продолжалось три года. Невероятно, но девочка все-таки сумела настоять на своем: в конце концов муж плюнул и выгнал ее прочь.

Так она попала из одной беды в другую. Изгнанная жена считалась в родной общине опозоренной, почти неприкасаемой. Никто не стал заступаться за Пхулан, когда ее обворовал двоюродный брат. Она пожаловалась в полицию — и сама угодила за решетку. Три дня ее там избивали и насиловали. С этого момента она стала мужененавистницей.

Но и это было еще не худшее из несчастий, которые приготовила ей судьба. В шестнадцать лет девушку похитила шайка бандита Бабу Гуджара. Сначала всё было предсказуемо: несколько дней главарь измывался над пленницей. Потом произошло чудо. Один из разбойников, не выдержав, пристрелил мерзавца и — еще одно чудо — не ради того, чтобы попользоваться самому, а из сострадания.

Очевидно, Пхулан впервые в жизни поняла, что не все мужчины — исчадия ада. Она влюбилась в этого человека (его звали Викрам Маллах), а поскольку никакого другого ремесла кроме бандитизма ее любимый не знал, Пхулан тоже стала налетчицей. Смелости ей было не занимать, владеть оружием она научилась быстро, и тут у девушки началась совсем другая жизнь.

Шайка грабила поезда, нападала на деревни, жители которых принадлежали к привилегированным кастам, брала в заложники богатых землевладельцев. Поразительно, что вся эта ковбойско-махновская эпопея разворачивалась в современной Индии.

Не преминула Пхулан навестить и своего драгоценного муженька. Выволокла из дома, пырнула ножом — но не до смерти. Убивать она станет позже, после новых потрясений.

Пхулан Деви

Любовная идиллия разбойницы длилась недолго. Двое участников шайки убили Викрама, а его жену отвезли в свою деревню Бехмай. Семнадцатилетнюю Пхулат держали взаперти. Деревенские мужчины насиловали ее день за днем и всё не могли насытиться. Ее водили голой по улицам, осыпали оскорблениями. Продолжалось это три недели. Потом девушке удалось убежать.

Пройдя через всё это, потеряв любимого, она будто стала другим человеком. Собрала новую шайку и сама ее возглавила (поразительное явление для Индии). Объявила себя служительницей Дурги, богини разрушения и смерти.

14 февраля 1981 года банда, переодетая в полицейскую форму, ворвалась в деревню Бехмай — ту самую. Хватали всех мужчин. Кто-то из них был в числе обидчиков Пхулан, кто-то нет. «Королева бандитов» (так ее прозвала пресса) отдавала приказы через мегафон. 22 человека были расстреляны.

От этой бойни содрогнулась вся Индия. Полиция устроила несколько больших облав, но поймать шайку не смогла.

Еще целых два года Пхулан Деви терроризировала бога-

Кто пригодился в прототипы моей Жанны Богомоловой — так это Дурга

тые деревни, не трогая людей из низших каст, из-за чего заслужила репутацию индийского «Робин Гуда». В конце концов сама Индира Ганди — женщина, сумевшая доказать свое превосходство над мужчинами совсем другим способом, — предложила разбойнице сдаться в обмен на снисхождение.

Пхулан выторговала членам своей банды небольшие сроки и на публичной церемонии, в присутствии десяти тысяч зрителей, сложила оружие перед портретом Махатмы Ганди.

Следствие по ее делу (вернее, 48 делам) длилось одиннадцать лет. Всё это

время Пхулан находилась в тюрьме. Там представители сильного пола поглумились над ее телом еще раз: во время гинекологической операции хирург нарочно удалил ей яичники, заявив, что «нечего плодить новых Пхулан Деви».

Тем временем «Королева бандитов» стала международной звездой. Про нее писали книги, даже вышел художественный фильм, имевший успех.

В конце концов ее помиловали — несмотря на все преступления, общественное мнение было на стороне Пхулан Деви.

После освобождения бывшая разбойница (ей было едва за тридцать) перестала поклоняться богине смерти и приняла буддизм. Создала партию, защищающую представителей низших каст. Стала депутатом парламента, вышла замуж.

Но хеппи-энда у этой даже не голливудской, а болливудской истории не вышло.

21 июля 2001 года, как раз когда я мучился в поисках женщины-убийцы, на Пхулан Деви около ее дома напали трое мужчин в масках. Всадили пять пуль, застрелили телохранителя.

«Королева бандитов» и ее люди сдаются (почему у двоих на газетном снимке замазаны лица, не знаю)

Защищать права можно не только с винтовкой, но и с микрофоном

Ужасная жизнь, ужасная смерть

Кажется, это была месть за расстрел в деревне Бехмай.

Нет, считать злодейкой эту женщину я не согласен. Она, конечно, поступила чудовищно, когда схватила и расстреляла всех мужчин из деревни Бехмай, не разбирая, кто прав, кто виноват. Хотя вообще-то все они виноваты. Потому что три недели наблюдали за происходящим — и никто не заступился.

Знаю, что я не прав. Но на месте правительства я бы эту женщину тоже в конце концов помиловал.

А вы?

Бегущая по волнам

кажу сразу: эта дама — не героиня моего романа. Хотя чуть было ею не стала. Я искал именно такой прототип

для одного женского персонажа, и нашел его of all places в Ирландии. Задуманный роман не состоялся, а типаж интересней. И весьма, весьма современный.

Есть люди, чаще всего женщины, которые так быстро реагируют на веяния времени, что со стороны кажется, будто это они своими действиями меняют время, а не наоборот. На самом деле они просто предчувствуют изменения и бегут по волнам — туда, куда через мгновение подует ветер.

Именно такой, как мне кажется, была графиня Маркевич. Впрочем, как уже было сказано, это героиня не моего романа, и, возможно, я к ней несправедлив.

За пределами «Зеленого Острова» Констанс Маркевич малоизвестна, а среди читателей, я полагаю, ирландцев немного, поэтому я просто коротко перескажу события этой зигзагообразной жизни. Посредством картинок — они нагляднее, чем текст, продемонстрируют эту поразительную способность к мимикрии.

Констанс в ранней молодости — такая викторианская незабудка (см. фотографии).

Всё как положено: дочь баронета, богатейшего землевладельца; верховая езда, охота; в восемнадцать лет традиционное

турне по Европе; в девятнадцать — представление ее величеству; выезды в свет и так далее.

Однако девятнадцатый век подходил к концу, самые продвинутые барышни начинали мечтать не о балах и замужестве, а об искусстве. Импрессионисты ввели моду на богемную жизнь и парижские мансарды, и Констанс едет учиться живописи в Париж. Пишет какие-то пейзажи, ничего особенного. Зато, как положено современной девушке, заводит роман с красивым художником, а потом выходит за него замуж.

Художник-то он был художник, но не голодранец какой-нибудь, а партия, вполне приемлемая для дочери баронета. Граф Казимир Дунин-Маркевич, при всей богомности, в официальных документах не забывает упомянуть свой статус:

NAME	ADDRESS	RELIGION	DATE	AGE	SEX	STATUS
John A. Davis	Marion	Roman Catholic	1917	37	M	Head (Russian wife)

Читаем справа: граф (российский дворянин)

Красивая богеменная жена красивого
богемного мужа

← Во второй своей инкарнации Констанс выглядела вот так.

Но тут начался XX век, и чуткие к духу времени женщины утратили интерес к искусству. Их теперь занимают социальные проблемы и политика.

Поселившись в Дублине, графиня Маркевич какое-то время по инерции еще водит хороводы с художниками, актерами и поэтами, но затем решительно меняет кожу. Отныне она — борец за права женщин, рабочего класса и, прежде всего, за

ирландскую независимость. Участвует в демонстрациях, выступает на митингах, кормит бедняков картошкой, которую собственноручно чистят такие же светские дамы. Даже по-

падает в тюрьму (это тоже в тренде) — кинула камнем в портрет его величества.

Третья инкарнация — такая. →

Главное достижение суфражистской деятельности графини Маркевич — триумф над male chauvinist pig'ом Уинстоном Черчиллем, которого решительные леди прокатали на выборах в парламент.

XX век входил в силу, щерил свои отросшие зубы. Время окрашивалось в цвет крови. Передовые женщины вроде графини Маркевич заговорили уже не об избирательных кампаниях, а о военных; не о демонстрациях, а о революциях.

И снова наша бегущая по волнам оказалась впереди корабля. Констанс вступила в подпольную «Ирландскую армию» и начала закупать для радикалов оружие еще до того, как грянули первые выстрелы великой войны.

Дороги супругов тут окончательно разошлись. Казимир уехал на русский фронт, сделался патриотом польской идеи (царь обещал восстановить Польшу после победы над немцами); Констанс же стала противницей войны и врагом англичан, а стало быть, в определенном смысле симпатизанткой кайзера.

В 1916 году в Дублине произошло вооруженное восстание против британской короны. Графиня Маркевич надела военную форму и взяла в руки оружие.

Четвертая инкарнация — амазонка. →

Но английская регулярная армия быстро справи-

Но элегантность осталась

Как известно, аристократ в революции обаятелен. Что уж говорить об аристократке. А как изящно позирует в фотоателье!

лась с инсургентами. Графиню Маркевич взяли в плен и отдали под суд. По суровым военным временам речь шла о смертной казни.

← На тюремном снимке видно немолодую, усталую и, кажется, сильно испуганную женщину. Ни позы, ни апломба. Единственный портрет, на котором просто человек, а не ролевая модель.

Один из членов военного суда вспоминал, что графиня плакала и говорила: она всего лишь женщина, а женщин не казнят.

Впрочем, это свидетельство врага и недоброжелателя. Может быть, оклеветал. Сохранились и другие отзывы, вполне героические.

Ничего, в конечном итоге обошлось. Все-таки дама из хорошего общества — не вешать же ее, не расстреливать же, в самом деле. Для острастки приговорили к казни, но «с учетом пола» заменили на пожизненное, а в следующем году вообще отпустили, по амнистии.

И вновь Констанс Маркевич оказалась на гребне волны, опять преобразилась. Больше никаких бомб и револьверов, только легальная политическая борьба — благо женщины в 1918 году наконец отвоевали себе некоторые права.

Слуга народа среди народа. Скромно одетая, простая, доступная

Графиня Маркевич стала первой женщиной, избранной в британский парламент, а потом — первой женщиной-министром в правительстве свободной Ирландской республики.

← Пятая инкарнация: народная избранница.

Оценки деятельности и личности этой безусловно выдающейся дамы у современников весьма различны. Мою принимать во внимание не нужно — я ведь искал

Констанс Маркевич (1868–1927), героиня ирландского и женского движения

прототип, который укладывался бы в заранее определенный образ женщины-хамелеона. Биографы же графиней Маркевич в основном восхищаются, так что окончательная ее инкарнация, бронзовая, безусловно заслужена.

Потому что мелочи со временем забылись или утратили значение, и осталось только главное, несомненное: борьба за свободу Ирландии, борьба за равноправие женщин, горение идей, героизм. Всё это правда, всё было.

Кому же ставить бронзовые памятники, если не такой женщине?

Борис Первый, король андоррский

Недавно я побывал в Андорре и наконец всерьез заинтересовался Борисом Скосыревым, о котором раньше слышал мельком лишь какие-то невероятности. Якобы храбрый офицер-белогвардеец ни с того ни с сего стал монархом маленького горного княжества — в эпоху, когда монархов уже было принято свергать.

Я посмотрел сверху, с перевала, на игрушечную страну и попробовал представить, как восьмьюдесятью годами ранее этот городок в табакерке впервые разглядывал Скосырев. Человек прошел через мировую и гражданскую войны, оказался в числе счастливых, кому повезло унести ноги. И вот

Всей страны — одна узенькая долина

занесло его в глухой пиренейский угол. Смотрит на горную жемчужину, размышляет.

В Европе 1933 года, мягко говоря, неспокойно. В Италии давно фашисты, в Германии — недавно. Пахнет новой войной. С одной стороны высоких гор — Франция, где победил на выборах социалистический Левый Картель; с другой — Испания, где недавно свергли короля и скоро начнут убивать друг друга. А посередине, как зачарованное царство, независимая страна, с XVII века имеющая двух номинальных сюзеренов: испанского епископа и французского короля (в республиканские времена — президента).

Допустим, мелькнула фантазия: вот здорово было бы стать королем этого парадиза. Нормальный человек улыбнулся бы смешному мечтанию и отправился себе дальше. Скосырев же решил дурацкую фантазию осуществить. Самое поразительное — у него это получилось.

В гостинице я заглянул в «Википедию», чтобы почитать про русского Урфина Джюса. Обнаружил, что в прошлом он служил переводчиком в японской миссии. Выходит, коллега, сэмпай? Ну и тут уж я отгуллился по полной.

Теперь, прочитав всё, что удалось найти об удивительном авантюристе, я знаю о нем не намного больше, чем вначале. То есть узнало я сорок бочек всякого разного, но поди разбери, что правда, а что нет.

Источники сообщают о Скосыреве массу противоречивых или явно неправдоподобных сведений. Вся жизнь он про себя врал — кудряво и вдохновенно. В совершенстве владел тонким искусством лапшенавешивания.

Более или менее достоверно следующее.

А еще был обаятелен и весьма недурен собой

Флаг Андорры

Борис Михайлович Скосырев появился на свет в 1896 году, в Вильно, где его отец служил земским начальником. Получил какое-то образование, давшее право на офицерский чин. Во время войны находился в британском броневом дивизионе, сражавшемся на русском фронте. Дослужился до штабс-капитана.

Насчет работы в японской миссии — туман. Скосырев обладал редким лингвистическим даром, знал несколько европейских языков, но как и где мог выучить японский, непонятно.

Эмигрировав, жил в Англии, Нидерландах, Испании. Кажется, были какие-то нелады с законом: подделанные чеки, экстрадиции и еще что-то столь же пахучее. В документах штабс-капитана откуда-то нарисовался баронский титул. А в Андорру Скосырев явился уже не бароном, а целым графом Оранским — якобы голландская королева Вильгельмина сделала его «сиятельством» за какие-то особые заслуги.

Андоррский период биографии Бориса Скосырева очень короток и подробно задокументирован, так что с этой главой бурной жизни комбинатора все более или менее ясно.

Впервые он появился в крошечной стране в 1933 году. Сумел получить подданство и представил местным властям проект по превращению гордого, но бедного княжества в земной рай. Естественно, наглеца послали обратно за Пиренеи и даже дальше.

Но 7 июля 1934 года «граф Оранский» объявился вновь, предложив уже целый пакет эпохальных реформ, только на сей раз заявил, что желает быть андоррским королем.

В общем, титулярный советник Поприщин, корнет Савин и Остап Бендер в одном флаконе. «Король Испании отыскался, и он устроит вам Новые Васюки».

Однако дальше начинаются чудеса, объяснения которым я так нигде и не нашел.

Каким-то волшебством самозванец сумел очаровать Генеральный Совет княжества и на следующий день был провозглашен Борисом Первым, королем андоррским.

Царствование бывшего япониста длилось всего одну неделю. За это время он успел издать конституцию, выпустил несколько эдиктов и объявил войну испанскому епископу, которому очень не понравилось, что какой-то проходимец покусается на его бесполезный, но освященный традицией ранг андоррского со-сюзерена.

Война закончилась быстро. Епископ нажаловался испанской полиции, та в нарушение международного права прислала наряд и препроводила его андоррское величество в каталонскую катаджку. На этом блистательное правление Бориса Первого и завершилось.

Дальше всё опять погружается в туман.

Кажется, перед войной Скосырев жил во Франции и с началом боевых действий попал в лагерь для перемещенных лиц.

Кажется, потом служил у немцев и был на Восточном фронте зондерфюрером, то есть военным чиновником в офицерском звании.

Кажется, попал в советский плен и угодил в Сибирь. (Ой вряд ли. Белогвардейца-зондерфюрера расстреляли бы без лишних разговоров.)

Особенно сомнительной версия ГУЛАГа выглядит с учетом того, что в 1958 году Скосырев уже живет в Западной Германии. Так бы его из СССР в Федеративную Республику и выпустили.

Не жизнь, а сплошная мистификация, не за что ухватиться.

Если взять сухой остаток, доподлинно известны всего три факта.

Да, родился в 1896 году. Да, в Вильно. (Имеются документы.)

Да, в 1934 году в течение нескольких дней был андоррским королем. Справа карикатура из газеты того времени.

*Хотя год рождения-то
другой... Опять
надувательство?*

Да, в 1989 году скончался в немецком Боппарде. Имеется могила.

Всё прочее — сон, увиденный во сне.

Ну и последнее, самое интересное.

Что же за Новые Васюки предложил андоррскому правительству «граф Оранский» — да так соблазнительно, что его сделали королем?

А это, оказывается, были те самые принципы, на которых построено благополучие сегодняшней богатенькой Андорры: ставка на горнолыжный спорт и туризм плюс налоговый рай для привлечения зажиточных иностранцев плюс привилегии для коренных жителей.

При этом в стране, столь многим обязанной Борису Первому, нет даже переулочка, названного в память шального, но, видно, небесталанного проходимца. Эту страну своей истории андоррцы предпочли забыть. Черная неблагодарность!

Писательница и убийство-1

Преступление страсти

В свое время я написал книгу «Писатель и самоубийство», потому что тогда еще не был детективщиком. А то, наверное, взялся бы за тему «Писатель и убийство» — про многочисленных убитых писателей или про немногочисленных писателей-убийц.

Впрочем, писатель и убийство — это не штука. Тестостерон, мужская агрессивность, дуэль, война, опасная профессия. Вот писательница и убийство — это настоящий челлендж. Одно время я коллекционировал истории такого рода, особенно если в них содержалась какая-нибудь тайна.

Все собранные мной тогда сюжеты, словно подстраиваясь под мои литературные вкусы, относятся к разным поджанрам детектива.

Первый — к разряду «Преступления страсти». По крайней мере, так формулируется основная версия. Как вы увидите, не единственная.

Смотрим на портрет красивой молодой дамы.

Эту романтическую особу звали Дельмирой Агости-

ни. Она появилась на свет в Уругвае в 1886 году и погибла двадцатисемилетней.

Дельмира Агостини — одна из самых известных латиноамериканских поэтесс. Как можно догадаться по позе и по выражению лица, отчаянная декадентка.

Писала изысканные, пряные стихи о страсти и смерти. Например, такие (*перевод Иины Чежеговой*):

*Да, скоро я умру, и я умру так странно:
меня не жизнь, не смерть и не любовь убьет,
но мысль меня убьет, немая, словно рана...
Знакома ли вам боль, которую несет
мысль непомерная, что гложет неустанно
и плоть и душу вам, но чей не зреет плод?
Вам сердце жжет звезда, что гаснет безымянной
и, мстя, сжигает вас, но света не дает?*

Умерла она действительно и скоро, и странно. После бурного пятилетнего ухаживания на Дельмире женился темпераментный кабальеро Энрике Рейес. Брак продлился 53 дня, сопровождался скандалами и ссорами, а затем поэтесса покинула своего супруга, объявив, что «спасается от пошлости». Через восемь месяцев они развелись. Еще месяц спустя обоих нашли на некоей съемной квартире. Дельмира была убита двумя выстрелами в голову. Энрике лежал без сознания, тоже с пулей в голове и с револьвером в руке. Оба были, как тогда писали, *deshabillé*.

Он, Она, Постель, Смерть...

Вроде бы всё ясно: покинутый муж поступил по принципу «не доставайся ж ты никому». Но расследование обнаружило очень странное обстоятельство.

Оказывается, супруги, проходя через бракоразвод-

ный процесс, продолжали тайно встречаться, для чего и была снята квартира. Свидания (как видно и по сцене преступления) были любовными. При этом для окружающих отношения выглядели непримиримо враждебными — во время публичных встреч Энрике осыпал бывшую жену упреками и оскорблениями.

Когда тайные любовники становятся мужем и женой, это в порядке вещей. Но чтоб муж и жена становились тайными любовниками? Чего ради?

Загадка осталась неразъясненной. Энрике Рейес скончался в госпитале, так ничего и не рассказав. Ему тоже было только 27 лет.

Каковы же версии случившегося?

Первая и главная, как уже было сказано, — преступление страсти. Столкнулись две натуры, жаждущие сильных переживаний. Романтической поэтессе брак показался скучной прозой, хотелось драмы. То ли дело тайные свидания! И, конечно, терзания, взрывы ревности, скандалы. В общем, бурная латиноамериканская любовь-ненависть в духе «йо те кьеро, май кабальеро, бринг ми текила фром Венесуила». В конце концов, накал оказался слишком силен, и у мужчины произошел нервный срыв. Не смог дольше выносить этого контрастного душа, сорвался.

Вторая версия: Рейес чем-то шантажировал жену, понуждая ее к секретным свиданиям. Оснований для этого предположения — ноль. Но следовательно не может оставлять такой вариант вне рассмотрения.

Третья версия — литературная. Дельмира Агостини была из поэтов, про которых говорят, что они зачарованы смертью. Возможно, ей сознательно или подсознательно хотелось довести своего взрывного партнера до убийства, и вся эта драма была реализацией суицидального комплекса. Мы про такой тип отношений хоро-

Тоже красавец, правда?

шо осведомлены благодаря роману «Идиот»: Настасья Филипповна там тоже добилась от Рогожина того, чего ей так хотелось. И, если б на месте преступления вовремя не появился князь Мышкин, Рогожин скорее всего тоже совершил бы самоубийство.

Я не был бы японистом, если бы не предположил и четвертую версию — синдзю, двойного самоубийства по сговору. Если та, которую безумно любишь, так же безумно влюблена в Смерть, вполне может составиться любовный треугольник, устраивающий все три стороны.

А что там на самом деле произошло — бог весть.

Писательница и убийство-2

Этнографический детектив

Продолжаю рассказ на такую легкую, умиротворяющую тему, как убийство писательниц.

В прошлый раз мы похоронили жертву латиноамериканской страсти Дельмиру Агостини. Сегодня — сюжет из другого криминального субжанра.

Люди моего возраста, конечно, помнят замечательный фильм «Рожденная свободной», на который я в детстве ходил, наверное, раза четыре.

Главная героиня — львица Эльза.

Ах, какое было кино!

Джой еще и картины писала

Ее детенышем подобрала семья европейцев, живущих в Африке, и провела небывалый эксперимент: воспитала так, чтобы Эльза потом могла вернуться в саванну и жить там на свободе.

Фильм снят по одноименной книге писательницы Джой Адамсон (1910–1980), рассказывающей подлинную историю. Джой и ее муж Джордж, защитники дикой природы, действительно

сумели вырастить из львиной девочки самодостаточную девицу, которая потом жила сама по себе, вышла замуж за очень привлекательного льва и родила от него прелестных крошек. Настоящий американский хеппи-энд.

Трогательно политкорректная и к тому же правдивая история ужасно понравилась добрым американцам и европейцам. Книга стала супербестселлером, а потом и весьма кассовым фильмом. Джой Адамсон превратилась в настоящую звезду. Она потом много лет ездила по миру с лекциями про африканскую wildlife, собирала средства на защиту меньших братьев и выпустила пару сиквелов, тоже успешных.

Счастливая Эльза

С Джорджем, правда, они расстались. Но не по каким-то там пошлым причинам вроде мужской зависти или, упаси боже, меркантильных счетов. У супругов разошлись жизненные интересы: Джордж сохранил верность львам, а непостоянная Джой увлеклась спасением леопардов и гепардов. Сами понимаете, вместе им было не ужиться. Муж с женой существовали каждый сам по себе, но сохранили чудесные отношения.

В семьдесят лет Джой была в прекрасной форме и продолжала колесить по самым глухим африканским углам, занимаясь своим интересным и благородным делом. Дама она была решительная, волевая, совершенно бесстрашная, весьма крутого нрава. Обслуживающим персоналом (гидами, рабочими, водителями), набранным из местных жителей, управляла безо всякого либерализма.

Однажды — на территории кенийского заповедника Шаба — писательницу нашли мертвой. Сначала решили, что ее задрал лев. Но лев вряд ли угнал бы джип убитой — к такому заключению, немного поразмышляв, пришла кенийская полиция.

Разумеется, поднялся шум на весь мир. Джой Адамсон все знали, все любили.

Через месяц полиция объявила, что нашла убийцу и что он сознался. На скамье подсудимых оказался 18-летний пастух Накваре Эсаи, подрабатывавший в лагере Адамсон. Адвокаты заявили, что его вынудили к самооговору пытками, потому что нужно было предъявить мировой общественности виновного. Суд это сообщение проигнорировал. Парень получил пожизненное — и то лишь благодаря тому, что в момент преступления еще не был совершеннолетним.

The Sunday Standard newspaper said Sunday police "returned to the scene of Joy Adamson's death after a report suggested that she may have been murdered and not attacked by a lioness."

The new investigation was launched after Mrs. Adamson's car was reported stolen from her campsite, raising the possibility that a robbery may have led to her murder.

Initial reports from the area said she was killed by a marauding lioness who was tracking a buffalo but turned on her when she approached.

Кто и за что убил Джой на самом деле, так и осталось тайной. В виновность Эсаи мало кто поверил.

В 2004 году, отсидев почти четверть века в тюрьме, этот человек впервые разомкнул уста и дал из тюремной камеры интервью газете «Гардиан».

Чего он там только не наговорил!

Да, он убил Джой Адамсон, потому что она всех мучила и тиранила, грозила работникам пистолетом и даже пускала его в ход. Она прострелила бедному юноше ногу, а он побежал к себе в палатку, схватил пистолет и сразил злую ведьму наповал.

История отличная, если не учитывать того, что писательницу убили не в лагере. И не огнестрельным, а холодным оружием.

Ужасно ее жалко, эту храбрую, одержимую идеей тетку, которая посвятила всю свою жизнь спасению зубастых-клыкастых-ушастых, и они за сорок лет не сожрали ее и не пока-

лечили, а какой-то двуногий подонок польстился на тачку и жвачку, да еще засадил гнить в тюрьму невинного человека, который за решеткой подвинулся рассудком.

Девять лет спустя в другом заповеднике погиб и преданный защитник львов Джордж Адамсон — бросился на выручку туристу, на которого напали браконьеры, и был убит.

Сейчас муж и жена находятся в специальном раю для защитников дикой природы, рядом с теми, кого они спасли. Там не так, как здесь. Леопарды и гепарды со львами не ссорятся, и все могут жить вместе.

Успеша делать добро

В нашем воспаленном обществе периодически разгораются жаростные споры по поводу того, как может и как не может вести себя человек, занимающийся Хорошим Делом. Допустимо ли ради Хорошего Дела кривить душой, врать, заискивать перед властью, ходить на совет нечестивых и так далее.

Скажу сразу: у меня тут твердой позиции нет. С одной стороны, ну давайте упрекнем Шиндлера за то, что он был членом фашистской партии. С другой — может, совсем уж на уши вставать необязательно, если, конечно, речь идет не о газовых печах? Всё зависит от конкретной ситуации и чувства меры.

И еще одно.

На прекрасном благотворительном поле зарыта одна мина, на которой иногда подрываются люди, по праву заслужившие всеобщее уважение и даже славу. Некоторые из этих праведников начинают думать, что служение Хорошему Делу позволяет им не держаться общепринятых этических норм, ибо ведь не корысти ради — и вообще: кто вы все такие, чтобы меня осуждать, когда я сделал и делаю столько хорошего?

Хочу рассказать вам про одну выдающуюся женщину, которая ради Хорошего Дела зашла слишком далеко. Она мне почти как мать. Ну, то есть Борису Акунину. Именно с этой дамы, собственно, когда-то и начался весь проект.

У меня в романе «Азазель» есть такая леди Эстер, великая благотворительница, которая решила ни более ни менее как спасти всё человечество, ускорив исторический прогресс. Самым интересным персонажем для меня была она, а вовсе не юный дурачок Фандорин.

У моей баронессы Эстер есть вполне реальный прототип, ныне совершенно забытый, а в свое время оказавшийся в центре ужасного всероссийского скандала.

Игуменья Митрофания (имя, которое мне потом пригодилось для серии про монашку Пелагию) прожила удивительную жизнь. Она принадлежала к высшей аристократии, была дочерью командующего Кавказским корпусом барона Розена (которого я потом уворовал для романа «Герой иного времени» — у меня безотходное производство). В юности она была фрейлиной императрицы, а в 26 лет, после череды семейных трагедий, постриглась в монахини.

Баронесса Прасковья фон Розен была из породы людей, которые *спешат делать добро*. Вероятно, живи она в наше время, возглавила бы Международный Красный Крест или «Эмнести Интернешнл» — такого масштаба и темперамента была женщина.

В молодом еще возрасте она стала настоятельницей Введенского монастыря в подмосковном Серпухове — и привела эту бедную обитель к процветанию. Получив большое наследство, Митрофания всё его истратила на монастырь и на благотворительность.

Потом рамки одной обители ей стали тесны. Митрофания была одной из создательниц и руководительниц русского движения сестер милосердия — за что ей безусловно следовало бы поставить памятник. Но и этой обширной деятельности энергичной игуменье было мало. Она захотела превратить свой монастырь в огромное идеальное хозяйство, подобие земного рая, где духовность идет рука об руку с деловитостью и экономическим успехом (утащено автором в роман «Пелагия и черный монах»). Среди ее проектов — получение железнодорожной концессии, строительство мыловаренного завода, производство гидравлической извести, и так далее, и так далее.

В общем, это была совершенно уникальная личность — самоотверженная, абсолютно бескорыстная, с незаурядным организаторским талантом и исполинским размахом.

Исполинский размах вкупе с упомянутой выше миной ее и погубили. Грандиозные затеи требовали столь же гранди-

озных капиталовложений. Никакие частные пожертвования столько дать не могли. И тогда матушка решила, что Бог простит, если она будет строить большое Хорошее Дело за счет маленьких нехороших людишек, к тому же закоренелых грешников.

В 1873 году Россию потрясла весть о том, что самая уважаемая и чтимая из деятельниц церкви, знаменитая игуменья Митрофания, находится под судом по делу о подлогах и фальшивых векселях на фантастическую сумму в два миллиона рублей (для сравнения: коллежский регистратор Фандорин получал тридцать пять целковых в месяц).

Митрофания подчинила своему влиянию — а характер у нее был могучий — купчиху-алкоголичку, миллионщика-скопца и еще нескольких столь же несимпатичных толстосумов, выдоив из них всё, что можно. Действовала она не одна, а, как сказали бы теперь, в составе ОПГ — у Митрофании было несколько преданных помощников.

«Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего вразрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которых ей приходилось вращаться, — пишет Анатолий Федорович Кони, руководивший обвинением — и всё же испытывавший к подсудимой явную симпатию. — Эта широта воззрений на свои задачи в связи

Какое лицо, а?

5-го октября, поутру, вся Москва стремилась к зданию бывшего сената, но, разумеется, из тысяч желающих в залу попало каких-нибудь сотни двести счастливых, слабосильных зараженных билетами. Остальным предоставлено любоваться на площади царь-пушкой и царь-колоколом.

На следующее утро все московские газеты наполнились разными подробностями открытия процесса. Писали, как публика напряженно уставилась на дверь, из которой должна была появиться подсудимая, но обманулась в ожидании. Из железной двери явились только соучастники ее: купцы Макаров и Махалин в сопровождении жандармов, а сама игуменья, ровными, тихими шагами, оказалась из другой двери, опираясь на черный посох и в сопровождении не стража, а юной 15-тилетней послушницы, которой, словно в наказание, приходится в такой юности выслушивать соблазнительные разоблачения техник дьяний ее начальниц. Для подсудимой перед столом ее защитников поставлено особое кресло, из которого она и опустилась.

со смелым полетом мысли, удивительной энергией и настойчивостью не могла не влиять на окружающих и не создавать среди них людей, послушных Митрофании и становившихся, незаметно для себя, слепыми орудиями ее воли».

Знаменитый Федор Плевако, который защищал на процессе интересы жертв мошенничества, дотоптал игуменью в своей страстной речи, вдохновившей потом Островского написать пьесу «Волки и овцы», где Митрофания выведена под именем хищницы и мерзавки Мурзавецкой: «Овечья шкура на волке не должна ослеплять вас. Я не верю, чтобы люди серьезно думали о Боге и добре, совершая грабительства и подлоги». (Хм, а я верю.)

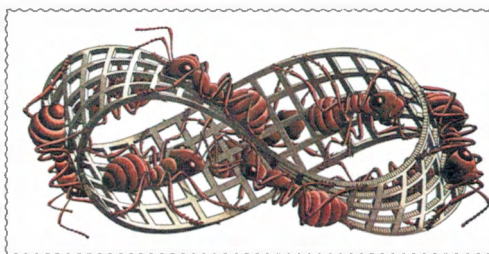
Для подсудимой всё закончилось печально, но, с учетом тяжести обвинений, не ужасно: ссылкой в отдаленные монастыри, где Митрофания до конца своих дней мирно занималась иконописью — был у этой разнообразно одаренной женщины и такой талант.

Конечно, Митрофания — не совсем леди Эстер. Мировых заговоров не составляла и никого не убивала, только обкрадывала. Но мотивация та же самая, тот же тип личности, а главное — та же дилемма.

Грозные противники игуменьи: А.Ф. Кони и Ф.Н. Плевако

Одна из ключевых тем не только романа «Азazel», но всей фандоринской серии — растяжимость границ Хорошего Дела, неуловимый шов на ленте Мёбиуса, где лицевая сторона превращается в изнанку.

Можно ли, например, угробить несколько плохих людей ради спасения большого количества хороших? (Да не вопрос, ответит большинство читателей.) А можно ли во имя блага всего человечества пожертвовать буквально одним юнцом, симпатичным, но сильно мешающим Хорошему Делу? Кого, в конце концов, жальче — какого-то мальчишку или всё человечество? Баронесса Эстер тяжело вздохнет, и, конечно, поспешит спасти человечество.

Все беды от спешки.

Как надо жить

10

ноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, скажу не задумываясь: не делай ее с товарища Дзержинского. А делай ее с Василия Ерошенко.

Вот вы скорее всего не слышали этого имени, а в Японии его знает каждый более или менее начитанный ребенок.

Для сравнения (в Яндексе и в японском Yahoo):

Судьба с самого начала поставила этого человека в невозможно тяжелые условия. Как сказали бы теперь, он не имел никаких шансов на жизненный успех.

Эпоха ему досталась из тех, про которые говорят «времена не выбирают, в них живут и умирают» (преимущественно второе). Конец девятнадцатого века, начало двадцатого. Глухая российская провинция, крестьянская (то есть серая, депрессивная) среда. В четырехлетнем возрасте мальчик тяжело заболел и навсегда ослеп. Потом скажет: «Я смутно помню всего четыре вещи: небо, голубей, церковь, на которой они жили, и лицо матери». С этим визуальным воспоминанием о мире он потом и живет.

Что с такими исходными параметрами было делать? Себя жалеть, всех вокруг ненавидеть, просить милостыню, пропивать ее в кабаке, а когда начнется Гражданская война и перестанут подавать, околеть в канаве.

Василий Ерошенко распорядился своей жизнью по-другому.

В приюте для слепых детей его хотели приспособить к шеточно-корзиночному ремеслу, чтобы калека мог хоть как-то заработать на кусок хлеба, но Вася предпочел научиться музыке. Играл на гитаре, потом освоил скрипку. Подрос — стал играть в оркестре знаменитого московского ресторана «Якорь». Слепому скрипачу рассказали, что в Лондоне есть Академия музыки с отделением для незрячих. Но как туда попасть, чем платить за учебу, на что жить? Недостижимая мечта.

Мечты осуществляют люди, которые не киснут, а живут полной жизнью, интересуются интересным, не пугаются недостижимого, а достигнув его, начинают мечтать о чем-то новом. Именно так Ерошенко и жил.

Вместо того чтобы кряхтеть и сто лет копить деньги на заморское учение, Ерошенко весь отдался новому увлечению — загорелся идеей всемирного языка эсперанто. Выучил, подружился с эсперантистами, которые тогда представляли собой нечто вроде международной фанатской организации. Оказалось, что во всех странах у эсперантистов есть свои люди, все друг другу помогают — и в 1912 году 22-летний Василий отправился в Лондон. Эсперантисты будут передавать его из страны в страну как эстафетную палочку. Этому человеку всегда, всю жизнь будут помогать те, кто любит новое (и мешать те, кто нового боится).

Казалось бы, мечта осуществилась. Но в Лондоне музыкант-эсперантист узнал, что в далекой стране Японии слепые издавна пользуются привилегиями: владеют особым искусством массажа и считаются идеально пригодными для игры на старинных струнных инструментах — кото и сямисэне. К тому же Василий влюбился в мудрость Востока — начитался священных буддийских книг (пальцами, как же еще). Интерес был не религиозным, а интеллек-

Ерошенко в молодости

С дамой в кимоно

туальным. Ерошенко в бога не верил, только в себя и в хороших людей.

В 1914 году он уже в Токио. Учится в Школе слепых сразу четырьмя специальностям: музыке, медицине, психологии и литературе, не считая всякой прикладной мелочи вроде массажа или лепки. Изучает науку иглоукалывания. Японский язык осваивает тоже при по-

мощи иголки — накалывает звучание слов на карточки. Этот человек обладал каким-то феноменальным лингвистическим даром, за свою жизнь он выучит не меньше двадцати языков, в том числе китайский, пали, пушту, бирманский, туркменский, чукотский... Как ни фантастично для меня, япониста, это звучит, но, прожив в Токио меньше двух лет, Ерошенко начал писать и публиковать в журналах сказки на японском языке. Эти произведения и сегодня считаются в Японии классикой детской литературы.

Если вы думаете, что молодой человек с навсегда закрытыми глазами только и делал, что учился новому, то ошибаетесь. Он жил полной жизнью во всех смыслах. Например, испытал тяжелую любовную драму.

Ерошенко всегда, в любой стране, дружил с выдающимися людьми. Яркие личности, как известно, тянутся друг к другу. В десятых годах XX века в Японии, как и везде, самыми яркими людьми были интеллектуалы левых убеждений — по большей части, анархистских. В одну анархистку (ее звали Итико Камитика) Ерошенко сильно влюбился.

Я думаю, что любовь слепого человека должна быть более зрячей, чем обычная, которая слишком фиксируется на внешности. Итико Камитика была одной из самых интересных японок XX века. Смелая, верящая в светлое будущее, она потом станет депутатом парламента (от левых, конечно), в пятидесятые годы добьется запрета проституции, проживет на свете чуть ли не сто лет. Но в 1916 году она была молодой и страстной. Любила не слепого эсперанти-

Анархистские страсти: Итико, Сакаэ и Ноэ

ста, а красивого анархиста Сакаэ Осути. Тот же любил совсем другую девушку (и тоже анархистку), Ноэ Ито.

Любовный четырехугольник до добра не довел. Итико пырнула изменщика ножом и села в тюрьму. Сакаэ Осути выжил, но через несколько лет его и Ноэ убили жандармы...

А Василий Ерошенко еще до всех этих печальных событий с разбитым сердцем уехал за моря. Про Японию он скажет: «Слишком мало земли и слишком много счастья». (Формулировка, над которой я надолго задумался. Слишком много счастья? Может быть.)

Когда говоришь про Василия Ерошенко, начинаешь захлебываться. Человек прожил на свете всего 62 года, а умел будто десять жизней. Не буду всё пересказывать — очень длинно получится.

Но не могу не описать вторую половину этих странствий. Побывав всюду и всё попробовав (хоть ничего и не увидев), Ерошенко вернулся в Россию, которая к тому времени стала советской. Он же был сказочник, он не мог не увлечься коммунистической идеей. Суровая Родина приняла сказочника в свои стальные объятия и уже больше не выпустила. То, как свободный человек жил в несвободной стране, — отдельный сюжет. Вокруг него постепенно выводили под корень всех интересных людей: идеалистических борцов за светлое будущее, эсперантистов, путешественни-

ков, альпинистов. Остались одни неинтересные и те, что замаскировались под неинтересных. Ерошенко уцелел чудом — только благодаря своему инвалидству (но по допросам, конечно, помотали).

Однако он продолжал искать новое и будучи запертым внутри железного занавеса. Жил на Чукотке, где освоил местный язык, научился управлять нартами вслепую и охотиться на слух (уж не знаю, как это). Жил в Туркмении, разработал туркменский вариант брайлевской письменности. Учил незрячих детей — сначала в Кушке, потом в Ташкенте.

Когда узнал, что смертельно болен, отправился в прощальное путешествие по стране и успел осуществить еще одну давнюю мечту — побродил по якутской тайге.

Умирать вернулся в родную деревню, где когда-то видел небо с голубями. Его записи и архивы пропали, изъя-

тые компетентными органами во время многочисленных дознаний. самого Василия Ерошенко на родине забыли, да в общем никогда и не знали. Вспомнили только посмертно, через много лет.

Но вот что я вам скажу. Как мысли черные ко мне придут — ну там, жизнь не нравится или мелкие проблемы со здоровьем, — я вспоминаю про Василия Ерошенко, и мне делается стыдно.

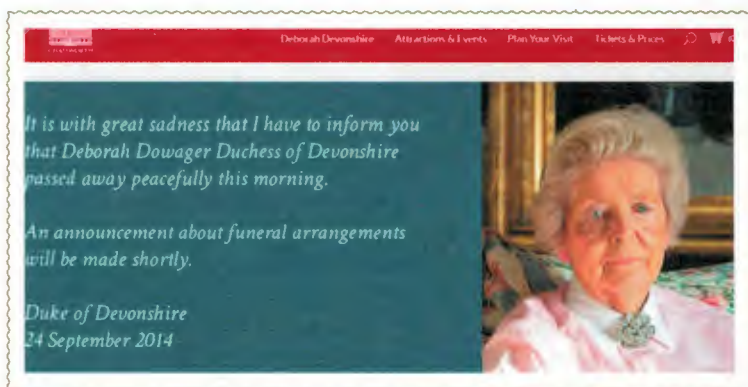
Памятник В. Я. Ерошенко в селе Обуховка Белгородской области

Последняя из могижан

У очнее, из Митфордов. Тех самых сестер Митфорд, чьи имена мне постоянно попадались при сборе материала для «Шпионского романа», интрига которого построена вокруг перелета Гесса в Англию.

Я думал, сестры Митфорд давно унесены ветром из этого мира в историю. А оказывается, последняя из них, вдовствующая герцогиня Девонширская, умерла только что. На девяносто пятом году жизни.

Давайте расскажу тем, кто не знает, что это были за сестры.

Нормальные такие (а стало быть, ненормальные) аристократические англичанки, как из сериала «Аббатство Даунтон», который я еще не раз здесь помяну. Дочки эксцентричного (какого же еще?) лорда, хваставшегося тем, что он за всю жизнь прочитал только один роман — «Белый клык» и на этом решил остановиться, потому что лучше все равно ничего написать невозможно.

Сестер было шестеро. В тридцатые и сороковые годы их имена постоянно мелькали в газетах, причем на разных страницах: кто-то фигурировал в разделе светской хроники, кто-то — литературы, кто-то — политики.

Все барышни выросли яркими индивидуальностями. Старшая, Нэнси (*сверху*), стала знаменитой писательницей из круга Ивлины Во.

Диана вышла замуж за лидера британских фашистов Освальда Мосли. Брачная церемония состоялась дома у Геббельса;

Диана и ее сестра Юнити на нацистском съезде в Нюрнберге. Действительно: все жутко милые

почетным гостем был Адольф Гитлер. Во время войны Диана вместе с мужем была интернирована за нацистские взгляды, от которых не отказалась до конца своей долгой жизни (умерла она 93-летней). Леди Мосли упорно твердила, что Гитлер был очень милый человек, желавший миру одного лишь добра, а еще у него были прекрасные голубые глаза.

Третья сестра, Юнити, любила вождя германской нации еще горячее — кажется, не только в платоническом смысле. Он же называл ее чистейшим образцом арийской женщины.

Когда началась война, Юнити находилась в Германии. Конфликта между любовью к родине и любовью к фюреру она не перенесла: дважды выстрелила себе в

Джессика
на карикатуре

Но и эта, незаметная
Памела, удостоилась
биографии

голову из подаренного Адольфом пистолета. Выжила. По личному разрешению Гитлера была отправлена домой, где несколько лет доживала инвалидкой и умерла от последствий ранения.

Еще была Джессика, антагонистка Дианы и Юнити. В юности она сбежала в Испанию воевать с франкистами, а потом стала коммунисткой и лютой обличительницей американского империализма.

При всем различии взглядов и образа жизни сестер Митфорд объединяло одно качество: упертость. Я читал, что увлечение Джессики левыми идеями началось в четырнадцать лет, когда Юнити, с которой она делила комнату, заинтересовалась нацизмом. «Ну, раз ты собираешься стать фашисткой, я стану коммунисткой!» — объявила девочка. Они разделили спальню на две зоны: половина была завешана свастиками и нацистскими плакатами, половина — серпами-молотами. Однако ведь обе потом так и не свернули каждая со своей дороги. Впечатляет, как к этому ни относиться.

Совсем иной путь выбрала Памела (*правое фото*). Прожила свою долгую жизнь вдали от большого мира, в деревне. И, кажется, была счастлива. В газетном некрологе сказано:

«Она тихо жила в деревне, окруженная любимыми друзьями и любимыми животными. Все они отвечали ей взаимностью».

Ну, а теперь про нашу Дебору, самую младшую.

Мемуары, которые Дебора написала в девяностолетнем возрасте, называются «Подождите меня!». Вроде бы в том смысле, что в детстве ей было трудно поспевать за шустрými и длинноногими старшими сестрами, но считается, конечно, и второй смысл: подождите, я скоро к вам присоединюсь.

Дебора политикой не интересовалась. В 1937 году тоже побывала в гостях у Гит-

лера, но он не произвел на юную леди особенного впечатления.

Жизнь этой дамы состояла из двух частей. Первая — великосветская, к чему понуждал брак с наследником герцогского титула.

Брак оказался небезоблачным. Одиннадцатый герцог Девонширский, кажется, был выпивоха и бабник, но Дебора стойчески перенесла все семейные невзгоды. О покойном муже она говорила: «По временам это было нелегко, но я никогда с ним не скучала». *Very ladylike*.

Герцогине приходилось управлять огромным хозяйством и гигантским поместьем, по сравнению с которым Даунтон-эбби — просто курятник.

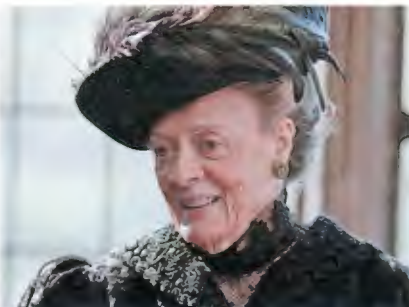

Молодожены 1941 года

Чэтсуорт-хаус. Там в обслуге работает несколько сотен человек

Да и сама хозяйка была помаститей старой графини из фильма, сравните:

В одном из некрологов я прочитал такую историю (не знаю, правдивую или шутливую): будто бы в свое время герцогиня Девонширская издала кулинарную книгу для домохозяек, где, в частности, объяснялось, как быть, если в дом нагрянули восемьдесят голодных джентльменов, внезапно вернувшихся с конной охоты. Оказывается, очень просто:

велеть главному повару что-нибудь быстренько приготовить.

Дебора принимала у себя Черчилля, дружила с президентом Кеннеди и, разумеется, всю жизнь общалась с королевой.

Однако всё это проходило по разделу обязанностей. Для души дама слушала песни Элвиса Пресли, была настоящей его фанаткой.

Слово «курятник» выше было употреблено не случайно. Больше всего на свете герцогиня любила кур, занималась селекцией каких-то редких пород.

Удалившись от дел, она жила уединенно. О старушке заботился неперменный батлер, прослуживший у нее полвека. И каждый день она кормила своих кур.

В последнем интервью Дебора сказала: «Когда становишься очень старой, начинаешь принимать прожитую жизнь такой, какой она была. Из-за чего-то, бывает, поплачешь, но редко. Всё стало таким далеким. Ты вроде бы приближаешься к самой себе, и приятно думать, что церковное кладбище совсем неподалеку».

Не буду скрывать, что старые дамы подобного склада — моя слабость. Когда они изредка попадаются мне в реальной жизни, я готов слушать их часами.

*И вот она ушла «совсем неподалеку», догнала сестер.
Куры осифотели*

В детстве я был окружен не вдовствующими герцогинями, а подругами моей бабушки, старыми большевичками, — тоже, по известным причинам, сплошь вдовствующими. Они были, в общем, слеплены из того же теста, что повопреставленная Дебора: упертые, несколько инопланетные и (что меня поражало) довольные прожитой жизнью, хоть провели ее совсем не в Чэтсуорт-хаусе.

Царство им всем небесное. Ну, то есть герцогине, вероятно, королевство небесное. А старым большевичкам — их коммунистический рай.

Содержание

Белые амазонки	3
Белые амазонки (продолжение)	7
Белые амазонки (окончание)	13
И это серьезное дело нельзя поручать никому	18
Быль о сером волке (Жеводанское чудовище)	22
Настоящая умная женщина	26
Настоящая писательница	30
Настоящая принцесса	33
Диверсант № 2	36
Детский возраст криминалистики	42
Подлинный Джекил-Хайд	44
Братья и разбойники	48
У, противная	51
Париж не стоит обедни, или Перельман былых времен	55
Помнить героев	59
Утонуть в пустыне	62
Разгадываем загадки (продолжение)	65
Очарование Ислама	68
Приключения Колобка	71
Вот раньше были писатели	76
Герой предпочитает Большому Миру Малый, но не находит там счастья	82
Прекрасный маркиз	85
Зачем человеку несчастье	91
Роковая женщина: Россия, двадцатый век	97
Вокруг света с ботаником	102

Романовы, павшие во брани	105
О стервозности кармы	109
Молодые генералы	113
Совсем молодые генералы	120
Главные военные герои	124
Путешествия старухи Шапокляк	128
Цыпленок и паровоз (про Шварца)	133
Не люблю Бонапарта	137
Загадка чудовища	142
Первая кавалерист-девица	147
Граф Ноги читает газету	151
Нескромное обаяние аристократии	154
Дама с собачкой, или Девушка с характером	159
Исчезнуть вдвоем	165
Образ кипучего долдона в российской истории	168
Любовник революции (возрастное)	171
Ответ на часто задаваемый вопрос, или Хорошо быть беллетристом	176
Сатурн почти не виден	180
Японский бог	185
Неприятный факт	189
Жизнь и смерть веселого человека	193
Если б я был султан. То есть сёгун	198
Мечта об Украине	204
Как рождается идея	208
Поэт-царь	211
Весь мир — театр	216
Из князей в грязи (и обратно)	220
Самый страшный злодей	224
Pro Dostoyevsky	227
Собиратель вееров	231
Феноменальный доктор Барри	236
Свой среди чужих	240
Про любовь, которая зла	246
Золотой нос, или Трудности перевода	250

Дворец Желанных Чудовищ	254
Поливанов	257
Белые раджи	261
Неспетая песня	266
К вопросу о легитимности антропоцентризма	271
Женщина, у которой лопнуло терпение	274
Бегущая по волнам	279
Борис Первый, король андоррский	284
Писательница и убийство-1	289
Писательница и убийство-2	293
Спеша делать добро	297
Как надо жить	302
Последняя из могикан	307

Литературно-художественное издание

16+

Борис Акунин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

Короткие истории о всяком разном

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М.С. Сергеева*
Ответственный за выпуск *Т.Н. Захарова*
Компьютерная верстка *С.Б. Клеуцов*

Подписано в печать 30.01.2017 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 20,0.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № ВЗК-00700-17.

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, комн. 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru

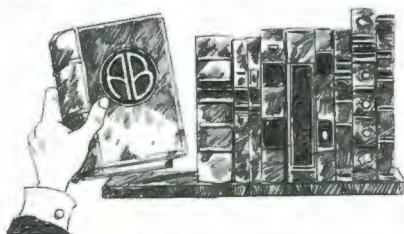
«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Москва, жұлдызды бульвар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор
және оның бойынша аралас-талантарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Оныңмен жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Ондірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

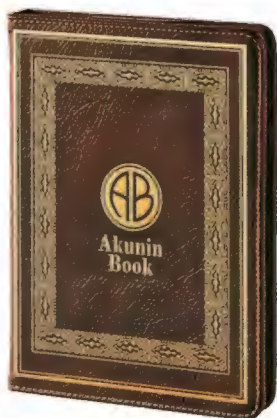
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА»,
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ДЛЯ ТЕХ, КОМУ НРАВЯТСЯ КНИГИ БОРИСА АКУНИНА

У каждого из нас есть свой литературный мир, в котором хочется и нравится жить. Мой — вот он, сжатый до размеров электронной книжки. Здесь почти все, что я написал, и главное из того, что я прочитал. Теперь мне легко ответить на вопрос, который всегда ставил меня в тупик: «Если бы на необитаемый остров можно было взять всего одну книгу, как бы Вы выбрали?» Я бы выбрал эту. Что написал сам — переписывал бы заново. Что люблю читать — перечитывал бы.

Борис Акунин

Электронный ридер «Akunin Book» с книгами автора, рекомендационными списками литературы от Б. Акунина и обратной связью.

И специальное приложение «Akunin Book» для операционных систем iOS и Android.

<http://akuninbook.ru/>

Akunin Book
Reader

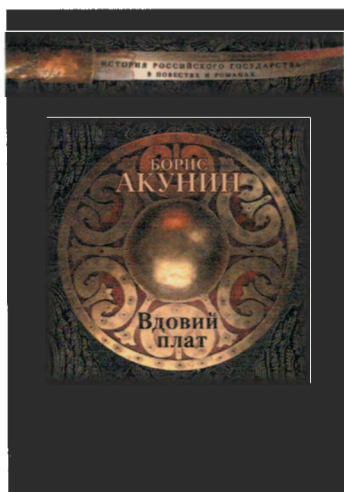

Akunin Book
для Android

Akunin Book
для iOS

Представляем проект БОРИСА АКУНИНА «История Российского государства»

В третьем томе проекта Бориса Акунина «История Российского государства» оживают страницы отечественной истории XV–XVI веков — как драматичные, ключевые события, так и небольшие эпизоды, о влиянии которых на ход истории порой мало кто задумывается.

Охвачен период с момента освобождения Руси от иноземного владычества до великой Смуты — новой утраты независимости в результате внутреннего кризиса и вражеского вторжения. Почему первоначальные успехи сменились поражениями? Что во «втором» русском государстве изначально было — или со временем стало — причиной подобной непрочности?

Новый проект Бориса Акунина
«История Российского государства» —

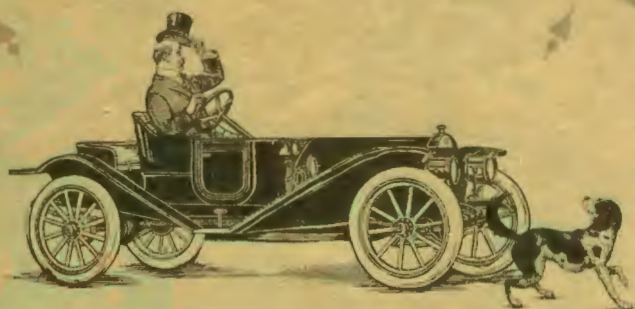
*это не только документальное изложение исторических событий,
но и серия художественных произведений о жизни наших предков,
тысячелетняя сага о судьбе одного русского рода.*

Представляем также «Библиотеку проекта ИРГ» —
рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники
мировой литературы, в которых отражена биография
нашей страны, от самых ее истоков.

Вышли две первые книги «беллетристической» серии:

677-60

«Люди нередко влюбляются в кого-то с одного взгляда. Мы, литераторы, способны влюбиться с одной фразы. Так со мной и произошло. Я влюбился...»

Но ведь мы, читатели, тоже на такое способны. В новой книге Бориса Акунина собраны исторические миниатюры, которые вас удивят, обрадуют, заставят задуматься, а может быть, даже «выведут из зоны комфорта». Жизни замечательных (а порой и самых обыкновенных — на первый взгляд) людей и зверей так точно передают настроение и колорит прошлых времен, словно перед нами диковинный калейдоскоп необычайных событий и поразительных персонажей.

ISBN 978-5-17-098908-9

9 785170 989089

www.ast.ru